

АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ

МУАРРИХ

(маҷаллаи илмӣ - назариявӣ)

№ 2 (34) 2023

Маҷаллаи илмӣ-назариявӣ «Муаррих» соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми як сол чаҳор шумора ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти 174/МҚ-97 15 январи соли 2021 аз нав ба қайд гирифта шудааст.

Маҷалла аз 26 апрели соли 2018 дар рӯйхати маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва аз санаи 21 феввали соли 2022 таҳти рақами 1520 дар Феҳристи маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Вазорати маориф ва илми Федератсияи Россия номнавис гардидааст.

САРМУҲАРИР: *Насрулло УБАЙДУЛЛО, доктори илмҳои таърих, профессор*

МУҲАРРИРИ МАСЪУЛ: *Ҳамза КАМОЛ, доктори илмҳои таърих, профессор*

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

Юсуфшо ЁҚУБШО - академики Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон;

Ҳайдаршо ПИРУМШО - узви вобастаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор;

Абдулло ҒАФУРОВ - номзоди илмҳои таърих, дотсент;

Лариса ДОДХУДОЕВА - доктори илмҳои таърих, профессор;

Аскаралӣ РАҶАБОВ - доктори илмҳои таърих, профессор;

Абдувалӣ ШАРИФЗОДА - номзоди илмҳои таърих;

Нуриддин САЙФУЛЛОЕВ - номзоди илмҳои таърих;

Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ - доктори илмҳои таърих;

Қосимшо ИСКАНДАРОВ - доктори илмҳои таърих;

Виктор ДУБОВИТСКИЙ - доктори илмҳои таърих (Русия);

Александр ЧУБАРЯН - академики Академияи илмҳои Русия, доктори илмҳои таърих, профессор (Русия);

Франсис РИШАР - узви хориҷии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор (Франса);

Анри-Пол ФРАНКФОР - доктори илмҳои таърих, профессор (Франса).

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША

ИСТОРИК

(научно - теоретический журнал)

№ 2 (34) 2023

Научно-теоретический журнал «Историк» основан в 2015 г. и выходит четыре раза в год на таджикском, русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан под № 174/МХ-97 от 15 января 2021 г.

Журнал с 26 апреля 2018 года входит в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан и с 21 февраля 2022 года под № 1520 входит в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Насрулло УБАЙДУЛЛО, доктор исторических наук, профессор*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: *Хамза КАМОЛ, доктор исторических наук, профессор*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Юсуфшо ЁКУБШО - академик Национальной академии наук Таджикистана;
Хайдаршо ПИРУМШО - член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор;
Абдулло ГАФУРОВ - кандидат исторических наук, доцент;
Лариса ДОДХУДОЕВА - доктор исторических наук, профессор;
Аскарали РАДЖАБОВ - доктор исторических наук, профессор;
Абдували ШАРИФЗОДА - кандидат исторических наук;
Нуриддин САЙФУЛЛАЕВ - кандидат исторических наук;
Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ - доктор исторических наук;
Косимшо ИСКАНДАРОВ - доктор исторических наук;
Виктор ДУБОВИЦКИЙ - доктор исторических наук (Россия);
Александр ЧУБАРЬЯН - академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Россия);
Франсис РИШАР - иностранный член Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор (Франция);
Анри-Поль ФРАНКФОР - доктор исторических наук, профессор (Франция).

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN

AHMAD DONISH INSTITUTE OF HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

HISTORIAN

(scientific - theoretical journal)

№ 2 (34) 2023

The scientific-theoretical journal «Historian» founded in 2015, issues four times a year in Tajik, Russian and English languages. The journal is registered in the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan under the № 174 / MJ-97 dated of January 15, 2021.

Since April 26, 2018 is the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (HAC) under the President of the Republic of Tajikistan and since February 21, 2022 under No. 1520 HAC Ministry of Education and science of the Russian Federation.

CHIEF EDITOR: **Nasrullo UBAYDULLO** *Dr. of History, Professor*

EXECUTIVE EDITOR: **Hamza KAMOL** *Dr. of History, Professor*

EDITORIAL BOARD:

Yusufsho YOKUBSHO - Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan;

Haydarsho PIRUMSHO - corresponding member of the National Academy of Sciences of Tajikistan

the AS Republic of Tajikistan, Dr. of History, Professor;

Abdullo GAFUROV - Candidate of History, dotsent;

Larisa DODKHUOEVA - Dr. of History, Professor;

Askarali RAJABOV - Dr. of History, Professor;

Abduvali SHARIFZODA - candidate of historical sciences;

Nuriddin SAYFULLOEV - Candidate of History;

Saidmurod BOBOMULLOEV - Dr. of History;

Kosimsho ISKANDAROV - Dr. of History;

Victor DUBOVITSKIY - Dr. of History, (Russia);

Alexander CHUBARYAN - academician of the RAS,

Dr. of History, Professor (Russia);

Francis RISHAR - foreign corresponding member of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dr. of History, Professor (France);

Henri-Paul FRANKFOR - Dr. of History, Professor (France).

МУНДАРИЧА - СОДЕРЖАНИЕ - CONTENTS

ТАЪРИХИ ВАТАНӢ - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ - NATIONAL HISTORY

Хамза КАМОЛ. Восстание 806-810 гг. в Самарканде.....	5
САИДОВ А. Нақши Рашидуддин Фазлуллоҳ дар умури идории давлати Элхониҳо.....	15
ХОДЖАЕВА Н. ДЖ. К вопросу о религиозных воззрениях Ахеменидских царей.....	23
ШАРИФЗОДА А. Қ. Мунк - зарробоҳонаи нави замони Сомониён.....	31
АБУЛҲАЕВ Р.А., БЕРДИЗОДА Ё.А. Аз таърихи таъсис ва фаъолияти Китобхонаи марказии илмии АИ ҶШС Тоҷикистон.....	39
УМАРОВА З.Х. Навруз в контексте культуры народов Центральной Азии: история и современность.....	49
МУХИДИНОВ С.Р., АРТЫКОВ А.А. Вопросы исследования добычи каменного угля и нефти в Средней Азии во второй половине XIX века.....	57
АБДУРАШИТОВ Ф.М. Заминаҳои ҷиҳимой - иқтисодии ташкили колхоз ва совхозҳо дар Тоҷикистони Шӯравӣ.....	66
КАРАМАЛИШОЕВ К.Н. Проблемы развития исторической науки в условиях модернизации таджикского общества.....	72

ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ - ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ - HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

РИШАР Ф. Археогрaфия поврежденной рукописи: «Диван»-и Хафиза № 426 из собрания Центра письменного наследия Национальной академии наук Таджикистана.....	78
ПИРУМШОЕВ М.Х. Памир в период владычества монголов в Средней Азии (начала XIII – первой половине XIV вв.).....	85
ГАНДЖАКОВА М.Г. Историография истории деятельности культурно-просветительных учреждений Таджикистана в 1924-1941 гг.....	92
СОДИКОВА С.А. Вязальное дело таджиков в конце XIX – начале XX вв. (по материалам письменных источников).....	100
ХАКИМОВА З.Г. Эстетический идеал таджиков (по материалам произведений дореволюционных русских авторов).....	107
ХУСЕНОВ Ф.Р. Дипломатические отношения Махмуда Газнави с Караханидами (историко-ведческий и историографический аспекты).....	112
ИБРОХИМОВ М.Ф., ЁГИБЕКОВА Б.Т. Историографические и источниковедческие аспекты изучения народного костюма таджиков ГБАО конца XIX - XXI вв.....	118
РАҲМАТОВА Р.Б. Саҳми академик П.Б. Бобочонов дар эҳё ва рушди илми ситорашиносии тоҷик.....	124

МАРДУМШИНОСӢ - ЭТНОГРАФИЯ - ETHNOGRAPHY

ДОДХУДОЕВА Л. Этнокультура таджиков верховий Зарафшана в экспедиционных документах отрядов под руководством М. Р. Рахимова.....	130
ЮСУФБЕКОВА З., ШОВАЛИЕВА М.Р. Рахимов и М.А. Хамиджанова - знатоки духовной и материальной культуры таджиков.....	137

БОСТОНШИНОСӢ - АРХЕОЛОГИЯ - ARCHEOLOGY

ПУЛОТОВ А.Г. Типы ручек керамических лепных котлов Верховья Зарафшона в V-VIII вв. н.э.....	144
---	-----

ТАҚРИЗ - ОТЗЫВ - REVIEW

АМИРШОҲӢ Н. Пажӯҳише дар шинохти воқеъ ва комили ҳаводиси таърихии асрҳои VII-IX-и Варорӯду Хуросон.....	149
--	-----

СОЛГАРДИ ДОНИШМАНД - ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО - ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST

МАДАМИДЖАНОВА З. Жизнь отдана науке.....	152
--	-----

УДК – 9 (575)

ВОССТАНИЕ 806-810 гг. В САМАРКАНДЕ¹

Хамза КАМОЛ,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

В начале IX века появились первые признаки упадка Аббасидского халифата. Большинство средневековых историков считают, что халифат при Харуне после свержения Бармакидов стал источником беспорядков и неповиновения. В частности, историк и министр Саманидов Абуали Бал'ами (ум. в марте 974 г.) пишет, что после трагедии семьи Бармакидов Харуна обвинили в том, что мера, принятая им по отношению к Бармакидам, «была не от мудрости и не от обычаев царя, что впоследствии вся работа Рашида замутилась и поднялись мятежи и выступали все города, и Рашид не смог защитить страну, и он сожалел о том, что изгнал Бармакидов» [1, 1541]. Историк XI века Абусаид Гардизи отмечает, что «когда они (Бармакиды) были уничтожены, беспорядки возникли в делах страны, и некому было их исправить или принять меры, и состояние дохода в государственной казне ухудшалось, и Харун пожалел о том, что натворил, и ничего нельзя было сделать» [7, 163].

Бармакиды были из знатного и благородного рода области Балха, которые благодаря своей проницательности, мастерству, деловитости и заслугам достигли высокого положения в министерстве и управлении провинции халифата. Бармакиды были связаны с халифатом в период правления Омейядов, а затем Халид ибн Бармак, глава династии Бармакидов, присоединился к основателю Аббасидского халифата Абулаббасу Саффаху в борьбе Аббасидов и Омейядов за халифат. Согласно Табари (839-923), Халид ибн Бармак был одним из командующих армией Абуमुслима Хорасани в битвах в Хорасане против правителей Омейядов, и сыграл немаловажную роль в свержении Омейядов на этой земле [3, 4034-35]. После падения Омейядского халифата Халид пошел на службу к Абулаббасу Саффаху и занял заслуженное положение в халифате. Когда Абулаббас Саффах казнил своего министра Абусалама, который симпатизировал алавитам, он передал управление министерством Халиду Бармаки. Хотя у Халида Бармаки и не было официального статуса министра, но он отвечал за министерство. Позже Саффах назначил Халида Бармаки главой дивана хираджа, отвечающего за сбор налога с урожая [18, 231]. Халид Бармаки некоторое время был главой дивана расаил (корреспонденции) в халифате, а позже Мансуром Аббаси (754-775) был назначен правителем Персии. Несмотря на клевету и зависть врагов, Мансур Аббаси доверял Халиду и позже назначил его управлять Раем, Табаристаном и Дамавандом. Его сын Яхья был заместителем и преемником отца в Рае. Согласно сообщению Фасехи Хавафи (1375 - ум. после 1441 г.) Халид Бармаки умер в 157 г.х./773-774 г. [18, 252]. Во время халифата Махди (775-786) и Харун ар-Рашида (786-809) сын Халида - Яхья ибн Халид и его сыновья Фазл и Джа'фар занимали высокие посты в халифате. Бал'ами, упоминая Яхью и его детей, пишет: «У Яхьи ибн Халида было четверо сыновей: Фазл, Джа'фар, Муса и Мухаммад. Фазл и Джа'фар были

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа (III- начало XX вв), государственный регистрационный номер 0121TJ1211.

министрами, преемниками своего отца, когда их отец состарился. Иногда Фазл был преемником, а иногда и Джа'фар, как того хотел Рашид. А Мусо и Мухаммад не были министрами, они были эмирами» [1, 1536].

Аббасидский халифат при правлении Харун ар-Рашида процветал и достиг могущества благодаря великому служению Бармакидов. «Бармакиды, - писал Мас'уди (896-956), - укрепили его положение (в халифате)» [6, 372], и по утверждению исторических источников в это время Аббасидским халифатом управляли в основном Бармакиды. В этой связи интересны слова автора анонимного персидского сочинения «Муджамал ат-таварих», которое датировано учеными 1126 г.: «Джа'фар стал министром (174 г.х./790-791 г. [18, 269]), и, тем самым, связал все руки, и мир управлялся Бармакидами посредством руки, пера и приказов, и дела государства решались при помощи меча и пера» [17, 343].

Харун ар-Рашид, со свойственной ему неблагодарностью, не оценил вклада Бармакидов в прогресс и развитие халифата за 17 лет управления министерством и жестоко обращался с ними. В январе 803 года, отстраняя эту знатную семью от дел халифата, Харун ар-Рашид приказал арестовать всех членов этой династии, конфисковать их имения и убить Джа'фара Бармакида. Авторы исторических источников видят причину смещения Бармакидов в том, что за 17 лет управления министерством Бармакиды взяли на себя ответственность за все дела халифата и стали всемогущими, оставив Харуну только статус халифа, ничего более [9, 441-442]. Бал'ами отмечает, что «никто никогда не сможет сказать, что в мире среди царей Аджама и мусульманских халифов кто-то был удостоен такого министерского сана, которого достиг Яхья и члены его семьи при Рашиде» [1, 1536]. Ибн Халдун (1332-1406), подтверждая эти слова, пишет: «Бармакиды оставляли хорошие впечатления во всем, что они делали. Затем их власть расширялась настолько, что они завладели государством Аббасидов и вызывали зависть у своих противников, а враги распространяли клевету и писали доносы на них со всех сторон» [5, 408]. В результате Харун затаил гнев на эту семью, и он не только отстранил их от управления халифатом, но и наихудшим образом обошелся с ними, казнил Джа'фара, посадил Яхью и Фазла в тюрьму, где они скончались после долгих страданий. Средневековый персидский историк Хамдуллах Муставфи Казвини (1281-82—около 1344 или 1350) пишет, что «...после Бармакидов он передал министерства Фазлу ибн Рабе' и этот поступок для Харуна не был благословенным и его работа не стала прочной» [19, 306].

С такими факторами авторы средневековых исторических источников связывают причины беспорядков на территории Аббасидского халифата в начале IX века.

Среди беспорядков, происходивших в халифате в это время, рассматриваются следующие восстания. В 172 г.х./788-789 гг. Идрис, правнук Али, после поражения его восстания в Мекке бежал на крайний запад халифата - Марокко, и образовал на этой земле государство династии Идриситов. Через некоторое время, т.е в 800 г., провинция Африка вышла из-под повиновения Аббасидов, а наместник этой земли Ибрагим ибн Аглаб, имевший в своем управлении много полномочий, стал практически независимым [12, 128]. Среди волнений тех дней было то, что римский царь Никифор нарушил мирный договор с Аббасидами, что привело к войне между арабами и римлянами в 188 г.х./803-804 гг. В 190 г.х./805-806 гг. Сайф хариджит поднял восстание в Айнаннуре. В этом же году народ Кипра разорвал свой договор с Аббасидами. В 191 г. х/806-807 гг. Абунида поднял восстание в

Сирии. В 192 г.х/807-808 гг. вспыхнуло восстание хуррамидов вокруг Талишских гор, которое позже распространилось на весь регион Азербайджана [16, 223].

Самым известным восстанием после свержения Бармакидов на востоке халифата было восстание Рофе' ибн Лайса в Самарканде. Следует отметить, что восточные земли халифата, т.е. Хорасан и Мавераннахр, со времен прихода Аббасидов к власти были их опорой, но восстание Рофе' ибн Лайса на этой земле представляло угрозу для территориальной целостности халифата.

Самаркандским восстанием в 806 году руководил Рофе' ибн Лайс, который, по словам Ибн Халдуна, был одним из самых известных арабских воинов в Мавераннахре [5, 417]. Следует сказать, что когда Омейядский халифат пал, Аббасиды не отстранили от дел халифата всех членов их семьи. Среди этих Омейядов был и Рофе' ибн Лайс. Сообщается, что когда в 189 г.х. /804-805 гг. Харун назначил Али ибн Ису ибн Махана правителем Хорасана вместо Мансура ибн Язида ибн Мансура Хумайри, он приставил к нему группу военачальников, включая Рофе' ибн Лайса ибн Насра ибн Сайёра, и приказал не отдавать ему управление отдаленными городами Хорасана [9, 436]. Это потому, что Рофе' был одним из внуков Насра ибн Сайёра, одного из последних правителей Омейядов в Хорасане. Али ибн Иса передал управление Самаркандом Рофе' ибн Лайсу. Менее чем через год после назначения Рофе' ибн Лайса наместником в Самарканде, он восстал против Аббасидов. Харун считал, что восстание Лайса было результатом преднамеренного плана Али ибн Исы [9, 436].

Что побудило арабского военачальника - Рофе' ибн Лайса поднять восстание против халифата? Историки, занимавшиеся этим вопросом, упоминали лишь общие причины возникновения этого мятежа, такие как вымогательство, усиление гнета арабских правителей над народом и увеличение налогов. Однако на мотив этого мятежа, о котором сообщают некоторые исторические источники, не обращали внимания. В данной статье, опираясь на исторические источники, будет предпринята попытка более подробно объяснить причину и мотивацию, а также ход развития восстания Рофе' ибн Лайса в Самарканде.

Персидский историк IX века Динавари (ок. 815-895) причину восстания Рофе' ибн Лайса видит в том, что «когда Али ибн Иса ибн Махан пришел управлять Хорасаном, он плохо себя вел и притеснял арабов, которые жили в Хорасане, и проявлял (в отношении к ним) открытое угнетение» [8, 432].

Гардизи видит причину восстания Рофе' ибн Лайса в том, что правитель Хорасана Али ибн Иса потребовал от него много товаров, а Рофе' ибн Лайс не дал ему ничего, вместо этого подняв восстание [7, 163].

Жители Самарканда, пишет Бал'ами, уставшие от притеснений и угнетений Али ибн Исы и его сторонников, объединили усилия с Рофе' ибн Лайсом и подняли восстание [1, 1544].

По словам Табари, мотивом восстания Рофе' ибн Лайса было следующее: Яхья ибн Аш'ас Тайи, один из арабских вельмож, взял в жены дочь своего дяди Абуну'мана и они некоторое время жили в Самарканде. Яхья вернулся в Багдад, и его возвращение в Самарканд затянулось. Женщина узнала, что у Яхьи в Багдаде есть служанки, которые могут родить ему ребенка, и она искала способ избавиться от него. Табари пишет, что Рофе' ибн Лайс, узнав о намерении этой женщины,

«жадно смотрел на эту женщину и ее имущество», придумал фетва¹ и тайно послал к ней своего человека, чтобы сказать ей, о способе избавления от мужа: она должна стать идолопоклонником (многобожником) и в присутствии нескольких праведников показать свои волосы; потом она должна покаяться в своих действиях и таким образом она считается разведенной² и имеет право выйти замуж за другого. Эта женщина так и сделала, и Рофе' взял ее в жены. Узнав об этом случае, Яхья ибн Аш'ас пожаловался халифу Харун ар-Рашиду. Харун поручил правителю Хорасана Али ибн Исе развести эту женщину, а самого Рофе' ибн Лайса «подвергнуть мучениям и страданиям, посадить на осла и везти по Самарканду в назидание другим» [4, 4690-91].

История этой женщины стала поводом для тюремного заключения Рофе' ибн Лайса Сулайманом ибн Хумайдом Азди, управляющим Али ибн Исы в Самарканде. Однако Рофе' ибн Лайс сумел сбежать из тюрьмы, и, приехав в Балх к Али ибн Исе, попросил его об убежище, но Али не принял и в начале хотел убить его. Однако Али ибн Иса при посредничестве своего сына Исы дал ему приют, и также разрешил Рофе' ибн Лайсу вернуться в Самарканд. Прибыв в Самарканд, Рофе' напал на Сулаймана ибн Хумайда Азди и убил его. Али ибн Иса отправил своего сына Ису с войсками против Рофе' но он потерпел поражение. Затем сам Али ибн Иса пошел сражаться с Рофе' ибн Лайсом, и также потерпел поражение. Отправившись в Мерв, Али ибн Иса написал письмо Харуну, сообщив ему о распространении восстания Рофе' ибн Лайса, и попросил помощи. Табари сообщает, что после поражения правителя Хорасана в Самарканде Рофе' был повышен в должности до командующего и ему присягнули на верность. Народ Мавераннахра согласился с ним» [4, 4691]. Известный историк Ибн аль Асир (1160-1233) скопировал эту историю в точности от Табари [11, 135].

Восстание, начавшееся в Самарканде, за очень короткое время распространилось в городах и провинциях Мавераннахра. Недовольные вымогательствами и притеснениями наместника Аббасидов в Хорасане Али ибн Исы жители городов и сел Мавераннахра поддерживали мятеж Рофе' ибн Лайса. «Рофе'», - пишет Я'куби (ум. в 897 г.), - собрал огромную армию, к нему присоединялись жители из Чача, Ферганы, Худжанда, Усрушаны, Чаганиана, Бухары, Хорезма, Хутала и других городов Балха, Тахаристана, Согда, Мавераннахра, а также тюрки и жители Харлуха и воины Тибета, и получал от них помощь в войне с мусульманским халифом» [9, 450].

Тирания арабских правителей и их марионеток в Мавераннахре и Хорасане достигла такой степени, что вокруг всякого бунтаря и на шумевшего человека люди собирались, и чтобы избавиться от гнета правителей, восстали против них. Почувствовав нездоровую социальную атмосферу и гнев недовольных жителей Самарканды, Рофе' ибн Лайс затеял такую авантюру, чтобы избежать наказания за свои преступления. Следовательно, причины и мотивация Самаркандского восстания 806 г., упомянутые выше и отмеченные авторами исторических источников, имеют под собой реальную основу.

Это обстоятельство также было подтверждено в исторических исследованиях, показавшими, что «восстание Рофе' ибн Лайса поддерживали широкие слои населе-

¹ Решение, выносимое муфтием, факихом или богословом по какому-либо вопросу исламского шариата.

² По исламскому шариату, брак считается расторгнутым, если мужчина трижды произносит слово «талак» в присутствии свидетелей.

ния Мавераннахра, недовольные притеснениями и вымогательствами аббасидского наместника Хорасана Али ибн Исы» [12, 128].

Однако в других исследованиях, посвященных этой теме, мировоззрение, социальное положение Рофе'ибн Лайса, а также предлог его восстания игнорировались. Эта ситуация особенно ярко проявляется в исследовании Т. Кадыровой «Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане в VIII – начале IX в» [15]. «Выступление араба, - пишет автор, - занимавшего столь важный пост, против арабов и ислама, принесло ему большую популярность среди народов Хорасана и Мавераннахра». В подтверждение своей точки зрения далее она пишет: «С целью привлечь на свою сторону народные массы покоренного Мавераннахра он выступил также против шариата. Сам он, бросая вызов мусульманам, вступил в брак с женщиной, не разведенной по закону шариата» [15, 139].

Эта точка зрения в корне неверна. Рофе' ибн Лайс был внуком последнего правителя Омейядов в Хорасане Насра ибн Сайяра, правившего этим регионом в 738-748 гг. Арабский фанатизм в период Омейядов разделил исламское общество на два полюса: господин (мавлана) и слуга (мавали). В конце Омейядского халифата эти преимущества и привилегии арабов над неарабами достигли такого уровня, что стали источником страданий и огорчений для широких слоев общества стран, особенно Ирана, Хорасана и Мавераннахра, вступивших в состав исламского халифата. Рофе' ибн Лайс был представителем этого общества. По свидетельству исторических источников, Рофе' ибн Лайс нигде не выступал с антиарабскими, антиисламскими и антишариатскими лозунгами. Как можно представить, чтобы араб будет выступать против расы, религии и шариата своих предков, которые боролись за реализацию ислама в Мавераннахре? Это кажется совершенно нелогичным.

В некоторых исторических исследованиях авторы полагают, что вдохновением или причиной мятежа Рофе' ибн Лайса в Самарканде являются идеи «Людей в белых одеждах – Сапедджомагон» [13, 120, 14, 84], восставших под предводительством Муканны в 159 г.х/775-76–169г.х./785-86 в Мавераннахре [16, 176].

Это мнение не имеет под собой обоснования, поскольку оно нигде не упоминается в исторических источниках, близких к этому событию, таких как «История Я'куби» (Я'куби умер в 897 г.) «История пророков и царей» (Табари: 839-923) и «История Бухары» (Наршахи, 899-959). Муканна и его последователи проповедовали учение, в основе которого лежали идеи маздакизма. Одной из главных его проповедей был призыв к активной борьбе за устранение неравенства в обществе. Эта проповедь сочеталась с ярко выраженной пропагандой против власти Аббасидского халифата. «Людей в белых одеждах, - пишет Наршахи, - собралось очень много и мусульмане не могли с ними справиться; халифом в то время был Махди. Он очень огорчился и послал много войска для войны с ним, и наконец, он сам прибыл в Нишабур для усмирения этой смуты. Он был в страхе, ибо существовало опасение, что ислам исчезнет, а вера Муканны распространится по всему миру. Муканна между тем позвал тюрок и разрешил им кров и имущество мусульман» [2,128]. Арабский наместник Самарканда Рофе' ибн Лайс не мог вдохновляться чуждыми ему религиозными идеями и возглавить антиарабское и антиисламское движение в Мавераннахре.

Как развивались дальше события?

Бал'ами сообщает о том, что Харун ар-Рашид получил письмо от управляющего связи (сохиб ал-барид) Хорасана, где он сообщает о разгроме Али ибн Исы

в Самарканде и его прибытии в Мерв, а также восстании народа Балха, разграблении дома Али ибн Исы и его сына Исы ибн Али жителями Балха, и присвоении их скрытых сокровищ. В продолжении пишет, что Али ибн Иса собрал много войск и сторонников, и его следует осторожно отозвать и дело решить миром, чтобы не поднялось восстание против халифа [1, 1544].

Восстание Рофе' ибн Лайс охватило другие города Мавераннахра и приняло больший размах. Согласно Табари в месяц зулка'да 191 г.х./сентябрь-октябрь 807 г. жители Насафа, узнав о приближении Исы – сына Али ибн Исы, обратились с письмом Рафе' ибн Лайсу, выражая ему свое подчинение, просили помощь. Он отправил в Насаф большой отряд во главе с владельцем Чача, в результате чего Иса ибн Али был окружен и убит [4, 4694].

Табари сообщает, что Харун ар-Рашид после получения информации о положении дел в Хорасане и Мавераннахре решил низложить наместника Хорасана Али ибн Ису. Как ему посоветовали, он должен был сделать это очень осторожно. Поэтому он совершенно секретно назначил Харсаму ибн А'яна наместником Хорасана, выдал ему грамоту, и просил до задержания Али ибн Исы держать это в секрете. Также собственноручно написал оскорбительное письмо Али ибн Исе и передал его через Харсаму. В частности в этом письме написал следующее: «Я назначил Харсаму ибн А'яна (наместником) в Хорасане и приказал ему быть строгим с тобой и твоими детьми, твоими секретерами и твоими слугами...» [4, 4698]

Харсама в 192 г.х./807-808 г. прибыл в Хорасан [10, 3733] и сделал вид, что хочет помочь Али ибн Исе подавить восстание Рофе' ибн Лайса. Харсама ибн А'ян прибыв в Мерв, приказал арестовать Али ибн Ису, конфисковав его имущество и сокровища, которые были захвачены им у жителей Мавераннахра и Хорасана, даже забрал украшения и золото его жен и отправил их Харуну, которые, по мнению Табари, все это занимали место на тысяча пятистах верблюдах [4, 4695]. В продолжение этих слов Табари подчеркивает, что Али ибн Иса со знатью и вельможами безжалостно опустошили и ограбили Хорасан.

Харсама перешел Амударью и попытался подчинить жителей этого региона и подавить мятеж. Не сумев подавить восстание, Харсама сообщил халифу, что восстание в Мавераннахре принимает угрожающие размеры и к восставшим примкнули жители всех городов Мавераннахра и Тохаристана.

Когда новость дошла до Харуна, он решил сам возглавить операцию по подавлению восстания в Мавераннахре и в месяце сафара 193 г.х./ноябрь-декабрь 808 г. прибыл в Гурган. Здесь ему принесли разграбленные сокровища Али ибн Исы, и как было сказано, имущество занимало место на тысяче пятистах верблюдах [4, 4712].

Харун стал подозревать Харсаму ибн А'яна в неискренности, и за 23 дня до своей смерти он отправил своего сына Ма'муна с большой армией в Мерв [4, 4712], и «Ма'мун занялся делами Хорасана и его районов вплоть до Рея, который (Харун) доверил ему» [4, 4750]. Назначение своего сына Ма'муна, мать которого была персиянкой, наместником Хорасана, напугало не только участников восстания, но и даже их противников.

По приезду в Мерв Ма'мун отправил Харсаму с войсками в Мавераннахр. Харсама выступил из Мерва и через Амул направился в Бухару. Восстание в Бухаре возглавил брат Рофе' ибн Лайса – Башир. В начале 809 г. Харсаме все же удалось взять Бухару и захваченного в плен Башира он отправил к Харуну в Тус и

по приказу халифа был казнен [4, 4713, 10, 3739. 3741, 5, 417-419]. Об этом событии Табари пишет, что Башир перед казнью обратился к халифу, чтобы он помиловал его и сказал: «О повелитель правоверных,... может быть, когда Рофе' узнает, что ты сделал мне добро и благодеяние, Бог смягчит его сердце?» [4, 4713]. Харун ар-Рашид рассердился и приказал палачу убить его, а тело расчленить [4, 4713, 10: 3741].

По словам Я'куби, Рофе' ибн Лайс в битве с посланником Харуна, Харсамой ибн А'яном обратился за помощью к Джайгуя Харлухи (вождю карлуков), который принял ислам и «обманул Харсаму, сделав вид, что он с ним на одной стороне, хотя помогал и поддерживал Рофе'. Затем (Джайгуя Харлухи) открыто совершил мятеж, и дела Рофе' благодаря ему пошли вверх» [9: 450]. Рофе' ибн Лайс одержал победу над армией Харсамы ибн А'яна под Самаркандом. К этим словам Табари добавляет, что после ухода тюрок (карлуков) Рофе' ослабел [4, 4750].

Аббасидский халиф Харун ар-Рашид заболел, когда прибыл в Гурган, и в таком больном состоянии переехал в Тус. Он умер третьего числа месяца джумадиул-ахир 193 г.х./24 марта 809 г. в деревне Санобод в Тусе, где и был похоронен [4: 4717, 18: 289].

Табари, Я'куби, Наршахи и Ибн Халдун выдвинули три варианта окончания восстания Рофе' ибн Лайса миром, не противоречащих друг другу. Согласно Табари «...когда Рофе' ибн Лайс узнал о добрых делах и поступках Ма'муна по отношению к людям своей провинции, (а также может быть известие о смерти Харун ар-Рашида, который наказал бы его, будь он жив), он послал за ним человека и просил защиты (безопасности) для себя... Пришел Рофе' и присоединился к Ма'муну, он (Ма'мун) уважал его» [4, 4752]. Табари связывает это событие с событиями 194 г.х./810 г.

Что касается желания Рофе' ибн Лайса о заключении мира, Я'куби пишет, что Харсама сузил поле битвы для Рофе' ибн Лайса до такой степени, что «Рофе'» стал беспомощным и умолял о пощаде». Харсама пощадил его, и Рофе' пришел к нему со своими детьми, семьей и имуществом, и это было в месяце мухаррам 194 г.х. (октябрь-ноябрь 809 года) [9, 450].

Наршахи о мирном окончании восстания Лайса пишет следующее: «Когда Рофе' ибн Лайс восстал против Харун-ар-Рашида и взял Самарканд, Харун-ар-Рашид отправил Харсаму ибн А'яна на войну против него. Рофе' укрепил Самарканд. Харсама не мог с ним справиться. По причине этого события Ма'мун с Харун-ар-Рашидом прибыли в Хорасан. Харун-ар-Рашид был очень озабочен этим делом. Ма'мун написал письмо к сыновьям Асада (Саманида) и приказал, чтобы они помогли Харсаме в борьбе с Рофе'. И (сыновья Асада) побудили Рофе' заключить с Харсамой мир и посредством брака установили между ними родственные отношения, так что Харун-ар-Рашид освободился от этой заботы. Существовала опасность, что Рофе' овладеет всем Хорасаном, поэтому Ма'мун высоко ценил эту услугу» [2, 141].

Ибн Халдун видит причину победы Харсамы в том, что группа военачальников армии Рофе' отделилась от него и присоединилась к Харсаме. Кроме того, по словам Ибн Халдуна, тюрки (как упоминалось выше, Я'куби называет их харлухами), пришедшие на помощь Рофе', вернулись, и дело Рофе' ослабло, и он «как только узнал о хорошем поведении Ма'муна, пришел к Ма'муну и попросил пощады. Ма'мун пощадил его» [5, 423].

Гардизи вкратце отражая этот вопрос, придерживается двух противоречивых

взглядов. Автор считает, что Харсама, по приказу Ма'муна (после того, как начались разногласия Ма'муна с братом Мухаммадом Амином за халифат), перед отъездом из Самарканда послал гонца, чтобы помириться с Рофе' ибн Лайсом [7, 167]. Однако в другом месте пишет: «Харсама осадил Рофе' ибн Лайса в Самарканде и (Харсаме пришлось) много сражаться, пока не завоевал Самарканд и убил Рофе' [7, 293].

Ибн ал-Асир полагает, что Харсама победил Рофе' в битвах под Самаркандом, и сообщает, что после захвата Самарканда Харсамой Рофе' будет убит: «В этом году (807 г. н.э.) Харсама достиг Хорасана и осадил Рофе' ибн Лайса в Самарканде и поставил его в затруднительное положение. Осада Самарканда Харсамой была настолько продолжительной, что с трудом завершил ее. Он без колебаний убил Рофе' ибн Лайса и группу его родственников. Рофе' был убит в 195г.х/ 810 г.» [10, 3736-37].

Но позже Ибн ал-Асир вернется к этому вопросу и вопреки тому, что сказал выше, отмечает: «Когда сообщение о хорошем поведении Ма'муна дошло до Рофе' ибн Лайса, он попросил Ма'муна о пощаде, и Ма'мун согласился. Он пришел ко двору Ма'муна. Харсама с Тахиром ибн Хусейном (основатель Тахиридского государства) некоторое время останутся в Самарканде» [10, 3757].

Эти два сведения Ибн Асира, по существу противоречащие друг другу, стали причиной того, что исследователи без сравнительного анализа, опираясь на первое сообщение автора, ошибались в своих выводах. В том числе исследователь истории восстаний в Мавераннахре VIII-начала IX вв. Т. Кадырова, учитывая первое сообщение Ибн Асира об итогах восстания Рофе' ибн Лайса, пишет следующее: «...восстание было окончательно подавлено в 810 г. В этом же году были убиты Рофе' ибн Лайс и другие активные участники восстания» [15, 145].

Таким образом, анализируя и сопоставляя сообщения исторических источников, связанных с восстанием 806-810 гг. в Самарканде, можно прийти к выводу, что Рофе' ибн Лайс воспользовался сложившейся ситуацией в халифате смог добиться помилования правителя Хорасана Ма'муна. После смерти Харун ар-Рашида халифат стал центром борьбы за власть. Как известно, при жизни Харун провозгласил своего младшего сына Мухаммада ал-Амина, а после него Абдуллаха ал-Ма'муна, а затем Касима наследниками аббасидского халифата, взяв с придворных и других членов династии Аббасидов клятву на верность. Согласно завещанию Харуна, после унаследования халифата Мухаммадом ал-Амином, Ма'мун должен был получить больше полномочий и назначен правителем Хорасана и Рая, и Мухаммад ал-Амин не имел права вмешиваться в его дела. Однако он под влиянием своего министра Фазла ибн Рабе', который непосредственно участвовал в устранении Бармакидов от халифата и был враждебен к Ма'муну, начал действовать против завещания отца, объявив своего сына Мусу наследником халифата, и, по словам Гардизи, лишил Ма'муна имущества отца.

Таким образом, оказавшись в трудной ситуации, принимая во внимание эту реальность и начавшуюся борьбу за халифат, Ма'мун решил предложить мир лидеру мавераннахрских повстанцев Рофе' ибн Лайсу и дал указание Харсаме заключить мир с ним. Этим действием Ма'мун усмирил Хорасан и Мавераннахр, которые считал своей опорой для борьбы за халифат.

ЛИТЕРАТУРА

1.Абуали Мухаммад ибн Мухаммад Бал'ами. Та'рихи Табари (История Табари). Т. 2. Тегеран,

1368 г. ш. -С. 818-1632.

2.Абубакр Мухаммад ибн Джа'фар Наршахи Та'рихи Бухоро (История Бухары). Критический текст. Составители Г. Гоибов, К.Олимов, Н Амиршохи. -Душанбе, 2012. -736 с.

3.Абуджа'фар Мухаммад Джарир-и Табари. Та'риху-р-русули ва-л-мулук (История пророков и царей). Книга 6. Перевод с арабского на персидский А. Поянда. Под к печати Н. Амиршохи. - Душанбе, 2014. -712 с.

4.Абуджа'фар Мухаммад Джари-и Табари. Таъриху-р-русули ва-л-мулук. Книга 7. Под. к печати Н. Амиршохи. Душанбе, 2014.-726 с.

5.Абузайд Абдуррахман ибн Мухаммад ибн Халдун. Ал-ибар таърихи ибни Халдун (Аль-ибар история Ибн Халдуна). Т.2. Перевод с арабского на персидский А. Ояти. 2-ое издание. Тегеран, 1383 г. ш. -966 с.

6.Абулхасан Али ибн аль-Хусейн аль-Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир (Золотые копи и россыпи самоцветов). -Т. 2. -Тегеран, 1357 г. ш. -772 с.

7.Абуса'ид Абдулхай ибн ал-Заххок ибн Махмуд Гардези. Зайн ал-ахбор (Украшение известий). Под. к печати А. Хабиби. -Тегеран, 1963. -665 с.

8.Абуханифа Ахмад ибн Давуд ад-Динавари. Ахбар ат-тивал (Книга длинных преданий). Перевод с арабского на персидский М. Дамгани. 4-ое издание. -Тегеран, 1383 г. ш. -448 с.

9.Ибн Возех Я'куби. Та'рихи Я'куби (История Я'куби). -Т.2. Перевод с арабского на персидский М. Ояти. Тегеран, 1382 г. ш. -644 с.

10.Иззуддин ибн Асир. Та'рих-и комил (Полный свод истории). -Т.8. Перевод с арабского на персидский Х. Рухани и Х. Ожир. -Тегеран, 1380 г.ш. С.3355-3776.

11.Иззуддин ибн Асир. Та'рих-и комил (Полный свод истории). Т. 16. Перевод с арабского на фарси: А. Халили, А. Холат. -Тегеран, 1371 г.ш. -327 с.

12.История Востока. Т.2. Восток в средние века. Ответственные редакторы: Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян. -Москва: Восточная литература РАН. 2000. -716 с.

13.История таджикского народа. Т.II. Книга первая. Возникновение и развитие феодального строя (VI-XVI вв.). Под редакцией Б. Г. Гафурова, А. М. Беленицкого. -Москва: Наука, 1964. -492 с.

14.История таджикского народа. -Т.II. Эпоха формирования таджикского народа. Под редакцией академика Н. Н. Негматова. -Душанбе, 1999. -790 с.

15.Кадырова Т. Из истории крестьянских восстаний в Мавераннахре и Хорасане в VIII - начале IX в. Ташкент: Наука 1965. -239 с.

16.Камол Х. Авомили ба сари хокимият омадани Сомониён (Факторы прихода к власти Саманидов). -Душанбе: Дониш, 2022.-324 с.

17.Муджмал ат-таварих ва-л-кисас (Свод историй и повествований). Под. к печати М. Бахар. Тегеран. 1318 г.ш. -537 с

18.Фасехи Хавафи. Муджмал-и Фасехи (Фасихов свод). Т.1. Введение и примечания С. Насрободи. -Тегеран, 1386. -436 с.

19.Хамдуллах Муставфи Казвини. Та'рих-и гузида (Избранная история) Под. к печати А. Наваи. 3-е издание. -Тегеран, 1364 г.ш. -816 с.

ВОССТАНИЕ 806 - 810 гг. В САМАРКАНДЕ

Арабское завоевание внесло огромные изменения в политическую, экономическую и социальную жизнь народов Мавераннахры и Хорасана. Несмотря на то, что до прихода к власти Аббасидов (750 г.) этот регион находился в подчинении арабского халифата, восстания народа этого региона против арабских захватчиков не прекращались. Во второй половине VIII – начале IX вв. антиарабские настроения в Хорасане и Мавераннахре, особенно усилились после убийства Абуमुслима Хорасани (755 г.) халифом Джа'фаром Мансуром.

В 806-810 гг. в Мавераннахре вспыхнуло восстание, во главе которого стоял арабский наместник Самарканда Рофе' ибн Лайс. Некоторые исследователи, изучая историю этого восстания, ошибочно пришли к выводу, что Рофе' ибн Лайс, возглавляя крестьянские восстания в Самарканде, отвергал ислам и призывал народ к борьбе против арабов. Также в некоторых исторических исследованиях авторы неверно полагают, что вдохновением или причиной мятежа Рофе' ибн Лайса в Самарканде являются идеи «Людей в белых одеждах» восставших под предводительством Муканны в 159 г.х. /775-76–169 г.х. /785-86 в Мавераннахре. На основе анализа важных исторических источников IX - XIV вв. автор статьи считает, что арабский наместник Самарканда Рофе' ибн Лайс воспользовался недовольством жителей Самарканда арабской политикой, поднял мятеж, чтобы избежать наказания, наложенного на него халифом за его проступки.

Противоречия исторических источников о том, чем закончилось Самаркандское восстание,

сбили исследователей с толку. Анализируя ситуацию на момент этого мятежа (смерти халифа Харуна ар-Рашида и начала борьбы за халифат между его сыновьями - Мухаммадом аль-Амином и Ма'муном), автор статьи на основе сообщения источников IX века приходит к выводу, что восстание Рофе' ибн Лайса заканчивается миром, так как правитель Хорасана Ма'мун, который воевал против Рофе' ибн Лайса в такой тяжелой ситуации борьбы за халифат был заинтересован в скорейшем установлении мира на этой территории.

Ключевые слова: восстание Самарканда, Мавераннахр, Хорасан, Мерв, Амул, Бухара, Али ибн Иса, Рафе' ибн Лайс, Омейяды, Аббасиды, Харуна ар-Рашид, Муқанна», Харсама ибн А'ян, Джайгуя Харлухи.

ШҶҮРИШИ СОЛҶОИ 806 - 810 ДАР САМАРҚАНД

Тасхири аъроб таҳаввулотӣ азиме дар зиндагии сиёсӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоии мардумони Мовароуннахру Хуросон ба вучуд овард. Бо вучуди ин ки қабл аз рӯйи қор омадани Аббосиён (750) ин минтақа тобеи дастгоҳи хилофати араб буд, қиёмҳои мардуми ин минтақа алайҳи муҳоҷимони араб мутаваққиф нашуд. Дар нимаи дуҷоми садаи VIII ва авоили садаи IX рӯҳияи зиддиарабӣ дар Хуросон ва Мовароуннахр, ба вижа пас аз қатли Абумуслими Хуросонӣ (755) ба дастури халифа Ҷаъфарӣ Мансур ташид ёфт.

Дар солҳои 806-810 дар Мовароуннахр шӯрише ба раҳбарии Рофеъ ибни Лайс, ноибуссалтанати араби Самарқанд даргирифт. Бархе аз муҳаққиқон бо таҳқиқи таърихчаи ин қиём иштибоҳан ба ин натиҷа расидаанд, ки Рофеъ ибни Лайс ба ҳангоми роҳбарии қиёми деҳқонон дар Самарқанд, исломро рад карда, мардумро ба мубориза бо арабон фаро меҳонд. Ҳамчунин дар бархе аз таҳқиқоти таърихӣ муаллифон ба нодурустӣ мепиндоранд, ки илҳом ё далели қиёми Рофеъ ибни Лайс дар Самарқанд ақоиди сафедҷомагон аст, ки ба раҳбарии Муқаннаъ дар солҳои 159-169 х.қ./775-76-785-86 дар Мовароуннахр қиём карда буданд. Бар асоси таҳлили манобеи муҳими таърихӣ садаи IX илло XIV нависандаи ин мақола ба ин бовар аст, ки Рофеъ ибни Лайс, ноибуссалтанати Самарқанд бо сӯйистифода аз норизоияти сокинони Самарқанд аз сиёсати арабҳо даст ба шӯриш зад, то аз муҷозоте, ки халифа ба хотири аъмоли ношоистааш бар ӯ раво дида буд, ҷилавгирӣ кунад.

Танокӯз дар манобеи таърихӣ дар мавриди ҷиғунагии поёни қиёми Самарқанд муҳаққиқонро дучори сардарғумӣ кардааст. Нависандаи мақола бо таҳлили авзои замони ин шӯриш (марги халифа Ҳорунуррашид ва огози мубориза барои хилофат байни писаронаш Мухаммад Амин ва Маъмун), бар асоси гузоришҳои манобеи садаи нухум ба ин натиҷа мерасад, ки қиёми Рофеъ ибни Лайс бо сулҳ хотима меёбад, зеро ҳокими Хуросон Маъмун, ки бо Рофеъ ибни Лайс мечангид, дар ҷунин шароити саҳти мубориза барои хилофат алоқаманд ба барқарорӣ ҳар чӣ зудтари сулҳ дар ин сарзамин буд.

Калидвожаҳо: шӯриши Самарқанд, Мовароуннахр, Хуросон, Марв, Омул, Бухоро, Алӣ ибни Исо, Рафеъ ибни Лайс, Умавиҳо, Аббосиён, Ҳорунуррашид, Муқаннаъ, Харсама ибни Аъён, Ҷайгуя Харлухӣ.

REBELLION 806-810 IN SAMARKAND

The Arab conquest brought enormous changes to the political, economic and social life of the peoples of Maverannahr and Khorasan. Despite the fact that before the coming to power of the Abbasids (750) this region was subordinate to the caliphate, the uprisings of the people of this region against the Arab invaders did not stop. In the second half of the 8th - early 9th centuries. anti-Arab sentiments in Khorasan and Maverannahr especially intensified after the assassination of Abumuslim Khorasani (755) by Caliph Jafar Mansur.

In 806-810. in Maverannahr, an uprising broke out, led by the Arab governor of Samarkand, Rofe» ibn Lays. Some researchers, studying the history of this uprising, erroneously came to the conclusion that Rofe ibn Lays, leading the peasant uprisings in Samarkand, rejected Islam and called on the people to fight against the Arabs. Also, in some historical studies, the authors incorrectly believe that the inspiration or reason for the rebellion of Rofe» ibn Lays in Samarkand are the ideas of the «People in white clothes» who rebelled under the leadership of Muqanna in 159 AH. /775-76-169 AH /785-86 in Maverannahr. Based on the analysis of important historical sources of the 9th-14th centuries. The author of the article believes that the Arab governor of Samarkand Rofe» ibn Lays took advantage of the dissatisfaction of the inhabitants of Samarkand with Arab politics, raised a rebellion in order to avoid punishment imposed on him by the Caliph for his misdeeds.

The contradictions of historical sources about how the Samarkand uprising ended, confused researchers. Analyzing the situation at the time of this rebellion (the death of Caliph Harun ar-Rashid and

the beginning of the struggle for the caliphate between his sons, Muhammad al-Amin and Ma'mun), the author of the article, based on the reports of sources from the 9th century, comes to the conclusion that the uprising of Rofe» ibn Lays ends in peace, since the ruler of Khorasan Ma'mun, who fought against Rofe» ibn Lays in such a difficult situation of the struggle for the caliphate, was interested in the speedy establishment of peace in this territory.

Key words: *uprising of Samarkand, Maverannahr, Khorasan, Merv, Amul, Bukhara, Ali ibn Isa, Rafe» ibn Lays, Umayyads, Abbasids, Harun al-Rashid, Muqanna», Harsama ibn A'yan, Jaiguya Kharluhi.*

Сведения об авторе: **Хамза Камол (Камолов Хамзахон Шарифович)** – Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониш НАНТ, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом древней, средневековой и новой истории. **Адрес:** 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. E-mail: hamza_Kamol@mail.ru

About the author: **Khamzakhon Sharifovich Kamolov** – A.Donish Institute of History, Archeology and Ethnography NAST, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ancient, Medieval and Modern History. **Address:** 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. E-mail: hamza_Kamol@mail.ru

УДК - 9 (575)

НАҚШИ РАШИДУДДИН ФАЗЛУЛЛОҲ ДАР УМУРИ ИДОРИИ ДАВЛАТИ ЭЛХОНИҲО¹

Абдуқаҳҳор САИДОВ,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Фазлуллоҳ Абулхайр Рашидуддини Ҳамадонӣ тақрибан соли 1247 дар Ҳамадон таваллуд ёфтааст. Падари ӯ Имоуддавла ва бобояш Муваффақу-д-давла табиб буданд. Рашидуддин дар Ҳамадон таҳсил намуда, илмҳои мухталифи замонро аз худ кард, якчанд забонхоро медонист ва ба касби падару бобояш табибӣ низ рағбати зиёд дошт. Замони дар сари қудрат будани ҳокими элхонӣ Абоқо (1265-1282) Рашидуддин дар дарбори ӯ хизмат намуда, дар дарбори Элхониён ҳамчун табиб шуҳрат касб намуда, лақаби табибиро соҳиб гашт. Баробари касби табибӣ ӯ ба умури давлатдорӣ низ таваҷҷуҳ дошт.

Дар солҳои аввали ҳукмронии Ғозонхон (1295 - 1304) Рашидуддин Фазлуллоҳ ба дарбор илова ба табиб будан, баъдан ноиби вазири девон таъйин шуд, ки қорҳои муҳимми давлатӣ ба уҳдаи ӯ воғузор мегардид. Баъдтар мансаби соҳибдевориро соҳиб гашт [10,1299-1300] ва дар замони салтанати Улҷойту (1304 -1316) ва Абусаъид (1316-1335) низ Рашидуддин вазорати онҳоро идора мекард.

Рашидуддин дар ҳаёти сиёсӣ, иқтисодӣ-иҷтимоӣ ва фарҳангии давлати Элхониҳо нақши бағоят бузург бозидааст.

Замони ҳукмронии Элхониҳо муғулони чағатой борҳо ба ҳудуди онҳо ҳучумҳои ғоратгарона намуда, амволи мардумро тороч ва суми аспҳояшон заминҳои киштро хароб мекарданд. Илова бар он аҳолии кишвар аз ҷониби ҳуди муғулҳои элхонӣ ва амирони онҳо бо андозҳои бенизом ва пардохтҳои бераҳмона мавриди истисмор қарор мегирифтанд. Ин қорҳо билохира ба таназули иқтисодиёт, харобавии соҳаи кишоварзӣ ва вайронии низоми обёрии мамлакат, қашшокии мардум ва харобии шахру рустоҳо сабаб шуд.

Ҳангоми вазорати Ғозонхон ва Улҷойту Рашидуддин чаҳд намуд, ки аз

¹ Мақола дар асоси лонҳан «Таърихи халқи тоҷик (асрҳои III - аввали асри XX), рақами қайди давлатӣ 0121TJ1211 навишта шудааст.

худсарии хонҳои кӯчии муғул ҷилавгирӣ намояд ва бо ин амал вазъи хароби иқтисодиёти мамлакатро аз нестӣ наҷот диҳад.

Рашидуддин хуб дарк менамуд, ки амалӣ гардонидани ин тадбирҳо бе кумаки ҳокими мамлакат амри маҳол аст. Аз ин хотир, ӯ андешаҳои худро доир ба беҳтар кардани вазъи иқтисодиёти кишвар ва беҳбудии он ба Ғозонхон арз намуд. Бо дастур ва ташаббуси Рашидуддин Ғозонхон дар мамлакат ислоҳот гузаронида, барои обод кардани биноҳо ва таҷдиди шаҳру вилоёти мамлакат тахти унвони «Дар тартиб фармудани кори ободон кардани бойирот» фармон содир намуд. ӯ ба ободии шаҳрҳо иқдом карда, ҳар сол дар ҳар шаҳре зиёда аз ҳазор хона месохт ва хонаҳое, ки қимати сад динор доштанд, акнун ба ҳазор динор ва аз он зиёдтар арзиш пайдо мекарданд. Ислоҳоти Ғозонхон барои пешрафти ҳаёти мамлакат мусоидат намуда, ба мардуми ин сарзамин имконият дод, ки расму ойини худро аз нав зинда кунанд ва барои рушди иқтисодиёти мамлакат шароит фароҳам оварда шуд.

Аз муҳтавои «Мукотиботи Рашидӣ» ба таври возеҳ бармеояд, ки барои дар амал иҷро гаштани ислоҳоти Ғозонхон риштаи асосии пайваस्तкунандаи равобити хони муғул бо ашрофи маҳаллӣ ҳуди Рашидуддин ба шумор мерафт.

Рашидуддин, ки дар мамлакат вазифаи масъуло ба уҳда дошт, шахси сарватманд ва соҳиби амволи зиёд буд. Ба ҷуз аз мавзеи «Рубъи Рашидӣ» дар Табрёз ӯ дар вилоятҳои мухталифи мамлакат мулкҳои зиёдеро харидорӣ намуд. Рашидуддин чордах фарзанд дошт, ки даҳ нафари онҳо шаҳру вилоятҳои гуногуни мамлакатро идора мекарданд.

Аз таҳқиқоти И. П. Петрушевский ва А. А. Ализода бармеояд, ки Рашидуддин 1270 фаддон замини кораи обӣ дошт, ки дар онҳо тақрибан 170 ҳазор нафар деҳқонон ва 3 ҳазор нафар ғуломон кор мекарданд. Дар ихтиёри ӯ қариб 260 ҳазор сар чорвои калон ва хурди шохдор, 43 ҳазор сар асп, шутур ва ҳаҷир вучуд доштанд. Сармояи Рашидуддин 35 миллион динорро ташкил мекард. Ба ҷуз ин ба ӯ боғҳои бешумори мевадиханда ва хурмо тааллуқ доштанд. Аз заминҳое, ки дар давлатҳои дигар чун ҳадя ба ӯ дода буданд ва ё бо маблағи худ харида буд, даромади зиёд мегирифт [6, 87-104, 2, 187-191]. Аз ин хотир дар амал таҷбиқ гардидани тадбирҳои дар ислоҳоти Ғозонхон овардашуда, ба манфиати шахсии Рашидуддин низ буданд.

Андеша ва пешниҳодҳои Рашидуддин роҷеъ ба рушди иқтисодии кишвар ва ободонию беҳбудии мамлакат дар «Мукотиботи Рашидӣ», ки дар он мактубҳои ба амирони муғул, писаронаш, масъулони шаҳру вилоятҳо ва рӯхониён ирсолнамудаи муаллиф ҷой дода шудааст, ба таври возеҳ инъикос ёфтаанд [11, 204а - 241б, 7, 61 - 355]. Ба ақидаи И. П. Петрушевский аз мазмуни «Мукотиботи Рашидӣ» бармеояд, ки асоси ислоҳоти Ғозонхонро ақидаҳои сиёсии Рашидуддин ташкил медиҳад, ки он аз зарурати наздик шудани муғулҳо бо табақаҳои болоии мансабдорони маҳаллӣ ва аз худ кардани анъанаҳои сиёсии эронӣ, зарурати эҳёи соҳаи кишоварзӣ, ки аз низоми андозситонӣ хароб гашта буд ва бо ин васила сабук намудани бори андоз ба деҳқонон, муҳофизати онҳо аз зулми ашрофи кӯчманчии ҳарбии муғулу турк, барқарорсозии дастгоҳи мансабдорони молиявӣ ва амсоли он иборат аст [5,18], ки онҳо дар мактуби ба писараш амир Шихобуддин ирсолнамудаи ӯ инъикос ёфтаанд [11, 204б-215б, 7, 154-179].

Рашидуддин дар мактубҳои ба писаронаш ва масъулони шаҳру вилоятҳо бо исрори таъкид менамуд, ки нисбат ба раият, махсусан кишоварзон муносибати хуб намуда, онҳоро зеро ҳимояи худ гиранд, зеро андозсупорандагони асосии

мамлакат онҳо ба шумор мераванд ва беҳбудии ояндаи кишвар маҳз ба фаъолияти онҳо алоқаманд аст. Ин гуфтаҳои Рашидуддин дар мактубҳои ба писаронаш амир Маҳмуд [7, 77-78], Хоҷа Ҷалолуддин [11, 221б-222а, 7, 145-146], Шихобуддин [11, 212б-213а, 214а-214б, 7, 171, 176], ба писари хоҳараш Хоҷа Маъруф [7, 83] ирсолнамудаи ӯ низ зикр шудаанд.

Рашидуддин зулми раиятро ҳамачониба маҳкум намуда, таъкид мекард, ки шахсони бебизоатро бояд ҳаматарафа дастгирӣ намоянд. Дар мактуби ба писараш амир Маҳмуд ирсолнамудааш мефармояд, ки аз даромади замин ва амволи хонаводаашон, ки дар вилояти Бом воқеъ аст, ба шахсони камбизоату бенаво чи қадаре, ки меҳоханд тухмӣ дода, харчи чорвои кориро пардохт намуда, ба онҳо кӯмакпулӣ диҳад [7, 76-77]. Дар мактуби дигараш ба амир Маҳмуд менависад, ки барои дастгирии шахсони нодору камбизоат аз ҳисоби даромади аз вилояти Кирмон ба даст омада, ба онҳо 1000 харвор ғалла ва 2000 ман меваи хурмо ба сифати хайрия ҳада намояд [7, 97].

Саҳми шахсии Рашидуддин дар барқарорӣ ва ободонии деҳаҳои харобгашта хеле назаррас аст. Дар он давра дар соҳаи хоҷагидорӣ аз неруи ғуломон ба таври васеъ истифода мебурданд. Аз мактуби Рашидуддин ба писараш Хоҷа Ҷалолуддин бармеояд, ки Рашидуддин дар наздикии Табрез панҷ деҳаи харобро обод намуда, дар ҳар яки он аз ҷумлаи ғуломони халқиятҳои мухталиф чил нафариро (20 мард ва 20 зан) сокин намудааст, то ки онҳо ба ободонии деҳаҳои харобгашта машғул шаванд. Ӯ ин деҳахоро аз рӯи халқиятҳои дар онҳо маскун чунин номгузорӣ намудааст: деҳаи зангиҳо, деҳаи гурчиҳо, деҳаи ҳабашҳо, деҳаи курдҳо ва деҳаи румиҳо [7, 121-122].

Дар ҷойи дигар Рашидуддин нисбат ба обод гардондани мавзеҳои харобу валангоргашта дар мактуби ба писараш Ҷалолуддин, ҳокими Рум ирсолнамуда таъкид менамояд, ки дар мавзеи Малатия канал сохта, заминҳои бекорхобидаи онро обёрӣ намуда, онро «каналӣ Ҷозонхон» номгузорӣ намояд. Тибқи амри Рашидуддин дар соҳилҳои ин канал бояд даҳ маҳалли аҳолинишин сохта, онро аз ҳисоби сокинони ноҳияҳои ҳамҷавор маскун намуда, ба онҳо тухмиву чорвои корӣ диҳад ва бо маводи хӯроқа таъмин намояд [7, 285].

Рашидуддин, ки яке аз шахсиятҳои маъруфи замон ба шумор мерафт, бо аксари хонадонҳои ҳокимони маҳаллӣ, рӯхониён ва муғулҳо муносибати ҳасана дошта, бо баъзеи онҳо робитаҳои хешутаборӣ барқарор намуда буд. Дар мактубе, ки ӯ аз шаҳри Табрез ба мавлоно Начмуддин Исмоили Фолӣ навиштааст, ному насаби ҳамсарони ҳашт нафар писари Рашидуддин оварда шудааст, ки аксари онҳо ба хонадонҳои маъруфи замон тааллуқ доштанд. Аз ҷумла, яке аз онҳо набераи султони Деҳлӣ Алоуддин, дигаре аз авлоди шайхи машҳури Сухравард, сеюмӣ аз авлоди Чингизхон ва ғайраҳо буданд [7, 185-186]. Робитаи Рашидуддин бо ин гуна ашхоси маъруф боиси он мегашт, ки онҳо ба ғоидаи хонақоҳҳо, мадрасаҳо ва дигар муассисаҳои ҷамъиятӣ хайрияҳо менамуданд, ки баъзеи он ба шакли маблағи калон ва заминҳо дода мешуд. Ин сиёсати пешгирифтаи Рашидуддин барои таҳкими иқтисодӣ мамлакат мусоидат мекард.

Рашидуддин дар масъалаи ба низом овардани андозгирӣ аз аҳоли нақши бориз гузоштааст ва ҳалли ин масъалаи муҳим низ дар «Мукотиботи Рашидӣ» мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Рашидуддин дар яке аз мактубҳои худ ба писараш амир Маҳмуд, ҳокими Кирмон менависад, ки тибқи маълумоти ба ӯ расида писараш амир Маҳмуд нисбат ба аҳолии Бом дастдарозӣ намуда, ба онҳо андозҳои тафовут, таклифоти девонӣ, ҳаволот, кунгур, чарик ва ихроҷоти

мухталифро бор карда, вазъи онҳоро дар ҳолати ногувор гузоштааст. Ба писараш мефармояд, ки аз зулми мардум даст кашида, муддати се сол онҳоро аз додани андозҳои купчур, калон, тайорот ва таклифот ба девони Кирмон озод намояд [7, 75-76]. Дар мактубҳои ба писаронаш Абдулмуъмин, амир Шихобуддин [11, 215a-215b, 7, 178], Ғиёсуддин Муҳаммад [11, 235a-236b, 7, 199-200] ва Мавлоно Садриддин [7, 100] ирсолнамудааш низ зикре дар бораи масъалаҳои андоз ва тартиби ситонидани он аз аҳолии мекунад.

Рашидуддин дар ободонию умрони кишвар, махсусан сохтмон ва шахрсозӣ, саъюу кӯшиши беандоза ба харч дода буд. Ба ҷуз аз он ки ӯ дигаронро ба масъала таблиғ мекард, худаш низ бевосита ба ин шугъл даст мезад. Маҳз бо таблиғ ва таҷаббуси Рашидуддин хонҳои муғул ба ободонию азнавсозии пойтахти мамлакат иқдом намуданд. Ғозонхон шаҳри Табреро аз нав сохт ва элхони дигар Улҷойту маркази нави давлат – шаҳри Султонияро бунёд намуд. Рашидуддин низ дар ин масъала саҳми назаррас гузошта, дар назди шаҳри Табреро маҳаллери бо номи «Рубъи Рашидӣ» бунёд намуд. Дар мактуби ба писараш хоҷа Саъдуддин навиштааш Рашидуддин дар бораи маҷмааи «Рубъи Рашидӣ» зикре мекунад, ки дар он ҷо 24 қорвонсарои бошукӯҳ, 1500 дӯкон, 30 ҳазор хонаҳои зебо, ҳаммомҳо, осибҳо, қорхонаҳои пашмбофӣ, қоғазбарорӣ, рангуборкунӣ, хонаи зарби сикка ва ғайра сохта шудааст ва аз ҳар шаҳру минтақа одамонро оварда, сокин намудаанд [7, 313-314]. Рашидуддин амволи зиёди худро аз қабилҳои замин, беморхона, боғҳо, шумораи зиёди қорво, асбобу анҷоми мухталифи барои рӯзгор зарур, китобхона ва дигар ашёро ба ғайри «Рубъи Рашидӣ» ба вақф дода буд [7, 267-278].

Рашидуддин дар масъалаи беҳтар намудани вазъи зиндагии олимони, ба илмомӯзӣ ҷалб намудани донишҷӯён, ба низоми даровардани соҳаи тандурустӣ ва амсоли он низ нақши бузург дорад. Рашидуддин худ, ки олими барҷаста буд, дарк мекард, ки пешрафти ҷамъият ва баланд бардоштани савияи маърифати мардум ба саъюу кӯшиши олимону донишмандон робитаи зич дорад. Аз ин хотир, таваҷҷуҳ ба ин қишри ҷамъият меод ва дар давоми зиндагии худ онҳоро доимо дастгирӣ менамуд. Бесабаб набуд, ки хангоми бунёди «Рубъи Рашидӣ» барои ҷаҳорсад нафар олимону донишмандон манзилҳои алоҳида сохта, ба он маҳал «Кӯчаи уламо» ном гузошт. Онҳоро бо кумақпулӣ ва сарулибос таъмин карда, қарор шуда буд, ки ба онҳо ҳар рӯз ба таври ройгон хӯрок дода шавад [11, 218b, 7, 344].

Дар мавзеи «Рубъи Рашидӣ» барои донишҷӯён ҳам маҳалли хоҳе сохта шуд, ки он «Маҳаллаи донишҷӯён» ном гирифт. Дар он ҷо донишҷӯён аз шаҳру вилоятҳои мухталиф зиндагӣ карда, ба илмомӯзӣ машғул мешуданд.

Шаш ҳазор нафар донишҷӯён, ки аз мамлакиҳои дигар барои илмомӯзӣ ба ин ҷо омада буданд, онҳоро дар шаҳри Табреро ҷой дода, бо кумақпулӣ хӯрокворӣ таъмин намуданд [11, 218b, 7, 344].

Рашидуддин, ки худ табиб буд, барои инкишофи ин соҳа нақши муҳим бозид. Ӯ барои табobati мардум аз Ҳиндустон, Чин, Миср, Шом ва мамлакатҳои дигар 50 нафар табибонро даъват намуда, онҳоро дар яке аз маҳаллаҳои «Рубъи Рашидӣ» маскун намуд. Ин табибон дар беморхонаи «Рубъи Рашидӣ» ба муолиҷаи беморон машғул буданд. Дар назди ҳар яке аз ин табибон дах нафар шогирдони болаёқатро гузошт, ки онҳо ин касбро аз ҷунин устодони бомаҳорат омӯзанд. Илова бар он дар назди ҳар як табиби соҳаи алоҳида аз ҳисоби ғуломони дар беморхона қор мекардагӣ панҷ нафариро вазифадор намуд, ки аз табибон ин

касбро бо тамоми нозукиҳояш аз бар намоянд. Дар паси беморхона, дар назди боғи Рашидобод кӯчае сохта, онро «кӯчаи Табибон» ном гузоштанд [11, 2186-219а, 7, 344-345].

Дар яке аз мактубҳояш ҳоҷа Алоуддин Муҳаммади Ҳинду, ки дар Хуросон вазифаи муҳимми давлатиро иҷро мекард, навиштааст, ки аз сабаби норасоии равғанҳои мухталифи шифобахш барои омода намудани доруҳои лозимӣ дар шифохонаи «Рубъи Рашидӣ» ба навкаронаш супориш диҳад, ки онҳо аз Ҳиндустон гиёҳҳои дармонбахшу маводи дорувориро ба даст оварда, ба шифохонаи Табрэз фиристанд. Дар ин мактуб номгӯи равғанҳои заруриро, ки аз растаниҳои мухталифи дар Ҳиндустон мерӯида таҳия мешуданд ва миқдори онҳо муайян шуда буд [7, 122-124]. Аз ин бармеояд, ки Рашидуддин на танҳо ба сохтмони шифохонаҳо диққат меод, балки таъмини онҳоро бо табибони таҷрибадорӣ доруҳои зарурӣ аз мадди назар дур намекард.

Бо саъйи Рашидуддин дар Ҳамадон низ беморхона ва дорухона сохта шуда буд. Ба Рашидуддин хабар расонданд, ки аз сабаби хунукназарӣ ва бепарвоии масъулон беморхонаи Ҳамадон ба ҳолати ногувор гирифтӣ буда, ба беморон аҳаммияти дуруст намедиханд. Аз ин сабаб барои ба низом овардани қори шифохона ӯ ба он ҷо яке аз табибони маъруфи замон Ибни Маҳдиро мефиристад ва ба ӯ супориш медиҳад, ки рӯйхати доруҳои заруриро пешниҳод намуда, вазъи беморонро назорат кунад. Инчунин ӯро вазифадор менамояд, ки қори шифохонаро дуруст ба роҳ монда, мутахассисони ҳирфавиро ба вазифаҳои зарурӣ таъин намояд [7, 292-293].

Рашидуддин дар густариши фарҳанги давлати Элхонӣ низ нақши калидӣ дошта, дар ин соҳа шоҳкорҳои беҳамто намудааст.

Ҳокими муғул Ҷозонхон аз таърихи муғул огоҳии хуб дошта, ба таърихи қавми худ таваҷҷуҳ зоҳир намуд. Ӯ меҳост, ки таърихи қавми муғулро дастраси умум гардонад ва медонист, ки аз уҳдаи ин кор танҳо вазири ӯ Рашидуддин, ки шахси тавоно ва олими бузург буд, барои таваҷҷуҳ. Аз ин хотир ба ӯ фармуд, ки тамоми маълумотро дар бораи муғулҳо ҷамъоварӣ намуда, таърихи онҳоро нависад. Рашидуддин ин дастурро ба уҳда гирифта, ба навиштани ин асар бо номи «Таърихи Ҷозонхонӣ» оғоз намуд, вале соли 1304 қабл аз анҷоми он Ҷозонхон вафот кард. Бародар ва вориси Ҷозонхон Улҷойту ба Рашидуддин фармуд, ки доираи навиштани китобро васеъ намуда, таърихи ҳамаи халқҳое, ки бо муғулҳо муносибатдоранд, нависад. Рашидуддин аз тамоми сарчашмаҳои маълуми замон, ки роҷеъ ба ҳар давлату ҳар мардум ахбор меоданд, маълумот гирд оварда, як идда уламои таърихро аз Ҳиндустон, Ҳитой ва Аврупо ба маркази давлати Элхонӣ даъват кард, то ҳар кадом дар навиштани таърихи халқҳоро мамлакатҳои худ ба ӯ кумак кунанд. Дар навиштани таърихи муғул ба ӯ сафири ҳокони Чин дар дарбори Элхонӣ Пўлод Чинг Сонг мусоидат намуд. Рашидуддин таълифи асари «Ҷомеъу-т-тавориҳ» - ро дар чор ҷилд тартиб дода, соли 710 / 1310-1311 ба анҷом расонд.

Рашидуддин бо навиштани асари «Ҷомеъу-т-тавориҳ» дар таърихнигории умумиҷаҳонӣ ҷунун пояи устувор гузошт, ки баъд аз ӯ на танҳо муарриҳини эронӣ, балки бисёр донишмандони мамолики дигар низ аз ӯ пайравӣ карданд. «Ҷомеъу-т-тавориҳ» ба забони русӣ тарҷума ва нашр гардидааст [8, Ҷ. I. К. I. -222 с., Ҷ. I. К. 2. 316 с., Ҷ. II. -248 с., Ҷ. III. -340 с.]. Ин асар соли 1373 х. дар чор ҷилд [10, -3174 с.] ва соли 1374 х. дар се ҷилд [9, -1113 с.] дар Техрон ба таърифи расид.

Ба ҷуз аз «Ҷомеъу-т-тавориҳ» ба қалами Рашидуддин асарҳои зерин

мансубанд: «ал-Ахё ва-л-маосир» - дар баёни сармо ва гармо, фаслҳои табиат, кишоварзӣ, обёрӣ, амрози наботот ва ғайра (ин асар то ҳол дастрас нест); «Тавзеҳот» – 19 муросиларо дар масоили каломӣ, динӣ ва ирфонӣ дар бар мегирад; «Мифтоҳу-т-тафосир» – дар баёни фасоҳати «Қуръон», ҳоли муфасссирон, баёни хайру шар, ҷабру қадр, абтоли таносух, исботи ҳашр ва ғайра; «Маҷмуаи Рашидия», ки се аз рисолаи ба мавзуи илоҳиёт бахшида шуда иборат буда, ба забони арабӣ баргардонда шудааст; «Мукотиботи Рашидӣ» – 53 мактубро дар бар мегирад, ки чортои он ба унвони Рашидуддин навишта шуда, боқимонда аз ҷониби Рашидуддин ба писаронаш ва ҳокимону рӯҳониён ва ашхоси масъули дигар ирсол гардидааст. Мактубҳои Рашидуддин дар замони вазирӣ писараш Ғиёсуддин дар маҷмуае зери унвони «Савонеху-л-афкори Рашидӣ» гирд оварда шудаанд [1, 489].

Ҳоча Рашидуддин барои нобуд нагаштани навиштаҳоиаш ва ба мардум даст-рас гардидани онҳо кӯшиши зиёд намуд. Бо талошҳои Рашидуддин таълифоти форсии ӯ ба арабӣ ва осори арабии ӯ ба форсӣ тарҷума карда шуд, то аҳли ҳарду забон аз онҳо баҳра баранд. Баъд ӯ амр дод, ки аз рӯйи ҳар як китобаш чанд нусха бардошта, онҳоро ба вилоятҳои мухталиф ба аҳли адаб дастрас намоянд, то онҳо низ дигаронро дар истинсоҳи онҳо таблиғ намоянд. Пас аз он нусхаҳои таълифоти худро дар китобхонаи «Рубъи Рашидӣ» гузошт, то ҳар кас бихоҳад озодона онҳоро мутолиа кунад ё аз рӯйи онҳо нусха бардорад. Илова бар он тамоми таълифоти худро бо нақшаву расмҳои зарурӣ таҳти унвони «Ҷомеи тасонифи Рашидӣ» дар як ҷилди азим ҷамъ намуда, дар он китобхона ҷойгир намуд. Пас дастур дод, ки ҳар сол аз ҳар як аз муаллафоти ӯ ду нусха, яке ба арабӣ, дигаре ба форсӣ бинависанд ва ба яке аз билоди муътабари ислом бифиристанд. Вале мутаассифона маҷмааи «Рубъи Рашидӣ» ду маротиба, яке пас аз қатли Рашидуддин, дигаре пас аз кушта шудани писараш Ғиёсуддин мавриди ғорат қарор гирифт, ки дар натиҷа бисёре аз осори нодиру бебаҳои Рашидуддин ба дасти ҷохилон нобуд гардид [1, 490].

Бояд қайд намуд, ки дар давраи фармонравоии муғулон Саъду-д-давла, ки яҳудитабор буда, вазифаи вазириро ба уҳда дошт, бо ташаббуси ӯ нуфузи яҳудиён дар мамлакат хеле зиёд гашта, интисоби мусулмонон дар мансабҳои баланд маҳдуд гардид, ки ин кинаи мардуми бумиро нисбати муғулон ва яҳудиён афзун гардонд. Оқибат Саъду-д-давла ба қатл расид. Дар он рӯзҳо нуфузу эътибори Рашидуддин дар мамлакат рӯз аз рӯз баланд мегашт. Душманон ва муҳолифини ӯ дарк намуданд, ки дар айни замон муносибати мардум ба яҳудиён қобили қабул нест ва фикри аз миён бардоштани Рашидуддинро карда, тухмат намуданд, ки ӯ аслан аз дини яҳудиён пайравӣ мекунад, вале зоҳиран худро мусулмон мета-рошад. Душманони Рашидуддин дар охир тавонистанд, ки иттиҳомҳои худро ба сари ӯ бор карда, мардумро бовар кунонданд, ки Рашидуддинро яҳудӣ пиндоранд [3, 249-250]. Пас аз қатли Рашидуддин ҷасади ӯро ба узвҳо тақсим карда, онҳоро ба шаҳрҳои мухталиф фиристонданд ва бақои ҷасадаашро дар Табрез ба хок супориданд. Баъд аз як аср бо фармони ҳокими Табрез, писари Темурланг, Мироншоҳ, ки аз бемории молихулиё азият мекашид, бақои ҷасади Рашидуддинро ба ғуристони яҳудиён интиқол доданд.

АДАБИЁТ

1. Аббос Иқболи Оштіёнӣ. Таърихи муғул ва авоили айёми Темурӣ. Ҷилди аввал ва дуввум. – Теҳрон, 1376 х. -654 с.
2. Али-заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв.

Баку, 1956. -419 с.

3.Бертолд Шпуллер. Таърихи мугул дар Эрон: сиёсат, ҳукумат ва фарҳанги давраи Элхонон. Тарҷумаи М. Мирфтоб. Техрон, 1386 х. -553 с.

4.Вассоф. Китоби мустатоби Вассоф ал-хазрат (Таърихи Вассоф). Ба эҳтимоми Муҳаммад Махдии Исфаҳонӣ матбуъ гардид. Чопи офсет. Ҷ. III. Техрон, 1338 х.

5.Петрушевский И. П. Рашид-ад-дин и его исторический труд//Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Том I. Книга первая. М.-Л., 1952. С. 4-37.

6.Петрушевский И. П. Феодалное хозяйство Рашид аддина//Вопросы истории, 1951, № 4. С. 87-104.

7.Рашид ад-дин. Переписка. Перевод, введение и комментарий А. И. Фалиной. Москва, 1971. - 502 с.

8.Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. I//Перевод с персидского Л.А. Хетагурова, редакция и примечания А. А. Семенова. М.-Л., 1952. -222 с.; Т.I. Кн. 2//Перевод с персидского О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция А. А. Семенова. М.-Л., 1952. -316 с.; Т. II//Перевод с персидского Ю.П. Верховского, примечания Ю. П. Верховского и Б.И. Панкратова, редакция И. П. Петрушевского. М.-Л., 1960. -248 с.; Т. III//Перевод с персидского А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.-Л., - 1946. -340 с.

9.Рашидуддин Фазлуллоҳи Ҳамадонӣ. Ҷомеъу-т-таворих. Ҷилдҳои 1-3. Бо кӯшиши доктор Баҳмани Каримӣ. Техрон, 1374 х. -1113 с.

10.Рашидуддин Фазлуллоҳи Ҳамадонӣ. Ҷомеъу-т-таворих. Ҷилдҳои 1-4. Бо тасҳеҳ ва таҳияи Муҳаммад Равшан - Мустафо Мӯсо. Техрон: Албурз, 1373. -3174 с.

НАҚШИ РАШИДУДДИНИ ФАЗЛУЛЛОҲ ДАР УМУРИ ИДОРИИ ДАВЛАТИ ЭЛХОНИҲО

Дар мақола нақши сиёсатмадор ва муаррихи машҳури асри миёна Рашидуддини Фазлуллоҳ дар умури идории давлати Элхониҳо мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Рашидуддин дар ҷавонӣ илмҳои мухталифи замонаро омӯхта, забонҳои зиёдеро аз худ намуд ва ба касби табибӣ низ рағбати зиёд дошт. Ӯ дар дарбори Элхониён ҳамчун табиб шухрати зиёд пайдо карда, ба умури давлатдорӣ низ ширкат намудааст. Дар солҳои аввали ҳукмронии Ғозонхон (1295-1304) Рашидуддин Фазлуллоҳ чун табиби дарбор хизмат карда, баъдан ноиби вазирӣ девон таъин гардид. Амалан ҳамаи қорҳои муҳими давлатӣ ба уҳдаи ӯ воғузор шуданд. Дар замони салтанати Улҷоити ва Абусаъид Рашидуддин вазорати онҳоро идора мекард. Рашидуддин дар ҳаёти сиёсӣ, иқтисодӣ-иҷтимоӣ ва фарҳангии давлати Элхониҳо нақши бағоят бузург бозидааст. Замони ҳукмронии Элхониҳо муғулони ҷағатой борҳо ба ҳудуди онҳо ҳуҷумҳои ғоратгарона намуда, амволи мардумро тороҷ ва заминҳои киштро хароб мекарданд. Илова бар он аҳолии кишвар аз ҷониби ҳуди муғулҳои элхонӣ ва амирони онҳо бо андозҳои бенизом ва пардохтҳои бераҳмона мавриди истисмор қарор мегирифтанд. Ин амал ба таназули иқтисодиёт, харобшавии соҳаи кишоварзӣ ва низоми обёрӣ оварда расонд. Бо дастур ва ташаббуси Рашидуддин Ғозонхон дар мамлакат ислоҳот гузаронида, барои обод кардани биноҳо ва таҷдиди шаҳро виллоъи мамлакат фармон содир намуд. Саҳми Рашидуддин дар барқароркунӣ ва ободонии деҳаҳои харобашта хеле назаррас аст. Рашидуддин дар масъалаи ба низоми овардани андоз низ нақши бориз дошта, дар ободонию эъмори давлат саъю кӯшиши беандоза ба харҷ дода буд. Маҳз бо таълиғ ва ташаббуси Рашидуддин хонҳои муғул ба ободонию азнавсозии пойтахти мамлакат саъй намуданд. Рашидуддин дар масъалаи бехтар намудани вазъи зиндагии олимон, ба илмомӯзӣ ҷалб намудани донишҷӯён, ба низоми даровардани соҳаи тандурустӣ ва амсоли он низ нақши бузург дошта, дар густариши фарҳанги эронӣ дар давлати Элхониҳо мусоидат намуда, дар ин самт шохкорҳои беҳамто кардааст.

Калидвожаҳо: Рашидуддин, давлат, Элхониён, табиб, Ғозонхон, вазир, девон, ислоҳот, мамлакат, андоз, низоми.

РОЛЬ РАШИДУДДИНА ФАЗЛУЛЛОҲА В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ ИЛХАНИДОВ

В статье рассматривается роль известного средневекового деятеля и историка Рашидуддина Фазлуллоха в делах государственного управления. В молодости Рашидуддин изучал различные науки того времени, овладел несколькими языками, а также интересовался профессией врача. Он получил большую известность как врач при дворе Илханидов, и наряду со своей врачебной профессией интересовался также и государственными делами. В первые годы правления Газан-хана Рашидуддин Фазлуллох служил при дворе врачом, а позже был назначен заместителем министра двора. Ему доверяли практически все важные государственные дела. Во время правления Улджойти и Абусаида Рашидуддин руководил их министерством. Рашидуддин играл очень важную роль в политической, экономической, социальной и культурной жизни государства Илханидов. Во времена прав-

ления Илханидов чагатайские монголы неоднократно совершали набеги на их территорию, грабя имущество людей и уничтожая возделываемые земли. Кроме того, население страны эксплуатировалось Илханскими монголами и их эмирами нерегулярными налогами и жестокими платежами. Это действие привело к упадку экономики, разрушению сельскохозяйственного и ирригационного секторов. По указанию и инициативе Рашидуддина Газанхан провел реформу в стране и издал приказ о реконструкции зданий и благоустройстве городов и провинций страны. Личный вклад Рашидуддина в восстановление и благоустройство разрушенных деревень очень значителен. Видную роль сыграл Рашидуддин и в вопросе систематизации налогообложения населения. Рашидуддин приложил большие усилия в развитие страны. Именно с пропаганды и инициативы Рашидуддина монгольские ханы приступили к благоустройству и обновлению столицы страны. Рашидуддину принадлежит большая роль в вопросе улучшения условий жизни ученых, привлечения студентов к научному образованию, систематизации сферы здравоохранения и тому подобное. Рашидуддин сыграл чрезвычайно важную роль в расширении иранской культуры в государстве Илханидов и совершил на этом поприще уникальные подвиги.

Ключевые слова: *Рашидуддин, государство, Илханиды, врач, Газанхан, министр, кабинет, реформа, страна, налог, система.*

ROLE OF RASHIDUDDIN FAZLULLOH IN THE STATE ADMINISTRATION OF THE ILKHANIDS

The article discusses the role of the famous medieval figure and historian Rashiduddin Fazlulloh in the affairs of public administration. In his youth, Rashiduddin studied various sciences of that time, mastered several languages, and was also very interested in the medical profession. He gained great fame as a doctor at the Ilkhanid court, and along with his medical profession, he was also interested in state affairs. In the early years of the reign of Ghazan Khan, Rashiduddin Fazlulloh served as a court doctor, and was later appointed deputy minister of the court. He was entrusted with almost all important government affairs. During the reigns of Uljoytu and Abu Saeed, Rashiduddin was in charge of their ministry. Rashiduddin played a very important role in the political, economic, social and cultural life of the Ilkhanid state. During the reign of the Ilkhanids, the Chagatai Mongols repeatedly raided their territory, robbing people's property and destroying cultivated land. In addition, the population of the country was exploited by the Ilkhan Mongols and their emirs with irregular taxes and cruel payments. This action led to the decline of the economy, the destruction of the agricultural and irrigation sectors. At the direction and initiative of Rashiduddin Gazankhan carried out a reform in the country and issued an order for the reconstruction of buildings and the improvement of the cities and provinces of the country. Rashiduddin's personal contribution to the restoration and improvement of the destroyed villages is very significant. Rashiduddin also played a prominent role in the systematization of taxation of the population. Rashiduddin made great efforts in the development of the country. It was with the propaganda and initiative of Rashiduddin that the Mongol khans began to improve and renovate the capital of the country. Rashiduddin played a big role in improving the living conditions of scientists, attracting students to scientific education, systematizing the healthcare sector, and the like. Rashiduddin played an extremely important role in the expansion of Iranian culture in the Ilkhanid state and performed unique feats in this field.

Key words: *Rashiduddin, state, Ilkhanids, doctor, Ghazankhan, minister, cabinet, reform, country, tax, system.*

Сведения об авторе: **САИДОВ Абдукахор** - доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. ак. Раджабовых, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

Information about the author: **SAIDOV Abdukakhor** - Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. ac. Radjabovs, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ АХЕМЕНИДСКИХ ЦАРЕЙ¹

ХОДЖАЕВА Н. ДЖ.,

Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ

Религиозные воззрения Ахеменидских царей является предметом дискуссий среди исследователей уже не одно десятилетие и до сих пор этот вопрос остается открытым. Учеными выдвигаются различные гипотезы, которые строятся на основе письменных источников (античных, мусульманских) и эпиграфических памятников (вавилонские тексты и надписи Ахеменидских царей). Наличие противоречивых сведений в сообщениях античных авторов и надписях ахеменидских царей затрудняет выявить истинное положение религиозной обстановки в Ахеменидском государстве.

В вопросе о религиозной принадлежности Ахеменидов следует быть предельно осторожным. Это объясняется тем, что он тесно переплетается с до сих пор дискуссионными вопросами о месте происхождения религии зороастризма, о времени и месте сложения её священной книги – «Авесты», и о времени жизнедеятельности пророка Заратуштры и его родины.

Большинство исследователей полагают, что Ахемениды были приверженцами зороастризма. Не так мало ученых, которые придерживаются точки зрения, что ахеменидские цари не были зороастрийцами. С появлением новых материалов, особенно вновь обнаруженных текстов ахеменидских царей, периодически оживляется полемика по этому вопросу. Следует отметить, что каждый ученый по-своему прав, так как предоставляет убедительные аргументы в пользу своей точки зрения.

Несмотря на обилие различных точек зрения с аргументированными объяснениями, вопрос о религиозной принадлежности Ахеменидов остается открытым. Опираясь на сравнительный анализ надписей Ахеменидских царей, вавилонских летописей, египетских, античных и мусульманских источников, а также научных публикаций по религии Ахеменидских царей предлагаем свое видение данного вопроса.

Известно, что зороастризм – первая монорелигия. Л. А. Лелеков справедливо отмечает, что на разных этапах своей эволюции зороастризм несколько раз менял содержание, идеологическую направленность и социальную базу [11, 13]. Первоначально приверженцы этой религии называли себя «маздаяснийцами», так как поклонялись Ахура-Мазде (авест. ahuramazdā) – верховному божеству Мазде. Зороастризмом она стала называться последователями Заратуштры-Zarathuštra (среднеперс. Зардушт, русск и европ. яз. Зороастр-Zoroastr), благодаря реформам которого и была основана эта религия. Монотеизм является существенным отличием зороастризма от религиозных воззрений древнего периода. Так, согласно реформам Заратуштры, Ахура-Мазда – верховное божество последователей этой религии.

Был ли зороастризм религией Ахеменидов? Предлагаем вновь рассмотреть

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (III – начало XX вв.), государственный регистрационный номер 0121TJ1211.

этот вопрос. О религиозной картине Ахеменидского двора свидетельствуют не только летописи царей ахеменидского рода, но и многочисленные исторические источники из Вавилона, Египта и др. Все они свидетельствуют о том, что при первых Ахеменидах наблюдается параллельное почитание вавилонских, египетских, иудейских и греческих божеств и различных культов, о чем свидетельствуют исторические источники. Следует отметить, что основатель империи – Кир II (559-530) вошел в историю как один из самых веротерпимых правителей древнего мира. После завоевания Мидии, Вавилона, Египта, Палестины и других областей, Кир II прилагал все усилия, чтобы стать законным правителем этих стран и преемником местных правящих династий, а также вызвать одобрение его действий у населения завоеванных территорий. Так, в Вавилоне Кир II покровительствовал возрождению древних культов и приносил жертвы местным богам [8, 310]. Кроме того, как отмечает П. Бриан, Кир II и его сын Камбиз II (530-522) признавали и поддерживали не только местные культы и религии в Палестине, Египте и Малой Азии, но и язык, на котором говорили в этих странах. Ученый отмечает, что даже надписи Ахеменидских царей написаны на трех языках: персидском, эламском и аккадском. Персы говорили только на персидском и почитали персидских богов [24, 77].

После завоевания персами Месопотамии в 539 г. до н.э. были составлены вавилонские тексты, где говорится, что Кир II освободил жителей страны от гнета вавилонского царя Набонида, который пренебрежительно относился к богам [5, 388-389]. Там же отмечено, что Кир II «вернул идолы вавилонских богов в их святилища, сердца их удовлетворил...[ежедневно] клал перед ними пищу...» [5, 388-389].

Известно, что царь Набонид, пришедший к власти в 556 г. до н. э., провел религиозную реформу. Вместо верховного бога Мардука народ Вавилона должен почитать бога Сина. В связи с этим был прерван праздник Нового года [24, 40-41]. Кир II воспользовался этой ситуацией и благодаря поддержке жречества захватил без труда Вавилон. В результате вся территория Месопотамии была присоединена к Ахеменидской державе.

Из текста на глиняном цилиндре, составленном вавилонскими жрецами, следует, что Кир II поклонялся Мардуку, верховному богу вавилонян: «Пусть они скажут Мардуку, моему владыке, что Кураш, царь, который почитает тебя» [20, 387]. Цилиндр Кира, вошел в историю как «первая декларация прав человека», где сформулированы основные постулаты политики Кира II, проводимой им не только внутри государства, но и в завоеванных странах. Один из них связан с веротерпимостью по отношению к божествам подвластных народов [28, 85-87].

О политеизме Кира II свидетельствует также его надпись из Ура, которая гласит: «Великие боги вручили мне все страны» [13, 388].

Религиозную политику Кира II на завоёванных территориях продолжили его приемники. Так, по сведениям египетских источников, его сын Камбиз II принял не только титул царя Египта, но и принимал участие в религиозных церемониях в храме Нейт в Саисе, где, как и фараоны преклонялся перед богиней Нейт и приносил жертвы другим богам [см.: 7, 117-118].

Таким образом, первые правители Ахеменидской империи с целью завоевания новых земель использовали и религию, в результате чего вынуждены были почитать верховных богов завоеванных ими народов.

Обратим внимание на надпись Дария I (522-486) и знаменитую «Антидэвов-

скую» надпись его сына – Ксеркса I (485-465) в Персеполе. Оба правителя в своих надписях употребляют выражения, где говорится о нескольких богах. Так, надпись Дария I гласит: «Великий Ахурамазда, величайший из богов, он Дария царем сделал» (DPd1-5) [См.: 10], «...помоги мне Ахурамазда вместе со всеми богами, и эту страну защити от врагов, от голода, ото Лжи» (DPd12-24). В надписи Ксеркса I говорится: «Да защитит меня Ахурамазда вместе с другими богами, и мое царство, и то, что мной сделано» (XРb 28-29) [См.: 10].

Следует также заметить, что некоторые ахеменидские цари были неравнодушны и к греческим богам. Так, Геродот сообщает, что при завоевании греческих земель Ксеркс¹ принес в жертву Афине Илионской 1000 быков (Геродот VII. 43) [См.: 6]. О том, что Дарий I покровительствовал греческому богу Аполлону, свидетельствует его письмо управляющему его имениями в Магнесии². Текст письма составлен на древнегреческом языке. Дарий I пишет: «Ты собрал подать со священнх садовников Аполлона и приказал им обработать не храмовую землю, не ведая о моих чувствах к этому богу, который сказал персам всю правду...» [См.: 18, 421].

Итак, проведенный нами анализ различных исторических источников показал наличие политеизма у Ахеменидских царей.

Следует отметить, что многие ученые полагают, что Ахемениды были зороастрийцами, так как опираются на пехлевийскую традицию и сведения античных и мусульманских авторов о происхождении «Авесты».

Первые упоминания о существовании письменного текста «Авесты» относятся к античным авторам. Самое раннее свидетельство об этом литературном памятнике принадлежит жившему приблизительно в 500-440 гг. до н. э. Ксанфу Лидийскому [26, XII - XIII], автору сочинения «Лидийская история». От сочинения сохранились 27 отрывков [9, 19].

Плиний Старший (между 22 и 24 – 79 гг. н.э.), ссылаясь на Гермиппа (2-я пол. III в. до н.э.)³, в «Historianaturalis» - «Естественной истории» (XXX. 2.4.) [см.: 1, 29] отмечает, что писания магов включали два миллиона стихов, содержание которых изложено Гермиппом. М. Бойс и Ф. Грене ставят под вопрос данное утверждение, считая, что свод прокомментированных Гермиппом текстов создавался на протяжении III в. до н.э. и стал основой для всей античной псевдоэпиграфической литературы, посвященной магам и Зороастру [23, 526]. Тем самым, ученые подвергают сомнению знакомству средиземноморской цивилизации с подлинными зороастрийскими текстами на протяжении классической (510-323 гг. до н.э.) и эллинистической (323-30 гг. до н.э.) эпох. Вероятнее всего, устная традиция передачи зороастрийской доктрины, которая хранилась в течение многих столетий у древних иранцев, каким-то образом дошла и до античных авторов. Так, устный характер передачи зороастрийской доктрины о мировых циклах (Vd. 1.1-28, 2.1-11; 3.1-27) [22; 29] от магов эллинам засвидетельствован Плутархом (ок. 46-127 гг.), который пишет: «А Феопомп⁴ со слов магов утверждает, что на три тысячи лет по очереди один бог побеждает, а другой бывает побежден, затем три тысячи лет они бьются и сражаются, и один разрушает творения другого; но, в

¹ Ксеркс I (486-464 гг. до н.э.)

² Магнесия – это одна из областей Малой Азии.

³ Гермипп – историк греческой философии. В трактате «О магах» (Περὶ Μάγων) связывает возникновение греческой философии с восточной традицией, то есть зороастрийской.

⁴ Феопомп – греческий историк, живший в IV в. до н.э. на острове Хиос.

конце концов, Гадес исчезнет, и люди станут счастливыми, не нуждаясь в пище и не строя навеса»(Исида и Осирис, 47) [15]. Обратим внимание на выражения Плутарха «со слов магов», а Плиния Старшего, как и Гермиппа – «писания магов». На наш взгляд, если бы Феопомп говорил о каких-либо зороастрийских текстах, то Плутарх обязательно зафиксировал бы это. Но мы не можем игнорировать сообщения Плиния Старшего и Гермиппа о «писании магов». Поэтому вопрос об объективности информации античных авторов об «Авесте» остаётся открытым.

Согласно пехлевийской традиции, письменный текст этого литературного памятника существовал задолго до прихода Александра Македонского в Иран. По одной версии, учение Заратуштры было записано на золотых досках, а по другой – на бычьих шкурах. В пехлевийских источниках повествуется о возникновении «Авесты», но подробный рассказ приводится в «Денкарде», где в IV книге говорится, что, когда царь Виштасп¹ освободился от войны с Арджаспом², он обратился к другим царям, чтобы они приняли маздаяснийскую веру. И, чтобы распространить среди людей писания этой религии, которые были изучены со всей мудростью и которые относятся к обретению знаний и всевозможных благ, он послал в то же самое время Спити и Арезраспа³ и других мобедов, которые изучили язык этих писаний и которые вернулись из Хванираты после полного изучения знаний веры под руководством Фрашоштар⁴. Дара сын Дараба⁵ приказал сохранить две копии целого текста «Авесты» и Зенда, в том виде как это было получено Зардоштом от Ормазда, один в Ганч-и Шайеган (царской сокровищнице), а другой в Дез-и Нибишт (царском архиве) (Dk. IV.15-20) [27 24, 133]. В III книге «Денкарда» уточняется, что после нашествия Александра Македонского один экземпляр «Авесты» был сожжен, а другой захвачен греками и переведен ими на родной (греческий) язык [см.: 4, 188]. Скорее всего, текст «Авесты» попал к Аристотелю (384-322 гг. до н.э.), учителю Александра Македонского, и он действительно видел писанную золотом книгу, но мало что в ней понял [19, 239].

В другом пехлевийском источнике – «Книга о праведном Виразе» (Арда Вираз Намег) также говорится, что Александр из Египта сжег религиозные книги, в том числе Авесту и Зенд, написанные золотыми буквами на специально обработанных воловьих шкурах и хранившихся Стахре в «Замке письмен» (AVN 1.10-19) [14].

Средневековые мусульманские авторы передают те же предания. Очевидно, они были знакомы с пехлевийской литературой. Так, Ибн Балхи в «Форснома» отмечает, что, когда появился Зардушт, Виштасф первоначально не признал его, но позже он признал его, и он принес книгу Занд, и она вся (полна) мудрости и записана на 12 000 дубленных коровьих кожах (пергаментах) золотом. Виштасф принял её, а в Истахре есть гора, которую называют – гора Шифишт. Все изображения и рисунки на ней сделаны из неотесанного камня (гранита), и в ней по-

¹Виштасп – легендарный царь из династии Кеянидов, покровитель и первый последователь пророка Заратуштры.

²Арджасп (авест.Ареджатаспа) – предводитель хионитов (авест. Хьона). В «Авесте» - одно из туранских племен, враждебных арийцам (иранцам).

³Спит (Спедаг) и Арезрасп – два брата, служившие главными жрецами в южных кешварах земли, посетивших в поисках истины первого последователя Заратуштры, Фрашоштар.

⁴Фрашоштар – один из первых последователей Заратуштры.

⁵В тексте *dārā ī dārāyān*. А. И. Колесников считает, что в данном контексте речь может идти только о Дарии I (522-486). См.: [23, 133, сн. 5].

ставили удивительный памятник, в который была помещена эта книга Занд-Пазанд [30, 49-50].

О книге Зардушта, высеченной золотом на двенадцати тысячах коровьих шкурах писал также и Табари [17, 447].

Согласно Бируни, «Авеста» находилась во дворе Дария I. Так, в своем первом научном труде «Памятники минувших поколений» («Аль-Асар аль-Бакия») ученый пишет, что «в сокровищнице царя Дария была рукопись [Авесты], написанная золотом на двенадцати тысячах штук коровьих кож. Её сжег Александр, когда разрушил храм огня и убил жрецов. Поэтому с тех пор [из Авесты] исчезло около трех пятых. [Полностью] она состояла из тридцати насков, а то, что осталось теперь у них в руках, составляет [около] двенадцати насков. Наск – название части [Авесты] как мы называем части Корана семьюми [3, 207].

Таким образом, анализ пехлевийских и мусульманских источников показал, что мусульманские авторы копируют сообщения пехлевийских источников, согласно которым «Авеста» была создана на территории современного Ирана и хранилась в сокровищнице Ахеменидского двора. Это объясняется тем, что пехлевийская литература в основном представлена произведениями религиозного характера периода правления Сасанидской династии в Иране (III-VII вв.), когда зороастризм стал государственной религией. Теперь вопрос происхождения «Авесты», родины Заратуштры и самой религии становится одним из принципиальных вопросов не только церкви, но и государственной идеологии Сасанидов. Согласно этой идеологии родиной и «Авесты», и Заратуштры, и зороастризма является Сасанидский Иран, что и зафиксировано во всех пехлевийских источниках.

Заметим, что одним из характерных признаков принадлежности к той или иной религии является погребальный обряд. Античными авторами подробно описано погребение Кира II. Так, Арриан отмечает, что могила Кира находилась в Пасаргадах... «Подземная часть могилы была сложена в форме четырехугольника из камней, над которой было выстроено каменное помещение. В помещении находился золотой саркофаг, в котором был похоронен Кир. Он стоял на ложе с ножками из кованого золота... и там стоял стол. Ложе было покрыто вавилонским ковром и застлано шкурами. Лежали на нем царский плащ, индийские шаровары и другие плащи, браслеты, кинжалы, золотые серьги с камнями. Внутри ограды, у крыльца, ведущего к могиле, выстроено было маленькое помещение для магов, охранявших могилу Кира» (Анаб. VI. 29. 4-7) [4]. Квинт Курций Руф пишет, что Александр, приказавший открыть гробницу Кира, «кроме щита Кира, двух скифских лука и акинака ничего не нашел» (Квинт Курций Руф X. 1. 30-31) [16].

Подобное захоронение Кира II противоречит каноническому зороастрийскому погребальному обряду. В «Авесте», а именно в «Видевдате» (5.7, 46-50) [21], который был составлен при Аршакидах (250 г. до н.э. - 224 г.н.э.), описано три способа захоронения: трупы, погребенные на земле, трупы, погребенные в землю и погребение в дахме. Вариант захоронения зависел от обстоятельств.

Следует отметить, что наиболее распространенным был обряд, согласно которому хоронили не труп, а кости покойного, после его выставления, то есть захоронения в дахме. Так, в «Видевдате» (6. 44-51; 8. 4-10) подробно описывается этот способ захоронения. После смерти тела умерших оставляют в специальном месте для того, чтобы их поедали собаки и птицы, а затем кости умерших складываются в специальные костехранилища – оссуарии. В «Дадастан-и Дениге» (Dd.

XVIII.3) [25] оссуарии именуются астодами (astōdān) от среднеперсидского ast (аст-) – «кость» и -dāna (-дана) – «вместилище» [19, 58]. М. Б. Мейтарчян полагает, что описание астода подходит на описание оссуария [12, 58].

Таким образом, погребальный обряд, по которому похоронили Кира II, указывает также на то, что Ахемениды не были зороастрийцами. П. Бриан отмечает также, что плач и стенания, которые, согласно Геродоту (III.66), сопровождали смерть Камбиза или персидских аристократов (IX.24), также противоречат зороастрийским традициям [24, 94]. Зороастризм запрещает оплакивание умершего, о чем свидетельствует «Арда Вираз Намаг» (57.1).

Итак, источниковедческий и историографический анализ религиозных убеждений Ахеменидских царей показал наличие противоречивых гипотез. Проведенное исследование позволило автору статьи высказать свое предположение о том, что Ахемениды не были истинными приверженцами зороастризма. Это объясняется тем, что религиозные взгляды и соответствующие им учреждения, являясь надстройкой над экономическим базисом, изменяются в зависимости от изменений условий жизни общества и его экономического устройства. В связи с этим выделены исторические формы развития религии: племенные, национально-государственные (этнические) и мировые (зороастризм, буддизм, христианство, ислам). Следовательно, согласно исторической периодизации следует выделить такие понятия как религиозные верования и религия. Религия – это продукт классового общества, и о ней можно говорить лишь в том случае, когда она является канонизированной и становится государственной, а в остальных случаях следует говорить о религиозных верованиях. Таким образом, религия является обязательным атрибутом государственной власти, и она должна быть канонизирована. Зороастризм не был государственной религией в Ахеменидской империи. Там господствовали элементы зороастрийской религии и древних культов, а большинство Ахеменидских царей были политеистами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста в русских переводах (1861-1996). Сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И. В. Ракка. – СПб.: Журнал Нева, «Летний Сад», 1998. – 480 с.
2. Арриан, Флавий. Поход Александра//Флавий Арриан. Пер. М. Е. Сергеев, вступ. Ст. О. О. Крюгера. – СПб.: Алетей, 1993. – 386 с.
3. Бируни Абу Рейхан. Избранные сочинения Т. II//Абу Рейхан Бируни. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – 485 с.
4. Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии: элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности. Отв. ред. Б. Н. Заходер//М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 496 с.
5. Вавилонский Памфлет Набонида//История Древнего Востока. Тексты и документы: Учеб. пособие. Под ред. В. И. Кузищина. – М.: Высшая школа, 2002. – С. 388-389.
6. Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
7. Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах//М.: Изд. Восточной литературы, 1963. – 262 с.
8. Дандамаев М. А. Ахеменидская империя: социально-административное устройство и культурные достижения//СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. – 392 с.
9. История греческой литературы: В 3-х тт//Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. – М.: АН СССР, 1955. – Т. 2. История, философия, ораторское искусство классического периода. – 309 с.
10. Кухарчик Ю. Древнеперсидские надписи Дария I и Ксеркса из Персеполя (текст, комменарии, перевод) / Ю. Кухарчик//Электронный научный журнал SCRIPTORIUM: история древнего мира и средних веков. № 6 (2010). Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/91500> (Дата доступа: 06.07.22).

11. Лелеков Л. А. Зороастризм: явление и проблемы//Локальные и синкретические культы. – М.: ГРВЛ, 1991. – С. 12-49.
12. Мейтарчиан М. Б. Погребальные обряды зороастрийцев//М.; -СПб.: Ин-т востоковед. РАН: Летний сад, 2001. – 248 с.
13. Надпись Кира из Ура//История Древнего Востока. Тексты и документы: Учеб. пособие. Под ред. В.И. Кузищина. – М., 2002. – С. 388.
14. Пехлевийская «Божественная комедия»: Книга о праведном Виразе (Арда Вираз Немаг) и другие тексты. Введение, транслит. пехл. текстов, Пер. и коммент. О. М. Чунаковой. – М.: Изд-во Восточная литература РАН, 2001. – 208 с.
15. Плутарх М. Исида и Осирис. Пер. и примеч. Н. Н. Трухиной//К.: Уцимм-Пресс, 1996. – 257 с.
16. Руф Квинт Курций. История Александра Македонского. Пер. К. А. Морозова, И. А. Миронина, В. С. Соколова, А. Ч. Козаржевского, И. А. Дборглава, А. А. Вигасина. Отв. Ред., предисл.: А. А. Вигасин//М.: Изд-во МГУ, 1993. – 464 с.
17. Табари М. Таъриху-р-русулива-л-мулук. Китоби 1 (чилдҳои 1, 2 ва аввали чилди 3). – Душанбе: Сарредаксияи илмӣи Энсиклопедияи миллии тоҷик, 2014. – 756 с.
18. Указ Дария I относительно греческого храма в Магнессии Ура//История Древнего Востока. Тексты и документы: Учеб. пособие. Под ред. В. И. Кузищина. – М., 2002. С. 421.
19. Ходжаева Н. Дж. 250 лет первому научному изданию «Авесты»//Н. Дж. Ходжаева//Вестник Педагогического университета. – Душанбе, 2021. – № 3 (92). – С. 238-245.
20. Цилиндр Кира//История Древнего Востока. Тексты и документы: Учеб. пособие. Под ред. В.И. Кузищина. – М., 2002. – С. 386-387.
21. Avesta. См. Электронный ресурс: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm> (Дата доступа: 08. 07. 2022).
22. Bahman-Yasht [Pahlavi], and Shâyast [and: Appendix to the Bundahis: Selections of Zâdspram, brother of dastûr Pârs and Kirmân, A.D. 881. – Oxford, University Press, 1880. – 434 p. Part I. Chapters I-IX (Paraphrase of Bundahis, I-XVII)]. Transl. by E. W. West. – P. 1-151. (SBE, vol. 5).
23. Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. III: Zoroastrianism under Macedonian and Roman rule. – Leiden; New-York; Köln: E. J. Brill, 1991. – 596 p
24. Briant P. From Cyrus to Alexandre: a history of the Persian Empire/P. Briant. – Transl by P.T. Daniels. Winona Lake: Eisenbrauns, 2002. – 1196 p.
25. Dâdistân-î Dînik and the epistles of Mânûskîhar. – Oxford, Univ. Press, 1882. – 480 p. Part II: Dâdistân-î Dînik. Transl. by E.W. West. – P. 1-276. (SBE, vol. 18).
26. Darmesteter J. Introduction//The Zend-Avesta. Pt. I. The Vendidad. Transl. by James Darmesteter. – Oxford: Oxford University Press, 1880. – P. XII-CII. (SBE, vol. IV).
27. Denkart. Book 4. См. Электронный ресурс: www.avesta.org/denkard/dk4.html (Дата доступа: 08.07.2022).
28. Kuhrt A. The Cyrus Cylinder and Achaemenid Imperial Policy//A. Kuhrt//Journal for the study of the Old Testament. – 1983. – No 25. – P. 85-87.
29. The Bundahis, Bahman-Yasht [Pahlavi], and Shâyast [and: Appendix to the Bundahis: Selections of Zâdspram, brother of dastûr Pârs and Kirmân, A. D. 881. – Oxford, University Press, 1880. – 434 p. Part I. Chapters I-IX (Paraphrase of Bundahis, I-XVII)]. Transl. by E. W. West. – P. 1-151. (SBE, vol. 5).
30. The Fârsnâma of Ibnî'l-Balkhî. Ed. by G. Le Strange and R. A. Nicholson [Text in Persian] – Tehron: Asotir, 1385. – 246 p.

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ АХЕМЕНИДСКИХ ЦАРЕЙ

В статье рассматривается вопрос о религиозных воззрениях ахеменидов. При его анализе следует быть предельно осторожным. Это объясняется тем, что он тесно переплетается с до сих пор дискуссионными вопросами о месте происхождения религии зороастризма, о времени и месте сложения её священной книги – «Авесты», и о времени жизнедеятельности пророка Заратуштры и его родины.

Источниковедческий и историографический анализ религиозных убеждений Ахеменидских царей показал наличие противоречивых гипотез.

Проведенное исследование позволило автору статьи высказать свое предположение о том, что Ахемениды не были истинными приверженцами зороастризма. Религия – это продукт классового общества, и о ней можно говорить лишь в том случае, когда она письменно зафиксирована, является канонизированной и становится государственной, а в остальных случаях следует говорить о религиозных верованиях. Таким образом, религия является обязательным атрибутом государственной власти. В Ахеменидской империи зороастризм не был атрибутом государственной власти и не являл-

ся государственной религией, а большинство Ахеменидских царей были политеистами.

Ключевые слова: Ахемениды, религия, зороастризм, письменные источники, Авеста, погребальный обряд, Кир II Великий, надпись Дария I, надпись Ксеркса I.

РОҶЕЪ БА ҶАҶОНБИНИИ ДИНИИ ШОҶОНИ ҶАҶОМАНИШӢ

Дар ин мақола масъалаи ҷаҳонбинии динии шоҳони Ҷаҳоманишӣ баррасӣ гардидааст. Муаллиф зикр менамояд, ки хангоми таҳлили масъалаи мазкур зарур аст, ки нозукбинона амал кард. Яъне ин ба масъалаи баҳснок, чун макони зуҳурии дини зардуштӣ, макону замони таълифи китоби муқаддаси он – Авесто, ватан ва давраи ҳаёт ва ғайрияти Зардушт вобаста мебошад.

Таҳлили маъхазшиносӣ ва таърихшиносии ҷаҳонбинии шоҳони Ҷаҳоманишӣ фарзияи ба ҳам зидро нишон медиҳад. Муаллифи мақола ба ин назар аст, ки Ҷаҳоманишиҳо пайрави ҳақиқии зардуштия набуданд. Дин – ин маҳсули ҷомеаи табақотӣ мебошад ва оид ба он танҳо дар он вақт ҳарф метавон зад, ки агар он ба таври ҳаттӣ сабт шуда, муқаддас эътироф гардида, давлатӣ эълон гардида бошад, баръакс ҳол метавон танҳо роҷеъ ба эътиқодҳои динӣ суҳан гуфт. Ҳамин тавр, дин яке аз нишонаҳои ҳатмии ҳокимияти давлатӣ мебошад, аммо дар шоҳаншоҳии Ҷаҳоманишиҳо бошад, зардуштия нишони ҳатмии ҳокимияти давлатӣ набуд ва дини давлатӣ ҳам ҳисоб намешуд. Аксари шоҳони Ҷаҳоманишӣ мушрик буданд.

Калидвожаҳо: Ҷаҳоманишиҳо, дин, зардуштия, маъхазҳои ҳаттӣ, Авесто, маросими дафн, Куруши Кабир, катибаҳои Дорон Кабир, катибаҳои Хишоёршоҳи I.

ON THE QUESTION OF THE RELIGIOUS VIEWS OF THE ACHAEMENID KINGS

The religious views of the Achaemenids are considered in this article. When analyzing this issue, you should be extremely careful. This is due to the fact that it is closely intertwined with the still debatable questions about the place of origin of the religion of Zoroastrianism, about the time and place of the compilation of the «Avesta», its holy book, and about the time of the life of the prophet Zarathustra and his homeland.

Source studies and historiographical analysis of the religious beliefs of the Achaemenid kings showed the presence of contradictory hypotheses.

The conducted research allowed the author of the article to make his assumption that the Achaemenids were not adherents of Zoroastrianism. Religion is a product of class society, and it can be spoken about only if it is recorded in writing, is canonized and becomes state, and in other cases it is necessary to talk about religious beliefs. Thus, religion is an obligatory attribute of state power. In the Achaemenid Empire, Zoroastrianism was not an attribute of state power and was not a state religion, and most of the Achaemenid kings were polytheists.

Key words: Achaemenids, religion, Zoroastrianism, written sources, Avesta, funeral rite, Cyrus II the Great, inscription of Darius I, inscription of Xerxes I.

Маълумот дар бораи муаллиф: **Ҳоҷаева Наргис Ҷомиевна** – доктори илмҳои таърих, ходими пешбари илмӣи шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва навини Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониш Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Суроға: Ҷумҳурии Тоҷикистон, 734025, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33. Тел.: (+992) 918 64 91 85; E-mail: rangha@mail.ru

Information about the authors: **Khojaeva Nargis Jomievna** - Doctor of History, Leading Researcher of the Department of Ancient, Mediaeval and New History of the A. Donis Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: Republic of Tajikistan, 734025, Dushanbe, 33 Rudaki, Ave. Tel.: Тел.: (+992) 918 64 91 85; E-mail: rangha@mail.ru

МУНК - ЗАРРОБХОНАИ НАВИ ЗАМОНИ СОМОНИЁН

ШАРИФЗОДА А. Қ.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Яке аз муҳимтарин масъалаҳои таҳқиқи таърихи Сомониён ба ҷаҳлияти сикказанӣ ва коргоҳи сиккабарорӣ – меҳкадаҳо, зарробхонаҳо, сарои дирамҳо ва дирамсароҳо ҳамбастагии зич дорад. Зеро рушд ва танзими ҷаҳлияти сиккахонаҳо пеш аз ҳама аз пешрафти иқтисод ва иқтидори ҳар як давлат дарак медеҳад. Мутаассифона, дар сарчашмаҳои ҳаҷфӣ ва адабиёти илмӣ доир ба ҷиғунагии ҷаҳлияти зарробхонаҳои сомонӣ ва техникаи истеҳсоли сикка иттилои кофӣ мавҷуд нест. То ҷое ба мо маълум аст, машхуртарин олимони сиккашинос, аз ҷумла Д. Х. Френ, П. Савелев, В. Григорев, Тизенхаузен, Марков, Лерх, В. Бартолд, Р. Фасмер, М. Е. Массон, Биков ва Е. А. Давидович бештар ба таври сикказанӣ истеҳсол шудани сиккаҳои сомониро баррасӣ ва таҳқиқ намудаанд. Гузашта аз ин, аз таҳқиқи адабиёти сиккашиносии шуравӣ бармеояд, ки кашф, таҳқиқ ва ҷоп шудани бозёфти нодир - қолаби сиккарезии сомонӣ аз мадди таваҷҷуҳи аксари сиккашиносони шуравӣ ва давраи пасошуравӣ, аз ҷумла олимони Тоҷикистон дур мондааст. Гап сари ин меравад, ки олими машхур ва пажухандаи Афросиёби Самарқанд В. Вяткин соли 1927 дар харобаҳои Афросиёб зарробхонаи Сомониён ва қолаби сиккарезии сомониро кашф ва ҷоп намуда буд (акси 1). Ин дар ҳоле буд, ки аз дигар марказҳои бузургтарини тичоратӣ ва сиккабарории Сомониён – Балх, Бухоро, Чоч, Нишопур ва Муҳаммадия бостоншиносон боқимондаи зарробхонаҳои сомониро кашф накарда буданд. В. Вяткин қолаби мазкурро таҳқиқ намуда, катибаҳои онро хонда, мушаххас намуд, ки ин қолаби дирҳамҳои Самарқанди соли 287 ҳ. қ. Аҳмад ибни Исмоил мебошад [1,75]. Ҷолиб ин буд, ки дар матни қолаби дирҳамҳо вожаи «зуриба» – «зада шуд» мавҷуд буд. Дар умум ин кашфиёти В. Вяткин барои илми сиккашиносӣ чунин арзиш дошт:

1.Кашфи нахустини боқимондаи зарробхонаи сомонӣ дар дунё;

2.Ошкор шудани роҳи дуҷониби истеҳсоли сиккаҳои сомонӣ – сиккарезӣ;

3.Маълум шудани ин, ки вожаи ضرب, яъне «зада шуд» дар сиккаҳои сомонӣ ҳамавақт маънои бо усули сикказанӣ истеҳсол шудани онҳоро надорад.

Акси 1. Қолаби ғачии сиккарезии Сомониён аз Афросиёб.

Аз таҳқиқи сарчашмаҳои форсӣ-тоҷикӣ ва арабии ба мо дастрас бармеояд, ки дар онҳо доир ба ҷуғрофияи сиккахонаҳои Сомониён ва чигунагии танзими ҷаҳлияти онҳо иттилоӣ хеле кам мавҷуд аст. Аз ҷумла Истаҳрии Форсӣ мавҷудияти қонҳои тилло ва нуқраи Илоқро ёдрас шуда, зикр мекунад, ки «ليس و بيماراءالنهر دار ضرب الا بسمرقند و تكتت» [2,333]. Муаллифи «Худуду-л-олам» ду сиккахонаи Сомониён - Андароба ва Болоёнро зикр кардааст. Тибқи иттилоӣ «Худуду-у-олам» нуқраи аз қонҳои Панҷхир ва Чорёна истихроҷшударо ба Андораба оварда, дар зарробхонаи он дирам мезаданд [3,100]. Албатта, ин дар Панҷхир (Панҷшери имрӯза) зарб шудани дирҳамҳои сомониёро истисно намекунад ва дирҳамҳои сомониӣ зарби Панҷхир ҳанӯз дар асри XIX маълум буданд. Ин муаллифи ғумно Болоёнро шаҳрак номида, зарробхонаи онро «сарои дирам задан» зикр мекунад [3,114].

Бояд хотиррасон кард, ки номи ин зарробхона дар сарчашмаҳои ҳаттӣ вобаста ба тарзи гузоштани нуқтаҳо дар ҳарфҳо яқсон навишта намешавад. Дурусти иттилоӣ «Худуду-л-олам»-ро доир ба зарробхонаи Болоён баъзе аз сиккашиносони машҳур қабул надоранд [4, 47]. Муаллифи ин сатрҳо ҳам иброз намуда буд, ки то имрӯз сиккаи зарби Болоён (Ёлопон, Полоён) кашф нашудааст [5,81]. Ибни Ҳавқал дар баҳши «Бинқат»-и боби «Мовароуннаҳр»-и китоби «Сурату-л-арз» доир ба зарробхонаҳои Сомониён, ки ӯ «дору-з-зарб»-ашон меномад, иттилоӣ хеле муҳим додааст. Ӯ дар ин баҳш монанди Истаҳрӣ мавҷудияти қонҳои тилло ва нуқраи Илоқ тавсиф карда, сипас менависад, ки «و بيلاق دار و الصرب للعين و الورق» яъне «Ва дар Илоқ сиккахонае ҳаст, ки сиккаҳои тилло ва нуқра мебарорад ва дар он ҷо пулҳои сершумори ҳарду намуд яқоя гардиш мекунад» [6,418].

Чӣ тавре мебинем, Ибни Ҳавқал дар ин ҷо ба таври мушаххас доир ба сиккаҳои тиллоӣ – عين ва сиккаҳои нуқрагӣ – ورق иттилоъ дода, гардиши ин ду навъи сиккаро низ таъкид намудааст. Дар идомаи ин матлаб мавсуф менависад, ки «ليس و بيماراءالنهر دار الضرب الا ببخارا و سمرقند و ايلاق فقط» «Ва дар Мовароуннаҳр ба ҷуз дар Бухоро ва Самарқанд ва Илоқ сиккахона нест» [6,418].

Дар баъзе нусхаҳои ин асар аввал Самарқанд, сипас Бухоро ва Илоқ зикр шудааст. Дар аввал зоҳиран чунин ба назар мерасад, ки Ибни Ҳавқал бар он таъкид кардааст, ки дар замони Сомониён дар Мовароуннаҳр ҳамагӣ се сиккахона - Самарқанд, Бухоро ва Илоқ вучуд дорад. Ӯ ҳатто зарробхонаи Шошро, ки аз зарробхонаи Бухоро бештар ҷаҳол буд, ном намебарад. Ҳарчанд баррасии муфассали ин иттилоӣ сарчашмаҳои ҳаттӣ аз доираи мавзуи мақолаи мо берун аст, ин ҷо ҳаминаро ёдрас мешавем, ки суҳанони таъкидии Истаҳрӣ ва Ибни Ҳавқал доир ба теъдоди зарробхонаҳои сомониӣ Мовароуннаҳр бар ҳилофи маводи сиккашиносӣ мебошад. Зеро то имрӯз шумори зиёди зарробхонаҳои сомониӣ Мовароуннаҳр кашф шудаанд.

Сомониён дар сикказанӣ на ҳамеша талаботи қонунҳои исломиро риоя менамуданд. Дар баъзе сиккаҳои сомонӣ мисли сиккаҳои тоҳирӣ тасвири шох ба назар мерасад. Баъзе сиккаҳои сомонӣ бо истифода аз нақшҳои эпиграфӣ, наботӣ, ҳандасӣ оро дода мешуданд.

Бояд қайд кард, ки классикони сиккашиносии исломии Аврупо ва Россия (аз О. Тихсен то М. Е. Массон) доир ба зарробхонаҳои сомонӣ асари ҷудогона таълиф накардаанд. Соли 1819 Х. Френ дирҳами сомониӣ зарбхонаи Роштро кашф карда, доир ба ҷуғрофияи Рошт аз сарчашмаҳои ҳаттӣ иқтибоси муфассал

меорад ва тавассути ин доир ба зарробхонаи Рошт иттилои бештар медиҳад. Соли 1821 академик Френ дар феҳристи таҳиякардаи худ зиёда аз 20 зарробхонаи дигари Сомониён – Андароба, Ахсикат, Бадахшон, Балх, Бинкет, Биёр, Бухоро, Марв, Маъдин, Муҳаммадия, Насробод, Нишопур, Панҷхир, Самарқанд, Тағома, Тирмиз, Тункет, Шош, Хуттал, Ҳирот, Фарғона ва Фарохро зикр менамояд.

Соли 1953 асосгузори сиккашиносии Осиёи Миёна М. Е. Массон иттилои Истахрӣ, Ибни Ҳавқал ва муаллифи «Худуду-л-олам»-ро доир ба зарробхонаҳои асрҳои IX-X баррасӣ карда, зарробхонаҳоро бо таъба муомилоти пулии Аббосиён ба се гурӯҳ ё се дараҷа: умумидавлатӣ, минтақавӣ ва шаҳрӣ ҷудо менамояд [4,77].

Аммо ин таҳқиқоти ӯ дар Иттиҳоди Шӯравӣ идома ва такмил дода нашуд. Ба ин нигоҳ накарда, кашфи ганҷинаҳои сиккаҳои сомонӣ имконият дод, ки баъзе зарробхонаҳои номаълуми Сомониёнро олимони шӯравӣ ошкор намоянд. Чунончи соли 1967 аз шаҳри Самарқанд 125 фалси сомонӣ бозёфт мешаванд ва асосгузори сиккашиносии Тоҷикистон Е. А. Давидович дар таркиби ин ганҷина ду фалси зарробхонаи нави Сомониён-Боробро кашф мекунад [7,124]. Тибқи таҳқиқи ӯ ду фалси сомониӣ ин ганҷина соли 310 ҳ.қ./922-23 бо амри Насри II ибни Аҳмад дар Бороб-باراب зарб шуда буд. Дар қисми шарқии Бороб Исфичоб ҷойгир буд, ки онро Нух ибни Асад ибни Сомонхудо соли 225 ҳ.қ./839-40 забт менамояд [8,526]. Бороб ё Пороб ҳамон Фороб аст, ки зодгоҳи Абунасири Форобиро баъзе аз олимони ба он мансуб медонанд. Бороб ва Исфичоб дар сарчашмаҳои замони Сомониён ва баъд аз онҳо зикр шудаанд, ки ин ҷо мо аз баррасии ҷиғунагии он худдорӣ менамоем. Муҳим ин аст, ки дар ду зарробхонаи Сомониён – Бороб ва Исфичоб, ки дар худуди имрӯзаи Қазоқистон ҷойгиранд, сикка мебароварданд.

Академик Н. Неъматов бо иттиқо ба асарҳои М. Е. Массон, Е. А. Давидович ва М. Н. Федоров зарробхонаҳои Сомониёнро ба умумидавлатӣ ва маҳаллӣ ҷудо кардааст [9,98]. Дар китоби академии «Тоҷикон»-и Б. Ғафуров доир ба ғайрияти зарробхонаҳои Сомониён ҳарфе нест [10, 360-363]. Г. Ҷапаридзе зарробхонаи дигари Сомониёнро бо номи Зебақ (Забак) номбар мекунад, ки он дар асарҳои Э. Замбаур ва Г. К. Майлс зикр нашуда буд [11, 81]. Ш. Камолиддинов вобаста ба ҷои таҷовуди шаҳрҳои Суғд ва Тоҳаристон дар таъба ба адабиёти сиккашиносии баъзе зарробхонаҳои Сомониён, аз ҷумла, Самангонро зикр менамояд [12, 316].

Д. Довутов дар ҷилди дуюми «История таджикского народа» (ҷопи соли 1996) шумораи зарробхонаҳои сомониёро 26 адад гуфта, 18-тои онҳоро ба Хуросон мансуб донистааст [13,393]. Дар сурате ки соли 1904 О. Кодрингтон ва соли 1968 Э. Замбаур зиёда аз 40 адад зарробхонаи сомониёро муайян намуда буданд. Аз олимони Эрон Муҳаммад Ночӣ 47 зарробхонаҳои сомониёро дар таъба ба таҳқиқоти Г. К. Майлс ном мебарад [14, 598]. М. Боғбедӣ - олими шуҳрати ҷаҳонидошта зиёда аз 50 адад зарробхонаи сомонӣ, ҳокимони маҳаллӣ ва муддаиёни ҳокимияти давраи Сомониёнро шарҳу эзоҳ дода, акси аксари сиккаҳои ин зарробхонаҳоро ҷоп намудааст [15, 270-461].

Соли 1377 ҳ. ш. дар шаҳри Техрон китоби «Дору-з-зарбҳои исломӣ дар Эрон» ба ҷоп мерасад, ки онро А. Ақилӣ дар асоси асари Э. Замбаур таълиф намуд ва дар он 54 зарробхонаи сомонӣ зикр шудааст. Аз ин шумор зарробхонаҳои сомонӣ ҳамагӣ чортоаш - Андичароғ, Хуттал, Хучанд ва Усрушана дар Тоҷикистон ҷойгир буданд. Ҳарчанд Д. Довудӣ дар Вахш сикка задани Сомониёнро инкор мекунад, аммо соли 2016 боз як зарробхонаи нави Сомониён - Вахш аз Ганҷинаи

Кӯлоб кашф шуд [16,180]. Сиккашиносони рус В. Кулешов ва В. Калинин соли 2017 аз фонди нумизмати Эрмитажи давлатии Русия зарробхонаи нави Сомониён-Қуводиёно (قواديان) кашф карданд [17, 59]. Мутаассифона, ин ду олими Русия ба сиркат роҳ дода, аз ҷониби муаллифи ин сатрҳо дар Тоҷикистон кашф шудани дирҳамҳои сомони Вахш ва Суғдро зикр накарданд [17,60]. Соли 2022 дар Русия китоби «Каталог саманидских дирхамов 279-394 гг.х.» ба ҷоп мерасад. Муаллифони А. Колосов ва А. Калинин дар ин асарашон дирҳамҳои 36 зарробхонаи Сомониён, аз ҷумла дирҳамҳои Вахш ва Суғдро дар асоси дастовардҳои сиккашиносии Тоҷикистон зикр намуданд [18, XXII-XXV]. Аммо акси дирҳамҳои зарробхонаи Вахш ва Суғд, ки барои сиккашиносӣ муҳим мебошанд, дар ин асар ҷоп нашуданд. Акси дирҳамҳои сомони зарробхонаи Вахш бори аввал соли 2017 ва дирҳамҳои сомони зарробхонаи Суғд соли 2019 дар Тоҷикистон рӯйи ҷопро дида буданд [19, 223-259].

Боиси таъкид аст, ки зарробхонаи сомони Суғд то ин вақт маълум буд, аммо бори аввал акси дирҳамҳои сомони Суғд дар Тоҷикистон ҷоп мешавад, ки ин барои сиккашиносӣ хеле муҳим мебошад. Дар умум, дар натиҷаи омӯзиши адабиёти илмӣ ва маводи нумизмати то соли 2023 ба-дастомада аз ҷониби муаллифи ин сатрҳо номгӯи 71 зарробхонаи Сомониён ба таври зерин таҳия шуд:

ЗАРРОБХОНАҲОИ СОМОНИЁН							
№	Зарробхона		Зарробхона		Зарробхона	№	Зарробхона
1	Андароба	9	Зомин	7	Насробод	55	Фаргона
2	Андичароғ	0	Исбичоб	8	Нишопур	56	Фарин
3	Аскар	1	Карҷ	9	Омӯл	57	Фарох
4	Аскарӣ Панҷхир	2	Қуводиён	0	Панҷхир	58	Форс
5	Астаробод	3	Қазвин	1	Пороб (Бороб)	59	Хучанд
6	Ахсикат	4	Қаристон	2	Рошт	60	Хуст
7	Бадахшон	5	Қуббо	3	Сағониён	61	Хуттал
8	Балад	6	Қум	4	Самарқанд	62	Хатлон
9	Балх	7	Марв	5	Сародиқи Кишм	63	Ҳамадон
10	Биёр	8	Марғенон	6	Самангон	64	Фарвон
11	Бинкат	9	Маъдин	7	Сова	65	Хирот
12	Бомӣён	0	Маъдини Панҷхир	8	Суғд	66	Ҷирм (Ҷурм)
13	Бурҷи Қишм	1	Маъдини Суғд	9	Тағома	67	Ҷарёб Ҷарёба
14	Бухоро	2	Маъдини Ҷарбия	0	Тирмиз	68	Ҷурҷония
15	Вахш	3	Маъдини Шош	1	Тойикон	69	Шероз
16	Ғазна	4	Маъдини Хуттал	2	Тункат	70	Шош
17	Ғарҷистон	5	Моҳу-л-Басра	3	Узғанд	71	Ҷумгон
18	Гургон	6	Навқати Илоқ	4	Усрушана		

Аз 71 зарробхонаи дар ҷадвали боло зикршуда, 10-тои он: Андичароғ, Вахш, Қабодиён, Маъдини Хуттал, Зомин, Рошт, Хатлон, Хуттал, Хучанд ва Усрушана дар ҳудуди Тоҷикистон ҷойгир мебошанд. Аз 10 зарробхонаи дар боло зикршуда 6 - тоаш дар вилояти Хатлон мавҷуд буданд ва маълум аст, ки Хатлон яке аз вилоятҳои рушднамуда бо теъдоди зиёди шаҳрҳо дар замони Сомониён буд. Яке аз он шаҳрҳои машҳури Хатлон Мунк мебошад. Дар сарчашмаҳои ҳаттӣ доир ба Мунк иттилои гуногун мавҷуд аст. Ин ҷо ҳаминро ёдрас мешавем, ки Мункро муаллифони асри X дар Мовароуннаҳр ҷо намуда, онро шаҳрак гуфта, аммо зикр карданд, ки Мунк аз пойтахти Хатлон-Хулбук бузургтар мебошад. Вобаста ба ин чунин савол ба вуҷуд меояд, ки шаҳри Мунк дар қучо ҷойгир буд? Оё Мунк умуман зарробхона дошт ва сиккаҳои сомони Мунк то имрӯз кашф шуданд ё не? Масъалаи яқум дар нимаи аввали асри XX ҳалли ҳудро меёбад. То ин вақт

чойгиршавии шаҳри Мункро В. Томашек [20,128], В. Бартолд [21,555] ва Б. Фафуров [10,307] ба иштибоҳ Балчувон донистанд. Аммо А. М. Беленитский соли 1946 дар асоси таҳқиқи сарчашмаҳои хаттӣ, пажӯҳиши топонимӣ ва ҳафриёти бостоншиносӣ муайян кард, ки боқимондаҳои шаҳри Мунк на дар Балчувон, балки дар ноҳияи Ховалинг чойгир аст [20,128-129]. Шоистаи таъкид аст, ки касе бехтар аз А. Беленитский ҷуғрофияи таърихии Хатлонро таҳқиқ накардааст [22,109-127]. Мавсуф дар соҳили дарёи Оби Мазор, дар наздикии маркази ноҳияи Ховалинг (деҳаҳои Хонақоҳ ва Шаҳри Минг) боқимондаҳои шаҳри Мункро кашф ва таҳқиқ менамояд ва таъкид мекунад, ки дар Балчувон харобаҳои чунин шаҳр мавҷуд нест. А. Беленитский исбот намуд, ки дар ҳақиқат Мунк яке аз шаҳрҳои мутараққии замони Сомониён будааст.

Масъалаи дуюм, яъне зарробхонаи сомонӣ доштан ё надоштани Мунк то кунун ҳалли худро наёфтааст ва то имрӯз аз байни садҳо ҳазор сиккаҳои сомонӣ сиккаи зарби Мунк бо зикри амири Сомонӣ кашф нашудааст. Аз ин ҷост, ки мо дар ҷадвали боло дар байни 71 зарробхонаи замони Сомониён Мункро зикр накардем. Аммо як ҳодисаи аҷиб, ки дар Олмон ба вуқӯъ омад, ин вазъро тағйир дод. Гап сари ин аст, ки дар охири соли 2022 фонди Пеллинг (Pelling-Zarnitz-Stiftung) ба Маркази таҳқиқоти сиккашиносии исломии Донишгоҳи Тюбингени Олмон (Forschungsstelle für Islamische Numismatik der Universität Tübingen) 36 сиккаро ҳамчун амонати абадӣ месупорад. Маркази мазкур дар бахши сомонаи электрониаш, ки «Сиккаи моҳ» ном дорад, январӣ соли 2023 акси ду тарафи як дирҳамро бо шарҳи он, аммо бе овардани матни катибаҳо ва тарҷумаи онҳо ҷоп менамояд. Муаллифи матни тавзеҳотӣ низ дар сомона зикр нашудааст. Бо истифода аз ду акси сомонаи мазкур катибаҳои сиккаи мазкурро баррасӣ менамоем (аксҳои 2 ва 3). Дар маркази рӯи сикка “*لا اله الا الله وحده لا شريك له. الحارث بن*” (Нест худое ба ҷуз Аллоҳ, ягона аст ӯ ва нест ҳамсоне ӯро. Ҳорис ибни Асад), дар ҳошияи он “*بسم الله ضرب هذا الدرهم بمكة اربع و ثمنين وما تين*” (Ба номи Аллоҳ зада шуд ин дирҳам дар Мунк (соли дусаду ҳаштоду чор).

Тибқи мазмуни катибаҳо ин дирҳам соли 284 ҳ.қ./897-898 бо амри Ҳорис ибни Асад дар зарробхонаи Мунк бароварда шудааст. Дар маркази тарафи дигари дирҳам “*محمد رسول الله المعتمد بالله*” (Муҳаммад фиристодаи худост. Ал-Муътазид биллоҳ) ва дар ҳошияи он матни мазмуни динӣ дошта мавҷуд мебошад. Катибаҳои ин дирҳам чанд вижагӣ дорад. Якум, бахше аз ҳарфҳо ва вожаҳо суда ва нохоно шуданд, ки онҳо аз рӯйи матни катибаҳои дигар барқарор шуданд. Дуюм, дар катибаи ҳошияи рӯи сикка маъмулан пеш аз рақамҳо вожаи “*سنة*” ва дар аввали катибаи маркази пушти сиккаҳо вожаи “*الله*” (лиллоҳ) навишта мешуд, аммо ин вожаҳо дар катибаи сиккаи мазкур навишта нашудаанд. Сеюм, дар ин дирҳам халифаи Аббосӣ - ал-Муътазид биллоҳ зикр шудааст, аммо номи ҳеҷ яке аз амирони Сомонӣ мавҷуд нест.

Ҳорис ибни Асад кӣ буд, ки номаш дар дирҳами Мунки Хатлон зикр шудааст? Ҳанӯз дар асри XIX дар асоси иттилои сарчашмаҳои хаттӣ ва сиккаҳо муайян шуда буд, ки Ҳорис ибни Асад ибни Бик намояндаи сулолаи бумии Баниҷуриёни Хатлон мебошад. Дар осори баъзе олимони хориҷ ва дохил ин хонадон, ки ҳанӯз пеш аз ҳучуми аъроб дар Хатлон ва атрофи он ҳукмронӣ мекарданд, турк зикр шудаанд, ки ин мавзӯ албатта, баҳси ҷудогонаро тақозо менамояд. Ба ҳар ҳол турк хондани Баниҷуриён, ки номи ин хонадон дар сарчашмаҳои хаттӣ ба шаклҳои гуногун вомерхӯрад, асоси илмӣ надорад.

Акнун бармегардем ба баҳси дирҳами Мунк. Дар ин дирҳам номи ҳокими Хатлон Ҳорис ибни Асад ва халифаи Аббосӣ ал-Муътазид зикр ёфтааст. Дирҳами мазкур зарби соли 284 ҳ.к. мебошад ва дар ин сол Исмоил ибни Аҳмади Сомонӣ амири Мовароуннаҳр буд. Вале номи ӯ дар дирҳами Мунк навишта нашудааст. Ба назар мерасад, ки дар соли 897/98 Мунк берун аз тобеияти Сомониён қарор дошт ва Ҳорис ибни Асад онро мустақилона идора менамуд. Аммо ин мустақилияти Хатлон тибқи маълумоти дирҳамҳои сомонӣ дер давом намекунад. Чунончи Д. Довутов, ки рисолаи докториаш ба мавзӯи муомилоти пулии Хатлон бахшида шуда буд, дар асоси таҳқиқоти Респлинг ба чунин хулоса меояд, ки Хатлон соли 292/905-906 аз ҷониби Исмоил ибни Аҳмад ба қаламрави Сомониён ҳамроҳ карда мешавад. Баъди ин ҳам Ҳорис ибни Асад чун ҳокими ниммустақили Хатлон дар тобеияти Сомониён боқӣ мемонад. Акнун Баниҷуриён Хатлонро аз номи Сомониён идора карда, дар сиккаҳояшон номи амири Сомониро зарб мекарданд ва хутбаро ҳам ба номи Сомониён меҳонданд, ки ин ду далели муътамади ба Сомониён расман тобеъ шудани ҳокимони Хатлонро дорад. Чунончи соли 2015 аз Тоҷикистон дирҳамҳои зарби Хуттал ва Вахш бо зикри амири Сомонӣ ва ҳокимони маҳаллӣ - Ҳорис ибни Асад ва Ҷаъфар ибни Аҳмад гуфтаи болоро тасдиқ менамояд.

Аммо то имрӯз сиккаи сомониӣ зарби Мунк ба даст наомадааст ва маълум нест, ки зарробхонаи Мунк баъди аз тарафи Сомониён забт шудани Хатлон ғайбӣ мекард ё не. Дар ҳоли ҳозир ҳаминро гуфта метавонем, ки бо кашфи ин дирҳами тавсифшуда дар ҷаҳон зарробхонаи нави Хатлон - зарробхонаи Мунк маълум мешавад, ки он дар асри IX, аниқтараш то соли 284 ҳ. к/898 дирҳам мебаровард ва ин аз иқтидори иқтисодии Хатлон ва ҳокимияти сиёсии Баниҷуриён гувоҳӣ медиҳад.

Акси 2. Аверси дирҳами Мунк.

Акси 3. Реверси дирҳами Мунк.

АДАБИЁТ

1. Вяткин В. Матрица и штамп из Самарканда//Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы – Ташкент, В. I, 1926. С. 71-76.
2. Абӯисҳоқ Иброҳим ибни Муҳаммад ал-Форсӣ ал-Истаҳрӣ алмаъруф би -л-Кархӣ. Масолику-л-мамолик – Лидн, 1927 – 348 с.
3. Худуду-л-олам мина-л-машрик ила-л-мағриб/Бо кӯшиши Манучехри Сутуда. - Техрон, 1983. - 252 с.
4. Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк, – Ташкент, 1953. – 143 с.
5. Шарифзода А. Инъикоси сикказанӣ ва муомилоти пулии Давлати Сомониён дар сарчашмаҳои ҳатти арабӣ ва форсӣ-тоҷикӣ//Муаррих-Душанбе, №1(22), 2022. - С. 69-88.
6. Абӯлқосим ибни Ҳавқал ан-Нусайбӣ. Сурату-л-арз. - Бейрут: Дору-л-мактабату-л-хаёт, 1997, - 432 с.
7. Давидович Е. А. Бараб - новый среднеазиатский монетный двор Саманидов и Ануштегиннов//Письменные памятники Востока – Москва, 1972. - С. 124-129.
8. Бартольд В. В. Фараб//Сочинения. Работы по исторической географии – Москва, Т. III, 1965. С. 125-126.
9. Неъматов Н. Давлати Сомониён//Тарҷумаи А. Валиев. - Душанбе, 1989. -304 с.

10. Гафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, - Москва, 1972. - 425 с.
11. Джапаридзе Г. Новые добавления к работе Э. Цамбаура «Die Münzprägungen Des Islams»// Эпиграфика Востока – Ленинград, 1984, - с. 80-83.
12. Камалиддинов Ш. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX- начала XIII вв. –Ташкент, 1996, – 534 с.
13. Довутов Д. Торговля и денежное обращение//История таджикского народа – Душанбе, Т. II, 1999. С. 384-397.
14. Ночӣ М. Фарҳанг ва тамаддуни исломӣ дар қаламрави Сомониён/ Баргардони Л. Бойматов – Душанбе, 2011. – 1295 с.
15. Бобедӣ М. Сиккаҳои Эрон дар давраи исломӣ. Аз оғоз то баромадани Салҷуқиён. – Техрон, 1397 – 745 с.
16. Шарифзода А. К. Новый монетный двор Саманидов//Ахбори Осорхонаи миллии Тоҷикистон – Душанбе, №2, 2017. С. 176-180.
17. Кулешев В., Калинин В. Новое в типологии саманидских дирхамов первого хронологического этапа//Девятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 18-22 апреля 2017 г. Тезисы докладов и сообщений, – Москва, 2017. - 275 с.
18. Kolosov F., A. Kalinin. Catalogue of samanid dirhams – St. Petersburg-Moscow, 2022 – 446 p.
19. Шарифзода А. Ганчинаи Кӯлоб, – Душанбе, 2019, – 648 с.
20. Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г//Материалы и исследования по археологии СССР – Москва, Ленинград, №15, 1950. С. 129-139.
21. Бартольд В. В. Хутталъ//Сочинения. Работы по исторической географии – Москва, Т. III, 1965. С. 555-557.
22. Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталъ с древнейших времен до X в. н.э.//Материалы и исследования по археологии СССР – Москва, Ленинград, №15, 1950. С. 109-127.

МУНК - ЗАРРОБХОНАИ НАВИ ЗАМОНИ СОМОНИЁН

Мақолаи мазкур ба ғавҷи зарробхонаҳои Сомониён ва кашфи зарробхонаи нави асри X бахшида шудааст. Муаллиф дар натиҷаи таҳқиқи сарчашмаҳои хаттии арабӣ ва форсӣ, адабиёти илмӣ, сомонаҳои илмӣ интернетӣ ва сиккаҳои номгуӣи комили зарробхонаҳои Сомониёнро таҳия намудааст. Ба муаллиф муяссар шудааст, ки 71 зарробхонаи сомониёро муайян намояд. Аммо ин микдори ниҳони зарробхонаҳои сомонӣ нест ва дар оянда кашф шудани зарробхонаҳои нави Сомониён имконпазир аст. Дар зарробхонаҳои сомонӣ динор, дирҳам ва фалс зарб мешуд. Сомониён дар сикказанӣ на ҳамеша талаботи қонунҳои исломиро риоя менамуданд. Дар баъзе сиккаҳои сомонӣ мисли сиккаҳои тоҳирӣ тасвири шох ба назар мерасад. Баъзе сиккаҳои сомонӣ бо истифода аз нақшҳои эпиграфӣ, наботӣ, ҳандасӣ оро дода мешуданд. Зарробхонаҳои сомониёро ба умумидавлатӣ, минтақавӣ ва шахрӣ чудо намудан мумкин аст.

Дар ҷамъоварӣ ва таҳқиқи сиккаҳои сомонӣ марказҳои илмӣ аврупоӣ нақша нагарасанд. Дар охири соли 2022 фонди Пеллинг (Pelling-Zarnitz-Stiftung) ба Маркази таҳқиқоти сиккашиносии исломӣ Донишгоҳи Тюбингени Олмон (Forschungsstelle für Islamische Numismatik der Universität Tübingen) 36 сиккаро ҳамчун амонати абодӣ месупорад. Акси ду тарафи ин сикка бо матни тавзеҳотӣ дар сомонаи ин марказ ҷой мешавад. Муаллифи ин мақола маводи мазкурро таҳқиқ карда, катибаҳои арабии онро хонда, тарҷума кардааст. Сиккаи мазкур соли 284 ҳ.к./898 дар Мунк, ки яке аз шахрҳои тараққикардаи Хатлон мебошад, зарб шудааст. Зарробхонаи Мунк то соли 2023 дар ҷаҳон маълум набуд. Зарробхонаи Мунк ҳамзамони Сомониён аст, аммо ёро сомонӣ гуфтан дуруст нест. Зеро дар матни он амири Сомонӣ зикр нашудааст ва дар ин сол Хатлон ҳанӯз аз ҷониби Сомониён забт нашуда буд. Аз ин маълум мешавад, ки то Мункро забт кардани Сомониён дар он ҷо зарробхонаи алоҳида сиккаҳои маҳаллӣ мебаровард. Дар Олмон кашф шудани сиккаи Мунк, агар дар ҳақиқат аз Аврупо ёфт шуда бошад, маънои онро дорад, ки Мунки Хатлон дар тичорати хориҷӣ ғавҷи навишро менамуд.

Калидвожаҳо: Сомониён, Ганчинаи Кӯлоб, сикказанӣ, сиккарезӣ, динор, дирам, фалс, зарробхонаҳо, таснифи зарробхонаҳо, Андароба, Андичароғ, Балх, Вахш, Илок, Нишопур, Бухоро, Самарқанд, Сугд, Хатлон, зарробхонаи нав, Мунк, Баниҷуриён, Ҳорис ибни Асад, Исмоил ибни Аҳмад, фонди Пеллинг, Донишгоҳи Тюбингени Олмон, Д. Х. Френ, М. Е. Массон, Е. А. Давидович, М. Бобедӣ, А. Ақилӣ.

МУНК - НОВЫЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР ЭПОХИ САМАНИДОВ

Данная статья посвящена деятельности монетных дворов саманидского периода. В результате исследования арабских и персидских письменных источников, научной литературы, научных

интернет-сайтов и монет автором составлен полный список монетных дворов Саманидов. Автору удалось определить 71 саманидских монетных дворов, но он считает что это не окончательное количество саманидских монетных дворов. В будущем возможно открытие новых монетных дворов этого государства. Монетные дворы Саманидов чеканили динары, дирхемы и фелсы. Саманиды не всегда следовали требованиям исламских законов при чеканке монет. Некоторые монеты Саманидов, подобно монетам Тахиридов, имеют изображение царя-амира, другие были украшены эпиграфическим, растительным и геометрическим орнаментом. Саманидские монетные дворы можно разделить на общегосударственные, региональные и городские.

Европейские научные центры играют значительную роль в сборе и исследовании саманидских монет. В конце 2022 года фонд Pelling-Zarnitz-Stiftung передал 36 монет Исламскому нумизматическому исследовательскому центру Тюбингенского университета в Германии (Forschungsstelle für Islamic Numismatik der Universität Tübingen) в качестве постоянного займа. Из этих монет фотографии одной монеты с пояснительным текстом была размещена на сайте этого центра.

Автор этой статьи исследовал этот материал, прочитал и перевел его арабские надписи. Эта монета была отчеканена в 284 хиджри/898 г. в Мунке, который был одним из развитых городов Хатлонской области. Монетный двор Мунка не был известен миру до 2023 года. Этот монетный двор нельзя назвать саманидским, потому что в тексте его монет не упоминается саманидский эмир. В этом году (284 х.) Хатлон еще не был завоеван Саманидами. Отсюда следует, что до завоевания Мунка саманидами там чеканились местные монеты, и монетный двор Мунка действовал независимо от них. Обнаруженная монета Мунка в Германии, если она действительно была обнаружена в Европе, свидетельствует о том, что Мунк активно участвовал во внешней торговле.

Ключевые слова: Саманиды, Кулябский клад, монетное дело, динар, дирхам, фалс, классификация монетных дворов, Андароба, Андичарог, Балх, Вахш, Илак, Нишапур, Бухара, Самарканд, Согд, Хатлон, новый монетный двор, Мунк, Баниджуриди, Хорис ибн Асад, Исмаил ибн Ахмад, Фонд Пеллинга, Тюбингенский университет, Германия, Д. Х. Фрэн, М. Е. Массон, Е. А. Давидович, М. Богбеди, А. Акили.

MUNK – THE NEW MINT OF THE SAMANIDS ERA

This article is devoted to the activities of mints Samanids era. As a result of the study of arabic and persian written sources, scientific literature, scientific Internet sites and coins, the author compiled a complete list of Samanid mints. The author managed to identify 71 Samanid mints, but he believes that this is not the final number of Samanid mints. In the future, it is possible to open new mints of this state. Mints of the Samanids minted dinars, dirhams and falses. The Samanids did not always follow the requirements of Islamic laws when minting coins. Some coins of the Samanids, like the coins of the Tahirids, have the image of the king-amir, others were decorated with epigraphic, floral and geometric ornaments. Samanid mints can be divided into national, regional and city. European research centers play a significant role in the collection and study of Samanid coins. At the end of 2022, the Pelling-Zarnitz-Stiftung Foundation donated 36 coins to the Islamic Numismatic Research Center of the University of Tübingen in Germany (Forschungsstelle für Islamic Numismatik der Universität Tübingen) as a permanent loan. Of these coins, photographs of one coin with explanatory text was posted on the website of this center. The author of this article researched this material, read and translated its arabic inscriptions. This coin was minted in 284/898 in Munk, which was one of the developed cities of Khatlon region. The Munk mint was not known to the world until 2023. This coinage cannot be called Samanid, because the text of its coins does not mention the Samanid emir. This year (284) Khatlon has not yet been conquered by the Samanids. It follows that before the conquest of Munk by the Samanids, local coins were minted there and Munk's mint operated independently of them. The discovered coin of Munk in Germany, if indeed it was found in Europe, is evidence that Munk was actively involved in foreign trade.

Key words: Samanids, Kulob hoard, coinage, dinar, diram, fals, mints, classification of mints, Andaroba, Andicharog, Balkh, Vakhsh, Iloq, Nishapur, Bukhoro, Samarqand, Sogd, Khatlon, new mint, Munk, Banijurids, Horis ibn Asad, Ismoil ibn Ahmad, Pelling Foundation, University of Tübingen, Germany, D. Fran, M.E. Masson, E.A. Davidovich, M. Boghbedi, A. Aqili.

Сведения об авторе: Абдували Шарифзода – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ. Tel.: 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

Information about the author: Abduvali Sharifzoda-Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of Science and Technology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences. Tel.: 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

УДК - 02 (575. 3) (09)

АЗ ТАЪРИХИ ТАЪСИС ВА ФАЪОЛИЯТИ КИТОБХОНАИ МАРКАЗИИ ИЛМИИ АИ ҶШС ТОҶИКИСТОН

АБУЛҶАЕВ Р. А., БЕРДИЗОДА Ё. А.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Аз рӯзҳои аввали таъсиси Ҳукумати Шӯравӣ фармону қарорҳо оид ба ташкили муассисаҳои таълимӣ, фарҳангӣ - фароғатӣ қабул гардиданд, ки китобхонаҳо ҳамчун маркази ғирдоварӣ, ниғаҳдорӣ ва тарғиби мавод шинохта шуда, ба яке аз василаҳои муҳимми тарғиботи сиёсати давлатӣ ва ҳизбӣ мубаддал гардиданд [2, 86].

Бо табиқ додани ҷумҳурии худмӯхтор ба Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон, ба инкишофи соҳаи китобдорӣ таваҷҷуҳи махсус дода шуд. Барои рушди соҳаи фарҳанг маблағгузориҳо нисбатан зиёд гардида, ҳамзамон ҷиҳати омодакунии кадрҳо ҷораҳои зарурӣ андешида шуданд. Дар аввали солҳои 30-юм бо аз байн рафтани маҳви бесаводӣ, рушди соҳаи маориф, афзоиши мактабҳо, курсҳо, техникумҳо ва баъдтар донишқадаҳо, талабот ба китоб зиёд гардид. Барои қонеъ гардонидани талаботи муштариён соли 1930 дар назди Хонаи Аскарӣ Сурх китобхонаи фундаменталӣ, дар шаҳри Кӯлоб бошад, китобхонаи шаҳрӣ таъсис дода шуд [6, 210].

Агар соли 1929 дар Тоҷикистон ҳамагӣ 11 китобхона фаъолият мекард, то охири панҷсолаи аввал шумораи онҳо ба 119 адад расид ва фонди онҳоро 107 ҳазор нусха китоб ташкил меод [20, 372].

Дар қатори китобхонаҳои оммавӣ, ки дар шаҳрҳо ва маркази ноҳияҳо ташкил шуда буданд, таъсиси китобхонаҳои махсус оғоз гардиданд, аз ҷумла, дар назди Институти гидрометеорологӣ, Институти давлатии илмӣ-таҳқиқотии саноат, Институти илмӣ-таҳқиқотии роҳсозӣ ҳамчунин дар назди Комитети халқии тандурустии ҷумҳурӣ китобхонаи махсуси тиббӣ таъсис дода шуданд. Яке аз дастовардҳои бузург дар инкишофи фаъолияти китобдорӣ дар Тоҷикистон ин моҳи январӣ соли 1933 кушодашавии Китобхонаи давлатии оммавӣ ба номи Абулқосим Фирдавӣ дар шаҳри Сталинобод буд. Китобхонаи мазкур соли 1934 аз рӯйи ҳисоб китобхонаи даҳуми мамлакат маҳсуб меёфт, ки дорои ҳуқуқи ғирандаи нусхаи ройғони ҳатмӣ китоб буд. Дар вақти кушодашавӣ фонди китобхонаро 18 873 нусха китоб ташкил меод [6, 210].

Таъсиси Пойгоҳи Академияи илмҳои ИҶШС ҳодисаи муҳимме дар ҳаёти фарҳангии халқи тоҷик маҳсуб меёфт. Экспедитсияҳои гуногун дар тӯли солҳо дурномаи рушди илм дар Тоҷикистонро ба таври ҷузъӣ таҳқиқ намуда, 3 ноябри соли 1932 қарори Ҳукумат оид ба таъсиси Пойгоҳи АИ ИҶШС дар Тоҷикистон қабул гардид, ки дар ҳаёти он якчанд секторҳо шомил гардиданд, аз ҷумла, китобхонаи илмӣ низ [4].

Худи ҳамон сол баробари ташкил гардидани Пойгоҳи тоҷикистони Академияи илмҳои ИҶШС қорҳои омодагӣ ба ҷамъоварии адабиёт барои китобхонаи илмӣ оянда шурӯъ гардид.

Соли 1932 Китобхонаи илмӣ Пойгоҳи тоҷикистони Академияи илмҳои ИҶШС ба ташкили фонди китобӣ оғоз кард. Фонди он аз ҳисоби ҳадяҳои олимон, муассисаҳои илмӣ мамлакат ва интиқоли китоб аз китобхонаи Пойгоҳи таҷрибавӣ ҷангали Ленинобод ғирдоварӣ мешуданд [16, 35].

Яке аз муҳаққиқон ва собиқ директори Китобхонаи марказии илмӣ

Академияи илмҳои ҶШС Тоҷикистон, номзади илмҳои таърих З. М. Шевченко доир ба таъсиси китобхонаи илмӣи Пойгоҳи тоҷикистониي АИ ИҶШС дар мақолааш таҳти унвони «Китобхонаи илмӣи ҷумҳурӣ» чунин иброз доштааст: «... Аввалин китобхонаи илмӣи ҷумҳурӣ – китобхонаи Пойгоҳи Тоҷикистониي Академияи илмҳои ИҶШС буд. Аз он замоне, ки дастаи хурди китобҳо дар як ҷевони сектори биология (мудираш М. И. Запрягаева, номзади илмҳои биологӣ) нигоҳ дошта мешуд, 28 сол гузашт. Ин ибтидои ташкилҳои китобхонаи илмӣ буд. Таърихи ташкилҳои китобхонаи марказии илмӣ ҳамчун яке аз нахустин озмоишгоҳҳои илмӣи ёрирасон бо ташкилҳои Пойгоҳи тоҷикистониي Академияи илмҳои ИҶШС алоқаманд аст» [13].

Инчунин доир ба санаи дақиқи фаъолияти расмӣи китобхонаи илмӣ ӯ чунин зикр мекунад: «...Баъди корҳои омодаسازی, китобхона соли 1933 ба кор оғоз намуд. Ҳамин солро мо соли таваллудаш эътироф менамоем» [4].

27 апрели соли 1933 китобхонаи илмӣ ба кор шуруъ кард. Ташаккули фонди китобхона аз тухфаҳои як зумра олимоне, ки дар он солҳо дар Тоҷикистон фаъолият доштанд, оғоз ёфт. Фонди ибтидоии он аз тухфаҳои олимони Б. А. Федченко, Е. Н. Павловский, П. А. Баранов ва дигарон иборат буд. Дар маҷлиси Шурои олимони Пойгоҳи Академияи илмҳои ИҶШС қарор қабул гардид, ки барои фонди китобхонаи илмӣ 5 ҳазор рубл ҷудо карда шавад [14, 61].

То охири соли 1933 дар фонди китобхона 2133 нусха асарҳои ҷопӣ мавҷуд буданд. Аммо бинобар сабаби набудани бино ва воситаҳои пур кардани фонди китобхона ба коллективи илмӣ бо адабиёти зарурӣ хизмат расонидан душвор буд [19, 193].

Дар қарори Комиссияи марказии интиҳоботӣ аз 2 марти соли 1934 «Дар бораи фаъолияти китобдорӣ дар ИҶШС» [7, 109] барои боз ҳам беҳтар намудани кори китобхонаҳо ва ҳамзамон омода кардани кадрҳои зарурӣ, тадбирҳои мушаххас андешида шуданд. Комиссияи марказии интиҳоботӣ роҳбарии китобхонаҳоро ба зиммаи аъзои Комиссариати халқии маориф вогузор кард. Бо мақсади баҳисобгирии ягона қарор дода шуд, ки барӯйхатгирии умумииттифоқии китобхонаҳо гузаронда шавад [6, 210].

Дар натиҷаи барӯйхатгирӣ, ки моҳи октябри соли 1934 гузаронида шуд, дар ҷумҳурӣ 325 китобхонаи нави гуногун бо захираи 506,3 ҳазор нусха ба ҳисоб гирифта шуданд [3, 138].

Барӯйхатгирӣ муайян намуд, ки захираи китоб дар байни шахру деҳаҳо нобаробар тақсим шудааст. Қисми зиёди китобхонаҳо танҳо дар шаҳракҳо ва маркази ноҳияҳо ҷойгир буданд. Ҳамаи ин камбудихоро ба инобат гирифта, Кумитаи Марказии Ҳизби Коммунистии Тоҷикистон 14 июни соли 1934 қарор «Дар бораи васеъкунии шабакаи китобхонаҳо ва беҳтарнамоии ташкили фаъолияти китобдорӣ дар Тоҷикистон»-ро қабул намуд [6, 210].

Соли 1934 барои китобхонаи илмӣи пойгоҳ як ҳуҷрае бо масоҳати 7 метри мураббаъ ва инчунин 2760 рубл барои харидани адабиёт ҷудо гардид [19, 193]. Худи ҳамон сол як воҳиди штатии китобдор таъсис дода шуд [18, 12].

Аввалин китобхонае, ки ба фонди китобхона ворид гардиданд, ин 200 ҷилд китобҳои илмӣе буданд, ки аз ҷониби профессор А. Федченко ҳамчун ҳадя ба китобхона тақдим шуданд. З. М. Шевченко дар хусуси ташкили фонди китобхонаи илмӣи Пойгоҳи Тоҷикистониي АИ ИҶШС чунин изҳор менамояд: «... Дар солҳои аввалини мавҷудияти ин китобхона фонди китобии он аз ҳисоби асархонае, ки академикҳо В. Л. Комаров ва Е. Н. Павловский ба мо ҳадя намуданд, пур

карда шуд. То соли 1936 фонди китобхона зиёда аз 6 ҳазор нусхаро ташкил мекард» [17].

Таъсисёбии китобхонаи илмӣ Пойгоҳи тоҷикистони АИ ИҶШС-ро академик Е. Н. Павловский чунин шарҳ медиҳад: «Дар соли аввали таъсисёбиаш (1932) Пойгоҳи тоҷикистони АИ ИҶШС ҳатто як китобхонаи хурд ҳам надошт. Танҳо соли 1933 аз ҳисоби нусхаҳои ҳатмӣ воридшаванда китобхонаи илмӣ пойгоҳ таъсис дода шуд. То охири соли 1933 фонди китобхонаро 2133 нусха китоб ташкил меод. Дар ҳолати набудани бино ва сармоя барои таҷҳизонидани китобхона тибқи нақшаи пешбинигардида, қонеъ гардонидани талаботи коллективи илмӣ ғайриимкон буд. Чунин ҳолат солҳо боз тӯл кашид, то соли 1938 ба афзоиши фонди китобӣ ва маблағгузорӣ нигоҳ накарда, китобхона наметавонист бинобар сабаби набудани бинои алоҳида фаолияти худро пеш барад. Ин ҳолат Пойгоҳи тоҷикистони АИ ИҶШС-ро водор намуд, ки барои коркарди маводи илмӣ бо китобхонаҳои марказии дигар институтҳои АИ ИҶШС ҳамкорӣ намояд» [11, 39].

Мавсуф аз ҷумла чунин зикр мекунад, ки «то соли 1938 Пойгоҳи тоҷикистони АИ ИҶШС бинои хусусӣ худро надошт ва дар се-чор ҳуҷраҳои на он қадар бузург, аввал дар бинои Китобхонаи давлатии оммавӣ, баъдан дар Институти маводи сохтмони маҳаллӣ ҷойгир буд.

Дар бинои танги пойгоҳ қисми маъмурӣ - молиявӣ, китобхонаи илмӣ ва ҳербориум бо як душворӣ меғунҷиданд. Танҳо соли 1938 бо кӯчидани пойгоҳ ба бинои муқарраршудаи хусусияш, китобхона бо ҳуҷраи алоҳида таъмин гардид ва фаъолияти худро пурра ба роҳ монд. Мукамалгардони фонди китобхона баъд аз ин, мувофиқи талаботи пойгоҳ ба роҳ монда шуд ва фонди китобии якҷанд китобхонаҳо ба даст оварда шуданд, аз ҷумла китобхонаи шахсии академик С. Ф. Олденбург ва фонди Пойгоҳи минтақавӣ зоотехникӣ. Дар оғози соли 1943 фонди китобхонаро аллақай 50 708 нусха китоб ташкил меод» [11, 40].

Академик С. Ф. Олденбург адабиёти шарқшиносиро хуб медонист. Бо иштирок ва талоши шахсии ӯ соли 1933 дар китобхонаи Институти шарқшиносии АИ ИҶШС дар Ленинград, интиҳоби китобҳои баргузор гардид, ки бояд ба Тоҷикистон интиқол дода мешуданд. Имрӯз ин китобҳои фонди адабиёти нодири Китобхонаи марказии илмиро ташкил медиҳанд. Дар хусуси диққати махсус зоҳир намудани академик С. Ф. Олденбург ба ташаккули фонди китобии китобхонаи Пойгоҳи тоҷикистонӣ, суҳанронҳои худӣ ӯ, ки соли 1933 дар яке аз ҷаласаҳои кормандони пойгоҳ сураат гирифт, шаҳодат медиҳанд: «... Ман мехостам қайд кунам, ки ташкили китобхона аз адабиёти воқеан таҳассусӣ басо муҳим аст, зеро аз ҳар дуру наздик вақте ки ба ғӯши мо ададҳои бузурги 300-400 ҳазор мерасад ва дар бисёр мавридҳои ин ҷилдҳои пароканда ва ё адабиёте мебошанд, ки ҳеҷ кас аз он истифода намекунад. Барои ман бисёр муҳим менамояд, агар шумо китобхонаи на он қадар бузург, вале дар ҳақиқат ба Тоҷикистон мансубдоштаро дошта бошед» [12, 7].

Академик С. Ф. Олденбург дар фароҳамоварии фонди китобӣ саҳми беназир дорад. Ӯ дар замони фаъолият ба ҳайси директори Пойгоҳи тоҷикистони АИ ИҶШС барои ташкили китобхонаи илмӣ кӯшишҳои зиёдеро ба харҷ додааст. Аз ҷумла, дар ташаккул ва инкишофи фаъолияти китобдорию библиографии ҷумҳурӣ номбурда шахсан ширкат варзидааст.

Яке аз фондҳои пураарзише, ки ба китобхонаи Пойгоҳи тоҷикистони АИ ИҶШС ҳадя гардид, маҳз фонди академик С. Ф. Олденбург буд. Таърихи ба даст

овардани китобхонаи шахсии С. Ф. Олденбург аз ҷониби китобхонаи Пойгоҳи тоҷикистониي АИ ИҶШС дар ҳуччати зерин инъикос ёфтааст. «Академияи илмҳои ИҶШС». Бойгонӣ. Ленинград, «Университетская набережная, 1» 29-уми март соли 1962. № 314-783 н. Ба директори Китобхонаи марказии илмии АИ ИҶШС Тоҷикистон З. М. Шевченко. Ба дархости Шумо аз 22 март соли 1962 бойгонии АИ ИҶШС хабар медиҳад, ки дар ҳуччатҳои Китобхонаи АИ ИҶШС (ф.158, оп.3 (соли 1936), № 24, С.51-61) шартнома, борхат ва лоиҳаи қарори Президиуми АИ ИҶШС аз моҳи март соли 1936 барои гирифтани китобхонаи шахсии академик С. Ф. Олденбург аз ҳамсараш Е. Г. Олденбург мавҷуд аст. Дар лоиҳаи қарори Раёсат омадааст, ки фонди китобхона 7000 номгӯй ҳисоб гардида, тақрибан 25 000 рубл нархгузори шудааст. Китобхона барои Пойгоҳи тоҷикистониي АИ ИҶШС дастрас карда мешавад ва он бояд аз ҷониби пойгоҳ барои нигоҳдорӣ ва истифодабарӣ дар шаҳри Сталинобод қабул гардида, ҳамчун фонди тақсимнашавандаи пойгоҳ нигоҳ дошта шавад. Китобхона моликияти шахсии Пойгоҳи АИ ИҶШС махсуб меёбад. Протоколи Президиуми АИ ИҶШС барои моҳи март соли 1936 дар бойгонии АИ ИҶШС мавҷуд нест. Ҷонишини директори бойгонии АИ ИҶШС Т. Н. Корявов, корманди сектори илмӣ-техникӣ В. П. Коститова» [12, 4-5].

То соли 1938 фонди китобхона 13 ҳазор нусха китобро ташкил меод. Афзоиши фонди китобхона аз ҳисоби китобхонаи Пойгоҳи таҷрибавии ҷангал, инчунин китобҳои ҷамъовардаи академик С. Ф. Олденбург аз фонди китобхонаи шахсияш ба миқдори 5537 адад нусхаи ҷопӣ ба даст омаданд. Ин китобҳо китобхонаро аз адабиёт оид ба масъалаҳои хоҷагии қишлоқ, биология ва шарқшиносӣ ғанӣ гардонид, ки дар давоми ин солҳо Академияи илмҳои ИҶШС ба китобхона барои ба даст овардани маблағ ёрии калон расонида, ҳар сол ба таври ҳатмӣ нашрҳои худро ройгон мефиристонид [18, 12].

Фонди асосии китобхонаи академик С.Ф. Олденбург 7000 номгӯй ҳисоб шудааст. Ба фонди китобхонаи пойгоҳ бошад ҳамагӣ 5537 нусха адабиёт ворид шуд. Аз ин гуфтаҳо маълум мегардад, ки ҳамаи он адабиёте, ки аз китобхонаи шахсии академик С.Ф. Олденбург барои китобхонаи пойгоҳ ҷудо гардида буданд, омада нарасиданд.

Соли 1938 фонди китобхонаи илмии Пойгоҳи тоҷикистониي АИ ИҶШС-ро 1380 нусха адабиёти хориҷӣ, 139 дастхат, 6581 нусха маҷаллаҳо ва 548 нусха фонди мубодилавӣ ташкил меод. Аз китобхона 75 хонандаи муқимӣ истифода мекарданд [16, 39].

Банақшагирии фондҳои китобхона тавассути сектори шабакаи китобхонаҳои махсуси Академияи илмҳои ИҶШС аз соли 1939 оғоз гардид. Китобхона имконият пайдо кард, ки фонди худро на танҳо аз ҳисоби нашриётҳои Академияи илмҳои ИҶШС, балки аз маводи ҷопие, ки нашриётҳои Москва, Ленинград ва дигар шаҳрҳои мамлакат истеҳсол менамуданд, пурра намояд.

Ғайр аз ин, китобхонаҳои шахсии олимони ба даст оварда шуданд. Соли 1939 фонди китобхона аллакай 30 ҳазор нусха китобу матбуоти даврӣро ташкил мекард. Ин ба китобхона имконият фароҳам овард, ки ба садҳо нафар ходимони илмӣ, аспирантҳо, докторантҳо ва донишҷӯён хизмат расонад. То замони ташкили Филиали тоҷикистониي Академияи илмҳои ИҶШС (1941), китобхона имкон пайдо кард, ки ҳам соҳаҳои нав пайдошуда ва ҳам соҳаҳои тараққикардаи илмро бо адабиёт таъмин намояд [1, 261].

Соли 1940 Китобхонаи илмии Пойгоҳи тоҷикистониي АИ ИҶШС фонди

китобии худро ба 36,2 ҳазор нусха расонид ва аз он 1680 нафар хонандагон истифода мекарданд. Барои боз ҳам ривоч додани хизматрасонӣ ба кормандони пойгоҳ аз ҷониби китобхона, китобхонаҳои сайёр ташкил шуданд [16, 43].

Соли 1941 Пойгоҳи тоҷикистони Академияи илмҳои ИҶШС бо сарвари академик Е. Н. Павловский ба Филиали тоҷикистони Академияи илмҳои ИҶШС табдил дода шуд, ки сохтори онро институтҳои геология, ботаника, зоология ва паразитология, таърих, забон ва адабиёт, Осорхонаи марказии таърихӣ - кишваршиносӣ, Шурои таҳририя ва интишорот, Китобхонаи илмӣ, Осорхонаи кишваршиносии Ленинобод, Озмоишгоҳи кимиёвии Сталинобод, Озмоишгоҳи аналитикии Ленинобод, Обсерватория, Пойгоҳи сейсмологӣ, Стансияи мелиоративии хокшиносии Вахш, Сектори хокшиносӣ, Сектори гелиотехникӣ, Пойгоҳи биологии Помир, Мамнуъгоҳи «Бешаи палангон», Пойгоҳи кӯҳӣ - ботаникии Варзоб, Пойгоҳи таҷрибавии ҷангал, Боғи ботаникии Сталинобод, Боғи ботаникии Хоруғ ташкил мекарданд [1, 56].

Филиали тоҷикистони АИ ИҶШС-ро академик Е. Н. Павловский роҳбарӣ менамуд. Ӯ дар кори барқарорсозӣ ва пешрафти илм дар ҶШС Тоҷикистон хизматҳои хеле зиёде кардааст. Сарфи назар аз он, ки фаъолияти он ба солҳои душвори Ҷанги Бузурги Ватанӣ ва давраи баъдичангии барқарорсозии хоҷагии халқ рост меомад, ташкили филиал ба рушди минбаъдаи илм дар Тоҷикистон мусоидат намуд. Дар натиҷаи фаъолияти даҳсолаи Филиали тоҷикистони АИ ИҶШС дар ҷумҳурӣ барои тавсеаи тадқиқоти илмӣ заминаи моддӣ ба вучуд омада, кормандони илмӣ, аз ҷумла, кадрҳои маҳаллӣ (бештар аз 700 нафар) тайёр карда шуданд. Ҳамин тариқ, барои дар ҷумҳурӣ ташкил кардани Академияи илмҳо заминаи мусоид фароҳам оварда шуд.

Ҳангоми ба Филиали тоҷикистони АИ ИҶШС табдил додани Пойгоҳи тоҷикистони АИ ИҶШС, штати китобхона ба 3 нафар расонида шуд ва инчунин маблағгузорӣ барои харидани адабиёт низ зиёд гардид [19, 193].

Моҳи сентябри соли 1941 Комиссариати халқии маорифи РСФСР фармон «Дар бораи муассисаҳои сиёсӣ-маърифатӣ дар замони ҷанг» – ро баровард. Дар он қайд гардида буд, ки хонаҳои фарҳанг, китобхонаҳо ва осорхонаҳо бо дастгирии фаълониҳои зиёӣён, колхозчиён, бо занҳо, дар байни халқ қорҳои васеи тарғиботӣ ташкил намоянд [16, 51].

Китобхонаҳо фаъолиятанро ба тақозои замон мувофиқ гардонида, тибқи шиори замон - «Ҳама чиз барои фронт, ҳама чиз барои ғалаба бар душман» амал намуданд. Дар бинои китобхона плакату шиорҳои зиддифашистӣ тез-тез иваз гардида, он ба нуқтаи муҳимми тарғиботӣ мубаддал ёфт. Табиист, ки он солҳо мушкilotи зиёде пешорӯи муассисаҳои фарҳангӣ чун дигар соҳаҳои хоҷагии халқ қарор гирифт, теъдоди кормандон коҳиш ёфтанд, маблағгузорӣ кам гардид. Аммо ба ҳамаи ин нигоҳ накарда, китобхонаҳо фаъолияти пурсамари хешро давом медоданд.

Китобхонаи Филиали тоҷикистони АИ ИҶШС ба олимони ёрии калон расонид. Фонди иборат аз 36 214 нусха адабиёти илмӣ ба ихтиёри онҳо гузошта шуд.

Дар ин давра китобхона ба муассисаҳои илмӣ хизмат расонида, барои коркунони пойгоҳи маъданӣ-ботаникии Варзоб, стансияи хоку мелиоративии Вахш ва боғи ботаникии Душанбе китобхонаҳои сайёр ташкил намуд. Аз фонди китобхона 33 нафар олимони дигар муассисаю идораҳо, кормандони Институти давлатии педагогӣ, идораи геология, Китобхонаи ҷумҳуриявии ба номи Абул-

қосим Фирдавсӣ ва дигарон ба таври васеъ истифода мебурданд [15, 107].

Теъдоди захираи фонди китобхона он замон беш аз 40 ҳазор нусхари ташкил меод. Ҳаёти кормандони китобхона барои расонидани адабиёт ба шифоҳонаҳои ҳарбӣ саҳми босазо гузоштаанд. Онҳо шифоҳонаҳоро, ки дар он ҷо ҷанговарони Артиши Сурх таъбаат мегирифтанд, мунтазам бо китобҳо таъмин мекарданд.

Ин корҳо дар таъмини иттилооти илмӣ ва хоҷагии халқи ҶШС Тоҷикистон нақши муҳим мебозиданд. Инчунин дар китобхона дастгоҳи маълумотдиҳӣ - библиографӣ, картотекаҳои мавзӯӣ ва соҳавӣ, феҳристи универсалӣ ташкил шуда, пайваста намоишҳои адабиёти тозанаشري илмӣ баргузор мегардиданд. Ба туфайли ин китобхона тавонист соҳаҳои нави илмро бо адабиёт таъмин намояд.

Бо васеъ ва амиқтар гардидани таҳқиқоти илмӣ, фонди китобхона афзуда, фаъолияти он беҳтар гардид, самтҳои нави қори китобдорӣ ва библиографӣ ба вуҷуд омаданд. Соли 1945 дар китобхона аллакай 4 нафар китобдор фаъолият мекарданд [8].

Академик Е. Н. Павловский доир ба фаъолияти китобхонаи Филиали тоҷикистони АИ ИҶШС чунин зикр мекунад: «Айни замон китобхона аз рӯйи як қатор соҳаҳои дониш (хоҷагии қишлоқ, энтомология (ҳашаротшиносӣ), зоотехника ва дигар соҳаҳо) метавонад талаботи кормандони филиалро қоне гардонад. Ташкили фонди дублетӣ имкон дод, ки дар назди муассисаҳои тобеи филиал (стансияи биологии Помир ва боғи ботаникии Помир) китобхонаҳои на он қадар бузурги ёрирасон таъсис дода шаванд. Ин ба кормандони муассисаҳои тобеи филиал, ки аз марказҳои фарҳангӣ дур ҳастанд, имконият медиҳад то коркарди маводро дар ҷояшон анҷом диҳанд» [11, 40].

Дар мукамалгардонии фонди китобхона, мубодилаи китоб байни кишварҳои ИҶШС нақши муҳим бозид. Мубодилаи китоб дар китобхонаи илмӣ Филиали тоҷикистони АИ ИҶШС аз рӯзҳои аввали таъсисёбиаш амалӣ мегардид, вале аз соли 1946 он ба таври мунтазам сурат гирифт. Китобхона бо 145 китобхонаи илмӣ 50 шаҳри ИҶШС мубодилаи китоб ба роҳ монда буд, ки ҳамасола аз онҳо қариб 3000 нусхаи ҷопии адабиёт қабул мекард. Ҳамзамон ҳамин миқдор китоб аз рӯйи дархости ташкилоту муассисаҳо ба дигар шаҳрҳо интиқол дода мешуданд.

Ибтидои соли 1948 фонди асосии китобхона ба 60 000 нусха расид. Бо афзудани фондҳои китобхонаҳо дар китобхонаҳои ҷумҳурӣ талаботи хонандагон ба хизматрасонии маълумотӣ - библиографӣ бештар гардид. Ин талабот кормандони китобхонаҳоро водор намуд, ки сатҳи хизматрасониро дар самти библиография баланд бардоранд.

Соли 1949 Китобхонаи ҷумҳуриявии ба номи Абулқосим Фирдавсӣ нашри нишондиҳандаҳои библиографии хусусияти тавсиявидоштаро ба роҳ монд. Аз соли 1956 китобхона ба таври ҷиддӣ ба нашри нишондиҳандаҳои библиографӣ машғул шуда, ҳамасола на кам аз 7 нишондиҳандаи библиографиро ба таъбирасонид.

Солҳои 1945-1958 аз ҷониби китобхона беш аз 60 маводи китобхонавӣ - библиографӣ ба нашр расид, аз ҷумла, 4 мавод бо ҳамкориҳои Китобхонаи марказии илмӣ АИ ҶШС Тоҷикистон, Палатаи китоби ҶШС Тоҷикистон ва Китобхонаи давлатии ИҶШС ба номи В. И. Ленин омода гардид. Аз рӯйи мундариҷа ҳамаи нишондиҳандаҳои ба таъбирасида, тавсиявӣ буда, хусусияти кишваршиносӣ доштанд. Беш аз ҳама нишондиҳандаҳои «Великая Октябрская

социалистическая революция» ва «Участники гражданской войны и борьба за ликвидацию басмачества в Таджикистане» диққати махсусро ба худ ҷалб менамуданд. Инчунин аз зумраи ҷунин нашрҳо метавон нишондиҳандаҳои фардиро номбар намуд. Ҷунин нишондиҳандаҳо аз ҷониби китобхона 11 номгӯй ба нашр расиданд, аз ҷумла, «Садриддин Айни», «Мирзо Турсунзода», «Мирсаид Миршакар» ва дигарон [16, 80].

Соли 1951 дар ҷумхурии Академияи илмҳо таъсис дода шуд, ки маркази тафаккури илмӣ гардид. Мутахассисони китобхонаи марказии илмии АИ ҶШС Тоҷикистон он вақт ба як зумра олимону мутахассисон ва аспирантону унвонҷӯён кумакҳои зиёди методӣ ва амалӣ мерасониданд. Дар фонди китобхона ҳамасола на кам аз 12 ҳазор нусха китоб ворид мегардид, ки он соли 1958 қариб ба 300 ҳазор нусха расид. Китобхона барои пурра қонеъ гардонидани дархостҳои кормандони илмӣ, аз мубодилаи байникитобхонавии китоб истифода мекард ва ҳамзамон ба дигар китобхонаҳои берун аз Тоҷикистон низ имкон меод, ки тавассути мубодилаи байникитобхонавии китоб аз фонди он истифода намоянд. Соли 1953-1958 аз китобхона ҳамасола қариб 2 ҳазор нафар хонандагон истифода мекарданд, ки қисми зиёдашонро мутахассисони ҷавон ва аспирантон ташкил медоданд [10].

Мурочиати хонандагон солҳои 1953-1958 қариб 180 ҳазор нафар, гардиши китоб бошад қариб 700 ҳазор нусхоро ташкил мекард. Барои тарғиби адабиёти тозанаشر дар ин давра аз ҷониби китобхона намоиши беш аз 1000 китобу маҷаллаҳои илмӣ баргузор гардид. Бештари қори китобхона ба намоишҳои мавзӯӣ ва фаъолияти библиографӣ равона мешуд. Дар ҳамин давра аз ҷониби мутахассисон зиёда аз 2 ҳазор адад маълумотномаҳои библиографии хаттиву шифоҳӣ пешкаши хонандагон гардиданд. Онҳо рӯйхати адабиёти тавсиявӣ ва тозанаشرро тартиб дода, ба суроғаҳои муайян ба муассисаҳои илмӣ аз рӯйи мавзӯҳои илмии банақшагирифташон мефиристоданд.

Дар мубодилаи байникитобхонавии адабиёти илмӣ, китобхонаи марказии илмии АИ ҶШС Тоҷикистон нақши бориз мебозид. То соли 1955 мубодилаи байналхалқии китобҳо тавассути китобхонаи Академияи илмҳои ИҶШС сурат мегирифт, баъдан бошад, китобхонаи марказии илмии АИ ҶШС Тоҷикистон фонди махсуси мубодилавӣ ташкил намуд, ки он бо нашрияҳои институтҳои илмӣ - таҳқиқотӣ ва муассисаҳои таҳсилоти олии ҷумхурии ғанӣ гардонида мешуд. Соли 1958 китобхонаи марказии илмии АИ ҶШС Тоҷикистон дар байни 64 китобхонаҳои 18 мамлакати ҷаҳон мубодилаи китоб ба роҳ монд, ки аз онҳо ба миқдори 2150 нусха китобу нашрияҳо ба даст меовард ва бар ивази он 2216 нусха китоб ба дигар мамлакатҳо интиқол меод [10].

Бештари китобҳое, ки аз ҷониби китобхонаи марказии илмии АИ ҶШС Тоҷикистон ба китобхонаҳои мамлакатҳои хориҷа интиқол дода мешуданд, ин китобҳои Абдулғанӣ Мирзоев «Биной», «Ҳикоятҳо оид ба Ибни Сино ва шахсияти ӯ», «Луғатҳои тоҷикӣ-русӣ, русӣ-тоҷикӣ», «Очерки истории таджикской советской литературы», «Таърихи халқи тоҷик»-и Бобоҷон Ғафуров, «Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана»-и Ибодулло Нарзикулов, «Таджикский народный театр»-и Низом Нурҷонов ва инчунин як қатор асарҳои дигар муаллифон буданд.

Бо дархости махсус ба якҷанд мамлакатҳои хориҷа, адабиёт доир ба илмҳои табиатшиносӣ фиристода мешуданд. Масалан, бо дархости Академияи илмҳои Булғористон китоби «Борьба с тлями хлопчатника и люцерны»-и М. Нарзикулов,

«К теории поливных режимов сельскохозяйственных культур»-и А. Николаев; бо дархости Озмоишгоҳи паразитологии Академияи илмҳои Лаҳистон кулли осори Институти зоология, паразитология ва боғи ботаникии АИ ҶШС Тоҷикистон фиристода шуданд [16, 79].

Ба китобхонаи Конгресси ИМА дар катори дигар асарҳо «Флора Таджикской ССР». Ҷилди 1, таҳқиқоти М. Раҳимов «Земледелие таджиков бассейна река Хингоу в дореволюционный период» ва дигар асарҳо ирсол гардиданд.

Ба мамлакатҳои дуру наздик инчунин осори як зумра адибони тоҷику форс ба монанди Саъдии Шерозӣ, Умари Хайём, Абулқосим Фирдавсӣ, Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ, Садриддин Айнӣ, Мирзо Турсунзода ва дигарон фиристода шуданд.

Хонандаҳои мамлакатҳои хориҷа ба адабиёти тоҷикии Шӯравӣ завқи беандоза доштанд. Осори адибони тоҷик ба забонҳои хориҷӣ низ тарҷума мешуданд. Аз ҷумла, ба забонҳои булғорӣ, чинӣ, румонӣ, венгерӣ, олмонӣ, ҳиндӣ ва дигар забонҳо осори устод Садриддин Айнӣ «Бухоро», «Дохунда», «Марги судхӯр» нашр шуданд. Ҳамзамон ашъори Мирзо Турсунзода ба забонҳои албанӣ, чехӣ, испанӣ, олмонӣ ва дигар забонҳо ба таъб расиданд. Маҷмуаи шеърҳои Абулқосим Лоҳутӣ дар Лаҳистон ва Маҷористон нашр шуданд. Ба забони румонӣ асари Сотим Улуғзода «Обновленная земля», ба забони чехӣ – романи Ҷалол Иқромӣ «Шодӣ», ба забони албанӣ – маҷмуаи шеърҳои Мирсаид Миршакар, ба забони олмонӣ ва лаҳистонӣ – романи Раҳим Ҷалил «Пӯлод ва Гулрӯ» тарҷума шуданд [16, 80].

Китобхонаи марказии илмӣ Академияи илмҳои ҷумҳурӣ ҳамасола фонди мубодилавии худро, ки аз солҳои аввали таъсисёбиаш ташкил шуда буд, афзоиш меод. Фонди китобхонаро нашриҳои Пойгоҳи тоҷикистони АИ ИҶШС, баъдан Филиали АИ ИҶШС ва дертар Академияи илмҳои ҷумҳурӣ ташкил меоданд. Соли 1958 он беш аз 25 ҳазор нусха ташкил дод. Ин ба китобхона имкон дод, ки бо 106 китобхона ва муассисаҳои илмӣ мамлакат мубодилаи китобро ба роҳ монад. Соли 1958 аз рӯи мубодилаи китоб ба китобхона 1703 нусха китоб бо арзиши беш аз 14 ҳазор рубл ворид гардид [5, 25, 27]. Бештари китобҳои мубодилашаванда аз китобхонаҳои Академияи илмҳои ИҶШС, Китобхонаи марказии илмӣ АИ ҶШС Қазоқистон, Китобхонаи фундаменталии АИ ҶШС Ўзбекистон ва дигар ҷумҳуриҳои ИҶШС ворид мегардиданд.

Танҳо китобхонаи марказии илмӣ АИ ҶШС Тоҷикистон соли 1958 дорои беш аз 40 ҳазор фонди адабиёти хориҷӣ буд. Дар ин давра дар ҷумҳурӣ 40 муассисаи академӣ ва дигар муассисаҳои илмӣ - таҳқиқотӣ амал менамуд, ки дар онҳо 1788 нафар кормандони илмӣ аз ҷумла 426 номзадҳои илм ва докторони илм фаъолияти илмӣ мебуданд. Ҳамзамон дар ин давра 516 номгӯй китоб бо теъдоди 3649 ҳазор нусха, 41 номгӯй маҷаллаҳо бо теъдоди солонаи 1839 ҳазор нусха ва 76 рӯзномаҳо бо теъдоди солонаи 76 миллион нусха интишор гардиданд [9, 246].

Соли 1958 яке аз давраҳои тараққиёти китобхонаи марказии илмӣ Академияи илмҳои ҶШС маҳсуб меёбад. Зеро дар ин давра фаъолияти китобхона нисбат ба солҳои қаблӣ сермахсултар арзёбӣ гардида, сатҳу сифати хизматрасонӣ ба хонандагон низ бо адабиёти илмӣ тозанаҳр афзуд. Фонди китобхона дар ин сол ба 300 ҳазор нусха расид. Бинои пешинаи Китобхонаи марказии илмӣ дар хиёбони Садриддин Айнӣ, 7 қарор дошт. Соли 1958 китобхона ба бинои нав, ки дар хиёбони ба номи Ленин, 27 ҷойгир буд, кӯчонида шуд. Масоҳати бинои мазкур аз 800 метри мураббаъ иборат буд [10].

Ҳамин тариқ, китобхона як муддат фаъолиятро бо кӯчонидани фонди

китобӣ ва танзиму чобачогузории он сипарӣ намуд. Корҳои таснифотиву мураттабсозии адабиёт оғоз гардиданд. Барои тамоми адабиёти илмӣ тозанаҷр картотекаҳо тартиб дода шуда, ҷаъолияти библиографӣ дар сатҳи зарурӣ ба роҳ монда шуд.

АДАБИЁТ

1. Академия наук таджикской ССР//Сост.: Ю. С. Мальцев; Ред.: Р. Г. Островский; Отв. ред.: Х. М. Саидмуратов. – Душанбе: Дониш, 1979. – 291 с.
2. Бӯриев Қ. Таърихи библиографияи тоҷик//Душанбе, 2017. – 260 с.
3. Всесоюзная библиотечная перепись (1 октября 1934 г.). – М., 1936. – Т.1. 315 с.
4. Доклад читательской конференции, посвященной 30-летию Центральной научной библиотеки Академии наук Таджикской ССР. (11- апреля 1963 г.//Архивные материалы ЦНБ за 1963 г.
5. Дудник Т. В. Внутрисоюзный книгообмен Центральной научной библиотеки АН Тадж. ССР// Библиотечно библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и Академии наук союзных республик. – М., 1960. – № 26. – С.25, 27.
6. История культурного строительства в Таджикистане (1917-1977 гг.): В 2-х томах/Под ред. К. П. Марсакова. – Душанбе, 1979. – Т.1. – 280 с.
7. Материалы к истории библиотечного дела в СССР (1917-1959 гг.). – Л., 1960. 235 с.
8. [Маълумотномаи фактографӣ]/Бойғонии ҷорӣ Китобхонаи марказии илмӣ ба номи И. Гандии АМИТ.
9. Народное хозяйство Таджикской ССР в 1965 г.: Стат. Ежегодник. – Душанбе, 1966. 311 с.
10. Отчеты Центральной научной библиотеки АН Тадж ССР за 1951-1958 гг.//Текущий архив Центральной научной библиотеки имени И. Ганди НАНТ.
11. Павловский Е. Пути развития науки в Таджикистане//Труды АН СССР.Тадж. Филиал. – Сталинабад, 1946. – Т.21: Наука в Таджикистане: первая научная сессия к 25-летию Таджикской ССР. – С. 31-94.
12. Хромов А. Книжное собрание академика С.Ф. Ольденбурга//Каталог фонда академика С. Ф. Ольденбурга в Центральной научной библиотеке Академии наук Таджикской ССР. – Душанбе: Дониш, 1989. – С.4-7.
13. Шевченко З. М. Китобхонаи илмӣ республика: Дар бораи Китобхонаи илмӣ марказии АФ РСС Тоҷикистон//Маориф ва маданият. – 1960. – 27 декабр.
14. Шевченко З. М. Развитие библиотечного дела в Таджикской ССР (1929-1932 гг.)//Изв. АН Тадж ССР. – 1967. – № 2(48). – С.54-62.
15. Шевченко З. М. Библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения Таджикистана в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)//Известия АН Тадж. ССР. Отд. общ.наук. – 1963. – № 3(34). – С.102-110.
16. Шевченко З. М. Из истории библиотечного дела в Таджикистане//Душанбе, 1968. – 134 с.
17. Шевченко З. М. Китобхонаи илмӣ Академияи ҷаъоӣ республика//Газетаи муаллимон. – 1954. – 24 октябр.
18. Шевченко З. М. Центральной научной библиотеке АН Таджикской ССР 30 лет//Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. – М., 1963. – №43. – С.11-19.
19. Шевченко З. М. Центральная научная библиотека АН Таджикской ССР//Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. – М., 1957. – № 14. – С.191-199.
20. Шукуров М. Р. История культурной жизни Советского Таджикистана//Душанбе, 1970. – 493 с.

АЗ ТАЪРИХИ ТАЪСИС ВА ҶАЪОЛИЯТИ КИТОБХОНАИ МАРКАЗИИ ИЛМИИ АИ ҶШС ТОҶИКИСТОН

Дар ин мақола муаллифони таърихи ташаккули марказҳои илмӣ, муассисаҳои таҳсилотӣ, вазъи сиёсӣ ва иҷтимоӣ ва иқтисодӣ фарҳангии ҶШС Тоҷикистонро таҳқиқ намуда, саҳми олимону муҳаққиқони Иттиҳоди Шӯравиро дар ташкили инфрасохтори ҶШС Тоҷикистон мавриди таҳлилу баррасӣ қарор додаанд. Инчунин дар мақола омилҳои асосӣ ва заминаҳои таърихӣ ташаккул ва инкишофи китобхонаи илмӣ пойгоҳ ва Филиали тоҷикистони Академияи илмҳои ИҶШС ва ҷаъолияти он дар солҳои 1932-1958 мавриди таҳқиқу омӯзиш қарор гирифтаанд.

Ташкили экспедитсияҳои маҷмӯӣ (комплексӣ) дар ибтидои солҳои 30-юми асри XX барои Тоҷикистон як қатор имкониятҳоеро фароҳам овард. Маҳз таҳқиқоти олимони Шӯравӣ боис

гардид, ки дар ҳама соҳаҳо кашфиёти зиёд ба вучуд омада, ҳаёти иҷтимоӣ-сиёсӣ ва иқтисодиву фарҳангии кишвар инкишоф ёбад. Бо ташкили як қатор экспедицияҳо маводи фаровони илмӣ ба даст омад ва ин боис гардид, ки дар ҶШС Тоҷикистон марказҳои илмӣ – таҳқиқотӣ таъсис дода шаванд. Ҳамин тариқ, соли 1932 дар ҷумҳурии Пойгоҳи тоҷикистони Академияи илмҳои ИҶШС ва ҳамзамон бо ташкилиёбии пойгоҳ, китобхонаи илмӣ низ дар ҳайати он таъсис дода шуд, ки ба рушди минбаъдаи илм дар ҶШС Тоҷикистон ҳамаҷониба мусоидат намуд.

Калидвожаҳо: таърих, экспедиция, таҳқиқот, илм, фарҳанг, Пойгоҳи Тоҷикистони ИИҶШС, китобхона, фонди китобӣ, мубодилаи китоб.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ АН ТАДЖИКСКОЙ ССР

В данной статье авторы рассматривали историю формирования научных центров, образовательных и культурных учреждений, политическое, социальное, экономическое и культурное положение Таджикской ССР, а также проанализировали вклад ученых и исследователей Советского Союза в организацию инфраструктуры Таджикской ССР. В статье также были изучены основные факторы и исторические предпосылки формирования и развития научной библиотеки Таджикской базы и Таджикского филиала Академии наук СССР и ее деятельность в 1932-1958 годах.

Организация комплексных экспедиций в начале 30-х годов 20 века создала ряд возможностей для Таджикистана. Именно исследования советских ученых привели ко многим открытиям во всех областях и развитии общественно-политической, экономической и культурной жизни страны. Путем организации ряда экспедиций был создан большой научный материал, что привело к созданию научно-исследовательских центров в Таджикской ССР. Так, в 1932 году в республике была создана Таджикская база АН СССР, и одновременно с учреждением Базы в ее составе была создана и научная библиотека, что способствовало развитию науки в Таджикистане.

Ключевые слова: история, экспедиция, исследование, наука, культура, Таджикская база АН СССР, библиотека, книжный фонд, книгообмен.

FROM THE HISTORY OF FORMATION AND ACTIVITIES OF THE CENTRAL SCIENTIFIC LIBRARY OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE TAJIKIAN SSR

In this article, the authors examined the history of the formation of scientific centers, educational and cultural institutions, the political, social, economic and cultural situation of the Tajik SSR, and also analyzed the contribution of scientists and researchers of the Soviet Union to the organization of the infrastructure of the Tajik SSR. The article also studied the main factors and historical prerequisites for the formation and development of the scientific library of the Tajik base and the Tajik branch of the USSR Academy of Sciences and its activities in 1932-1958.

The organization of complex expeditions in the early 30s of the 20th century created a number of opportunities for Tajikistan. It was the research of Soviet scientists that led to many discoveries in all areas and the development of the socio-political, economic and cultural life of the country. By organizing a number of expeditions, a large scientific material was created, which led to the creation of research centers in the Tajik SSR. So, in 1932, the Tajik base of the Academy of Sciences of the USSR was created in the republic, and simultaneously with the establishment of the Base, a scientific library was created in its structure, which contributed to the development of the field of science in the SSR of Tajikistan.

Key words: history, expedition, research, science, culture, Tajik base of the Academy of Sciences of the USSR, library, book fund, book exchange.

Сведения об авторах: Абулхаев Ракиб Абулхаевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ. Телефон: (+992) 939005536; E-mail: rakib-38@mail.ru

Бердизода Ёдгорбек Ардашер – соискатель Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, сотрудник Центральной научной библиотеки им. И. Ганди НАНТ. Телефон: (+992) 987768979. Электронная почта: yodgor_berdiev@mail.ru

Information about the authors: Abulhaev Rakib Abulhaevich - Dr. of History, senior scientific employee newest history department of the Institute of history, archaeology and ethnography named after A. Donish National Academy of Sciences of Tajikistan. Telefon: (+992) 939005536. E-mail: rakib-38@mail.ru.

Berdizoda Yodgorbek Ardasher - Applicant of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan, employee of the Central Scientific Library named after I. Gandhi of the National Academy of Sciences of Tajikistan Phone: (+992) 987768979. E-mail: yodgor_berdiev@mail.ru

НАВРУЗ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Умарова З. Х.,
Российско - Таджикский (Славянский) университет

Навруз является одним из древнейших праздников в истории мировой культуры и самым любимым и почитаемым праздником народов Центральной Азии. Будучи в основе земледельческим праздником, он в своем происхождении имел древнеиранские корни, знаменовал время весеннего равноденствия и начало сельскохозяйственных работ, приходился на первый день месяца *фарвардин* по древнеиранскому солнечному календарю, т. е. 21-22, иногда 23 марта, по григорианскому календарю [7,5]. Навруз переводится с фарси как новый день и в культуре всех народов, празднующих его, знаменовал начало нового года.

Празднование Навруза со временем вышло за пределы древнеиранской среды и получило распространение у многих народов Центральной Азии, Ближнего Востока и Кавказа. И если первоначально Навруз был неотъемлемой частью культуры земледельческих народов, то в результате длительных межкультурных контактов занял прочное место в жизни и тюркских кочевых народов Центральной Азии.

У всех народов, празднующих этот праздник, его появление заросло множеством легенд и притч. Согласно легендам, возникновение праздника Навруз относят к III тыс. до н.э. и иранские народы связывают его появление с именами легендарных царей арийских племен Джемшида и Каюмарса [5, 124]. В произведении «Наврузнаме», посвященной истории появления и традициям празднования этого праздника, великий мыслитель и поэт Омар Хайям отмечает следующее: *«Что касается причины установления Навруза, то она состоит в том, что, как известно, у Солнца имеется два оборота, один из которых таков, что каждые 365 дней и четверть суток оно возвращается в первые минуты созвездия Овна в то же самое время дня, когда оно вышло, и каждый год этот период уменьшается. Когда Джемшид постиг этот день, он назвал его Наврузом и ввел в обычай праздник. Цари и другие люди последовали ему. Рассказывают, что когда царь Ирана Каюмарс впервые стал царем, он решил дать название дням года и месяца, и установить летоисчисление, чтобы люди знали это. Он установил тот день, когда утром солнце входит в первую минуту созвездия Овна, собрал мубадов Ирана и приказал начать летоисчисление с этого момента»* [10,187]. Наряду с О. Хайямом, А. Беруни и А. Фирдоуси также связывают возникновение праздника Навруз с началом сотворения мира и с именами легендарных древнеиранских царей Джемшида и Каюмарса [7, 61]. В древности появление этого праздника, в том числе, связывали с мифами об умирающей и воскресающей природе, в частности с культом бога Сиявуша, из капель крови которого, согласно легенде, появились красные тюльпаны, отмеченные А.Фирдоуси в «Шахнаме» как «Хуни Сиёвуш» (кровь Сиявуша), символизирующие начало весны и возрождение природы. Относительно происхождения праздника у тюркских кочевых народов имеются разные вариации народных сказаний, отличающихся от древнеиранских версий. В зависимости от региона, особенностей мировосприятия того или иного народа легенды и ми-

фы, связанные с ними, варьировались и усложнялись различными культурными компонентами.

Изучение ритуально-обрядовой практики праздника Навруз в Центральной Азии позволяет отметить не только специфику празднования у одного народа, но и выявить на основе сравнительного анализа сложную систему культурных взаимосвязей между народами, исторически сложившуюся в этом регионе. Ритуально-обрядовая практика Навруза у народов Центральной Азии при всей схожести в традициях празднования, имела и много специфических различий, которые во многом зависели от восприятия этого праздника, от особенностей хозяйственно-производительной деятельности того или иного народа, природно-климатических условий его жизни, мировоззренческих аспектов и т.д. Его сложная сущность проявлялась в совмещении различных поверий и ритуальной практики.

Таким образом, в культуре всех народов, отмечающих Навруз в Центральной Азии, можно наблюдать общие положения, ритуалы празднования, которые являются во многих направлениях обрядовой деятельности. Мы можем наблюдать это как в процессе подготовительного этапа к празднику, так и в традициях празднования, которые в старину длились до 40 дней. Главным мероприятием, которое проводилось испокон веков у всех народов накануне, за несколько дней до Навруза – это очищение пространства. Чистота как одна из ипостасей Добро-го начала присутствовала в системе философско-этических понятий зороастризма, наряду с Правдой, Светом и Добром. Это повлияло и на отношение древних иранцев к чистоте не только пространства, священных стихий, но и в содержании в чистоте Души: удержание от злых помыслов и слов, прощение грехов, отпускаяние обид.... Соответственно, неудивительно, что накануне Нового года – Навруз, было принято проводить уборку и очищать от грязи, как собственный дом, так и методом *хашара* (коллективного действия) окружающую среду. Существовало поверье, что в день Навруза на землю спускаются *фраваш* (добрые ангелы), а в исламский период их называли *фаришта* (ангелы), и в доме, куда они ступают, наступает счастье, изобилие и благоденствие, одаривали жильцов радостью и надеждами. Однако они не входили в грязные дома и туда, где затаилась вражда, недоверие и обиды. Соответственно, одним из необходимых условий наступления успешного года, было проведение двух важных ритуалов: тщательная уборка дома и улицы до наступления праздника, избегание ссор и вражды, а также прощение обид и долгов. И эта традиция соблюдается у всех народов, празднующих данный праздник.

Согласно мнению таджикского ученого, исследователя праздника Навруз Негмати А. Э.: «Непременными атрибутами праздничных обрядов и ритуалов были огонь, вода и предметы белого цвета. Так, например, огню, разводившемуся перед наступлением Навруза, приписывалась огромная сила, особые свойства, которые якобы, помогают в достижении желаемой цели» [7,65]. С Наврузом был связан ряд очистительных действий с применением огня. Следует отметить, что к огню особое отношение было во всех культурах, так как его воспринимали в качестве земного аналога Солнца, дающего свет и тепло. Огонь, как священная стихия, особо почиталась и в зороастризме - религии древних иранцев, ему приписывали очищающую силу. Соответственно, одно из главных действий в период празднования Навруза было разведение костров и перепрыгивание через огонь. С огнем были связаны совершенно разного характера обряды. К ним можно отнести зажигание домашних огней (разведение в очаге огня, зажигание свечей, све-

тильников), и общественных (разведение костров, фонарей, факелов и т.д.), которые выступали центральным действием праздника. Эту традицию соблюдали в Афганистане, Таджикистане, Узбекистане, была распространена эта традиция и среди уйгуров, а также киргизов и казахов. Как правило, костры разжигали вечером, накануне Нового года во дворе или на крыше дома, а также на возвышенных местах - холмах. В Афганистане такой костер принято было зажигать маленьким мальчиком, такой огонь считался очищающим. Прыжки через огонь сопровождались специальными молениями, обращенными к Наврузу, в которых люди просили позволения избавиться от боли, неудач, горя [12]. Рядом с кострами проводились гуляния, пели песни и веселились [7,64]. Народ верил, что зажженный огонь стимулирует приближение весеннего солнечного света и тепла [3,26]. К праздничным действиям, связанными с огнем, можно отнести и сжигание в сакрально-магических целях специальной травы *испанд* или *хазориспанд*, ее еще называли «рута», в дни празднования Навруза (в культуре таджиков, афганцев, узбеков принято сжигание этой травы в целях снятия порчи, отведения дурного глаза, изгнания недобрых сил и в лечебных целях). Эта практика проводится по сей день у отдельных народов Центральной Азии, [12] в том числе и в дни Навруза для очищения пространства дома.

В праздничный день было также принято купаться и надевать чистую, а в Древнем Иране непременно белую (символ чистоты и света) одежду [7, 64]. В выборе пищи, предметов, одежды и украшений дома иранские народы также широко применяли белый цвет. Детям, в особенности девушкам, одевали белую одежду. На праздничный стол также ставили пищу белого цвета – рисовую кашу на молоке *ширбириндж*, сахар, сыр, простоквашу, блюда из мяса птицы или рыбы [6,78] Об обряде купания с целью очищения перед Наврузом упоминает исследователь Маликов А. М., который отмечает, что: «Перед Наврузом в Самарканде предварительно заготавливались специальные факелы – *аташ байдаки* (машалы). Их зажигали самаркандцы, собиравшиеся в группы в зависимости от местожительства (квартал, пригородное село), направлялись к каналу Оби-Рахмат, где мужчины купались, чтобы смыть грехи» [4,127]. В Афганистане по сей день бытует обычай перепрыгивания через проточную воду в день Навруза, который также можно отнести к очистительным действиям посредством воды [12]. О старинной традиции обрызгивания друг друга водой упоминает А. Беруни, отмечая, что в шестой день месяца фарвардин народ выходил с утра и наполняя руки или посуду проточной водой поливали друг друга или встречных [1,242]. Упоминают традицию обрызгивания друг друга «благодатной» водой накануне и во время праздников и у других народов Центральной Азии, которая также являлась частью очистительной магии [3, 26] По поверьям дербентцев (юг Узбекистана), перед Наврузом наступали четыре дня благодатной воды – *оби рахмат* (с 14 по 17 марта), и в это время следовало искупаться. Было также принято в случае дождливых дней собирать дождевую воду и купаться в ней [4,127] У казахов и киргизов существовало в старину и по сей день местами практикуется традиция наполнять накануне праздника всю посуду в доме водой или молоком. Даже маленькая чашка не должна оставаться пустой. Вода считалась символом жизни, а молоко – достатка. И по поверьям, посуда, наполненная накануне праздника водой или молоком, всегда будет полной в течение года [9,597].

Особое значение в праздновании Навруза отводили зеленому цвету, который также, как и белый цвет был глубоко символичен. По мнению ученого-философа

А. Турсона, особое предпочтение зеленый цвет получил в системе арабомусульманского мировоззрения, однако, не был чужд и *аджамской* (древнеиранской) эстетической традиции, ибо как символ возрождающейся природы гармонировал с архетипом праздника Навруз [11]. Традиция до наступления весеннего равноденствия выезжать на природу, поклониться солнцу, собирать первые цветы, радоваться наступлению весны существовал у всех народов Средней Азии и Ирана. Приуроченным к Наврузу и сельскохозяйственным работам является обряд земледельческих народов под названием *джуфтбаророн* (вынесение плуга) у таджиков и *эсфандеган* у иранцев. В этом обряде крестьяне-*дехканы* впрягали в плуг двух коров и под радостные возгласы проводили первую показательную пахоту, тем самым официально открывая посевной сезон [8,70].

По настоящее время у таджиков, узбеков, афганцев и уйгуров сохранилась традиция в предновогодние и новогодние дни собирать и одаривать друг друга первыми цветами - подснежниками [3, 24-25]. У таджиков, афганцев, узбеков, уйгуров и частично киргизов эта традиция представляла собой праздничное шествие, которое называлось *Гулгардони* (с перс. «ношение цветов») или *Бойчечак* (с перс. «подснежник»). Шествие представляло собой группу из 10-15 человек, которые несли в руках специальную жердь, обычно длиной полтора метров, на конец которого специальным способом переплетали букет весенних цветов. Остальные участники просто несли в руках букет цветов иногда и без жерди. В основном в этом мероприятии участвовали дети или молодежь. Они собирали подснежники или другие виды ранних весенних цветов и ходили по домам, пели песни, сопровождая певцу на бубне или дутаре [7,72]. В Афганистане группа мальчишек выбирала двух ребят в качестве старших, один из которых становился *мир-и гулгардон* (с перс. «предводитель, несущий цветы»), а другой *мир-и сурудхон* (с перс. «предводитель, поющий песни») [8,84]. В каждом доме их встречали радостно, дети с благопожеланиями преподносили хозяевам первые цветы, те брали их, целовали, прикладывали к глазам, произнося разные по содержанию пожелания. Взамен они одаривали шествующих сладостями, сушеными фруктами, крашеными яйцами, гранатами, орехами, лепешкой и т.д. [8,73]. В настоящее время этот праздник сохранился во многих сельских местностях Афганистана, Таджикистана и Узбекистана.

Другое праздничное шествие с выходом на природу с целью сбора цветов проводилось в апреле - начале мая – это праздник красного цветка *Сайли гули сурх, кызил сурх сайли*, который отмечали в период появления маков и тюльпанов во многих областях Среднеазиатского междуречья и у уйгуров в Восточном Туркестане [4, 34-38]. Этот праздник сохранился по настоящее время в отдельных сельских местностях Центральной Азии у таджиков, узбеков, афганцев и уйгуров.

У всех народов в Навруз было принято обильно и богато накрывать праздничный стол и это было символично. Считалось, что от обильности и богатства праздничного стола зависело благополучие, достаток дома и урожайность полей в новом году. Неотъемлемой частью праздника Навруз у всех народов является ритуальная пища, которую готовят для праздничного стола. Следует отметить, что ритуальные блюда, которые готовят на Навруз, отличаются у отдельных народов. Различия проявлялись, в основном, в культуре оседло-земледельческих и кочевых скотоводческих народов, и диктовались особенностями их кухни. В культуре земледельческих народов ритуальная пища Навруза в основном имела растительное происхождение - это злаковые культуры, проросшие зерна, сухо-

фрукты, хлебные изделия. В культуре кочевых народов мы видим преобладание в кухне мясных блюд, что также отражено в их праздничной ритуальной пище. У таджиков, оседлых узбеков, уйгуров, афганцев, иранцев по настоящее время главным ритуальным праздничным блюдом является *сумалак* (семине, саманак), которое готовили из проросших зерен пшеницы. Процесс приготовления этого блюда длительный и трудоемкий. Оно готовится группой женщин, которые всю ночь до утра его перемешивают на огне и в течении этого процесса играют на музыкальных инструментах, поют песни и танцуют, шутят и радуются. Согласно поверьям, если при смешивании в котле сумалака загадать желание, оно непременно исполнится. У афганцев наряду с *сумалаком* также для праздничного стола готовили компот *хафт мева* (в переводе с персидского «семь фруктов»), для которого использовали семь разновидностей сухофруктов [8,85]. У оседлых земледельческих народов было принято на праздничный стол ставить семь блюд или продуктов на букву «син», готовить лепешки из семи видов злаков [7,64; 3,27]. По некоторым сведениям, традиция *хафт син* имело связь с семью зороастрийскими святыми «Амеша-Спента» [8,55]. Все эти блюда имели символическое значение и были направлены для увеличения урожайности полей и благополучного года. У таджиков и узбеков важное место на праздничном столе в современное время также занимает главное блюдо на все праздники и торжества - плов.

На праздничном столе кочевых скотоводческих народов - казахов, киргизов и туркмен, главным блюдом является *наурыз коже*, которое в дни Навруза готовилось и готовится по настоящее время каждой хозяйкой дома. Туркменские женщины готовят *новруз-кедже* с пшеном, рисом, пшеницей или другим видом дробленного зерна на бульоне из мяса жертвенного быка [8,97]. Основными ингредиентами для приготовления *наурыз коже* у казахов выступают валяное мясо, молоко или кисломолочные продукты, вода и злаки. Этим блюдом угощали всех, кто входил в дом в праздничный день [9, 599]. По словам исследователя казахской празднично - обрядовой культуры Сурагановой З. К: «...наурыз-коже был не просто ритуальным угощением, оно служило жертвой, являющейся частью глобального обмена мира людей и мира природы» [9,599]. Наряду с *наурыз коже* казахи в дни новогоднего праздника готовили для определенной половозрастной группы населения специальные праздничные блюда. В частности, для пожилых и немощных людей готовили такое блюдо, как *белкотерер* - высококалорийное, мягкое и вкусное блюдо из сливочного масла, қазы (мясо конины), обжаренного в масле муки *жент*, кумыса, творога, меда и т. д. Молодыми женщинами и девушками для молодых женатых мужчин и холостых парней готовилось блюдо *уйкыашар* из вяленого или копченого мяса зимнего забоя, отличающегося высокой жирностью, и свежего молока. Взамен хорошо приготовленному блюду мужчины одаривали молодых женщин и девушек разными подарками. По сути, эта традиция имело эротическое значение и было направлено на повышение мужской потенции [9, 598], что скорее было связано с идеей усиления воспроизводительных сил природы, ее пробуждения и обновления. Относительно символических подарков, несущих в себе идею плодородия (плодовитости) следует отметить и традицию в Афганистане в первый день Навруза отправлять со стороны жениха в дом невесты блюдо из рыбы. Какие бы подарки ни отправлял жених, он должен вручить их вместе с рыбой и сладостями *зульбие* или *джашиби* [8,83]. Следует отметить, что рыба, связанная с водной стихией и откладывающая множество яиц, в земледельческой среде с древности воспринималась как один из символов плодородия.

Как действия, направленные на усиление воспроизводительных сил природы, можно рассматривать народные игры, которые являются неотъемлемой частью праздника Навруз. Одним из таких игр является казахский *айтыс* между девушкой и джигитом, которая олицетворяла собой символическую борьбу зимы и весны [9, 595]. Как у казахов, так и у киргизов сохранилась игра под названием *кыз куу* или *кыз куумай*, в которой основное действие направлено на то, чтобы поймать и поцеловать девушку. Если это случится, то девушка соглашается выйти за парня замуж, если же девушка сможет избежать этой участи, тогда она догоняет парня и может ударить его хлыстом, что знаменует его поражение, и тогда он обязан выполнить любое ее желание [2, 58]. Мужские состязания в дни Навруза проводятся в культуре многих народов Центральной Азии - таджиков, узбеков, туркмен, афганцев, уйгур и других. К ним можно отнести состязания с козлодраньем - *буз-кашй* (у таджиков и афганцев), *улок* (у узбеков), борьба *гуштингирй* (у таджиков), *кураш* (у узбеков), *пахлаваний* (у афганцев), бои с палками *чуббазй*, поло *чавган*. метание камней *сангпартои* (у афганцев [8, 96] и таджиков [7, 75]), где мужчины демонстрировали свою силу, ловкость и сообразительность. В некоторых местностях Таджикистана в дни Навруза молодые люди собирались на площадях и участвовали в состязаниях по разбиванию яиц *тухмджанг*, а также устраивали бои куропаток *кабкджанг* и петушинные бои *хурусджанг* [8, 77]. Катание на качелях также было одним из важных и символических действий в дни Навруза у всех народов, празднующих этот праздник. Для качелей и каруселей во время праздничных гуляний *сайль* отводились в городах специальные места [4, 127]. На качелях качались, в основном, молодые. Считалось, что чем сильнее раскачиваются качели, тем выше будут подниматься колосья зерновых культур, хорошая будет урожайность полей. Эту традицию придерживаются все народы Центральной Азии по настоящее время и в городской местности и в сельской.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что празднование Навруза сквозь века не потеряло своего значения и многие традиции, берущие свое начало с древности, народ бережно сохранил и практикует в современное время. Проводя сравнительный анализ материалов по празднованию Навруза у отдельных народов Центральной Азии, можно констатировать у них сходство главных черт празднично-обрядовой деятельности. Особенно очень близки были традиции празднования у уйгуров, узбеков и таджиков, и это проявлялось в использовании важных атрибутов новогоднего торжества: ритуальной пищи (семь блюд на букву «син» или «шин», семь видов зерен в каше и лепешках, *сумалаяк* - кисель из пропущенных зерен и пр.), магико-очистительных действий с огнем, водой, одинаковые формы почитания духов умерших предков - приготовление им угощения дома, коллективное посещение кладбищ с последующей трапезой [3, 27]. Следует отметить, что, несмотря на сходство основных черт, празднования Навруза у разных народов, каждому этническому варианту всё же были присущи и некоторые специфические черты, которые были рассмотрены выше на примере, в частности, специфики ритуальной пищи кочевых народов этого региона – казахов и киргизов.

В настоящее время праздник Навруз занимает важное место в современной культуре центрально-азиатских народов. Об этом свидетельствуют и сохранившаяся значительная часть традиций и обрядов, связанных с праздником Навруз и признание его на государственном уровне в качестве официального праздника во многих странах. О ныне высоком статусе этого праздника свидетельствует и при-

знание его на мировом уровне - включение в Репрезентативный список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО в 2009 году. Выход этого светлого праздника за географические пределы своей родной среды и возвышение его до уровня международного праздника свидетельствует об общности и близости ценностей Навруза всем народам, празднующих его. Навруз, таким образом, способствует объединению народов, их дружбе и солидарности и несет в себе важную духовную миссию. Выражаясь словами известного таджикского ученого Акбара Турсона: «Именно этот подлинно народный праздник в качестве сгущенной духовности предшествующих поколений и эпох на уровне нашего исторического подсознания выражает собой извечное *единство* архетипов и духовных инвариантов культурной традиции, равно как и *неразрывную* духовную связь поколений – прошлых, настоящих и будущих» [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмад Р. Наврӯзи некои. – Душанбе, 2006.
2. Давлиёрова С. Т. Тачлили бахору Наврӯз дар Қирғизистон//Искусствоведение (научно-теоретический журнал). -№ 2 (4), -2021. -С.55-60.
3. Дорджиева Д. Д. Календарные праздники и обычаи уйгуров в контексте обрядовой культуры народов Центральной Азии. -АКД. По спец. 07.00.07.- Этнография, этнология и антропология. -М., 2013.
4. Маликов А. М. Празднование Навруза в Бухаре и Самарканде в ритуальной практике и общественных дискурсах (вторая половина XIX- начало XX века)//Археология, этнография и антропология Евразии, т. 48, № 2, 2020. -С. 122-129.
5. Мирбабаев А., Файзуллаев М. К вопросу календарного цикла празднования праздника Навруз в г. Худжанд и его округе//Ученые записки Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова. -№1(29). - Худжанд, 2012. – С. 124-134.
6. Навруз: вчера, сегодня и завтра (на тадж.яз.). - Душанбе: Дониш, 2013. -171 с.
7. Негмати А. Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков //Душанбе: Дониш, 1989.
8. Сазманд Б. Навруз: праздник, объединяющий народы: (пер. с перс. и комм. И. Р. Гибадуллина)//М.: Садр, 2016. -192 с.
9. Сураганова З. К. Обмен в рамках весеннего празднования Наурыза у казахов: традиции и современность//Проблемы истории, филологии, культуры. -2009. -№1(23). – С.595-601.
10. Хайям О. Трактаты//М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. - С.338.

Интернет - ресурсы:

11. Турсунов А. Навруз как феномен мировой культуры. [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1648330440>.
12. Хайдар Шах. Навруз – праздник весны. [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <https://afghanistan.ru/doc/16874.html>

НАВРУЗ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье автор рассматривает проблему возникновения праздника Навруз и сохранения традиций его празднования в современной культуре народов Центральной Азии. Автор подчеркивает древнеиранское происхождение праздника и отмечает, что со временем его празднование вышло за пределы древнеиранской среды и получило распространение у многих народов Центральной Азии, Ближнего Востока, Кавказа и других регионов.

Изучение ритуально-обрядовой практики праздника Навруз Центральной Азии позволяет отметить не только специфику празднования у одного народа, но и выявить на основе сравнительного анализа сложную систему культурных взаимосвязей между народами, исторически сложивших в этом регионе. Проводя сравнительный анализ материалов по празднованию Навруза у отдельных народов Центральной Азии, можно констатировать у них сходство главных черт празднично-обрядовой деятельности. Особенно очень близки были традиции празднования у таджиков, узбеков, афганцев и уйгуров, и это проявлялось в использовании важных атрибутов новогоднегo торжества. В настоящее время праздник Навруз занимает важное место в современной культуре центрально-

азиатских народов. Об этом свидетельствует и сохранившаяся значительная часть традиций и обрядов, связанных с праздником Навруз и признание его на государственном уровне во многих странах. О ныне высоком статусе этого праздника свидетельствует признание его и на мировом уровне - включение в Репрезентативный список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО в 2009 году.

Ключевые слова: *Навруз, празднично-обрядовая культура, весенний праздник, ритуальная пища, традиции, обряды, суманак, народные игры, прыжки через огонь.*

НАВРҮЗ ДАР БИСТАРИ ФАРҲАНГИ ХАЛҚҲОИ ОСИЁИ МАРКАЗӢ: ТАЪРИХ ВА ДАВРАИ МУОСИР

Муаллиф дар мақола таърихи пайдоиши ҷашни Наврӯз ва ҳифзи суннатҳои таҷлили онро дар фарҳанги муосири мардуми Осӣи Марказӣ баррасӣ кардааст. Муаллиф аслан эронӣ будани ин ҷашнро қайд намуда, таъкид мекунад, ки бо мурури замон таҷлили он аз доираи муҳити бостонии эронӣ берун рафта, дар миёни бисёре аз мардумони Осӣи Марказӣ, Қафқоз ва дигар манотиқҳо густириш ёфтааст.

Омӯзиши расму ойинҳои ҷашни Наврӯз дар Осӣи Марказӣ имкон медиҳад, ки на танҳо вижагиҳои ҷашнгирии ин идро аз ҷониби халқҳои дигар қайд кунем, балки дар асоси таҳлили муқоисавӣ муносибатҳои фарҳангии байни онҳоро муайян намоем. Ҳангоми таҳлили муқоисавии маводи ҷашнгирии Наврӯз дар халқиятҳои Осӣи Марказӣ ҳам монандиҳои зиёд ва ҳам фарқиятҳоро дар расму ойини онҳо дида метавонем. Бештар суннатҳои ҷашнии тоҷикон, ўзбекҳо, афғонҳо ва уйғурҳо наздик буданд ва ин дар истифодаи сифоти муҳими ҷашни Наврӯз инъикос ёфтааст.

Ҳоло ҷашни Наврӯз дар фарҳанги муосири халқҳои Осӣи Марказӣ мавқеи муҳимро ишғол мекунад. Аз ин рӯ, пос ва инчунин гиромӣ доштани қисми зиёди анъана ва ойинҳои марбут ба ҷашни Наврӯз ва дар сатҳи давлатӣ эътироф шудани он дар бисёр кишварҳо гувоҳӣ медиҳад. Дар арсаи байналмилалӣ мақоми баланд доштани ин ҷашн ва дар сатҳи ҷаҳонӣ эътироф гардидани онро шомил шудан ба Феҳристи мероси башарию фарҳангии ЮНЕСКО дар соли 2009 шаҳодат медиҳад.

Калидвожаҳо: *Наврӯз, фарҳанг, идона, маросимӣ, ҷашни баҳор, ғизои суннатӣ, расму ойинҳо, анъана, суманак, бозиҳои мардумӣ, ҷаҳидан аз болои оташ.*

NAVRUZ IN CULTURE OF CENTRAL ASIAN PEOPLE: THE HISTORY AND NOW

In the article, the author considers the problem of the emergence of the Navruz holiday and the preservation of the traditions of its celebration in the modern culture of the peoples of Central Asia. The author notes the ancient Iranian origin of the holiday and notes that over time, its celebration went beyond the ancient Iranian environment and became widespread among many peoples of Central Asia, the Middle East, the Caucasus and other regions.

The study of the ritual and ceremonial practice of the Navruz holiday in Central Asia allows us to note not only the specifics of the celebration of one people, but also to identify, on the basis of a comparative analysis, a complex system of cultural relationships between peoples that has historically developed in this region. Conducting a comparative analysis of materials on the celebration of Navruz among individual peoples of Central Asia, we can state the similarity of the main features of their festive and ritual activities. Tajiks, Uzbeks, Afghans and Uighurs were especially close to the celebration traditions, and this was manifested in the use of important attributes of the New Year celebration. At present, the Navruz holiday occupies an important place in the modern culture of the Central Asian peoples. This is evidenced by the surviving significant part of the traditions and rituals associated with the Navruz holiday and its recognition at the state level in many countries. The high status of this holiday is also evidenced by its recognition at the world level - its inclusion in the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of UNESCO in 2009.

Key words: *Navruz, festive and ritual culture, spring holiday, ritual food, traditions, rituals, sumalak, folk games, jumping over fire.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Умарова Зарина Хочамаҳмадовна - номзади илмҳои таърих, дотсенти кафедраи фарҳангшиносии Донишгоҳи славянии Русия ва Тоҷикистон. Суроға: Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, кӯчаи Мирзо Турсунзода, 30. E-mail: umarova-zarina@mail.ru. Телефон: (+992) 227-55-73.

Information about the author: Umarova Zarina Khodjamahmadovna - the candidate of History sciences, assistant professor of culture study chair of Russian-Tajik (Slavonic) University. Address: 30, Murso Tursunzade street, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan, E-mail: umarova-zarina@mail.ru, Telephone: (+992) 227-55-73.

ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОБЫЧИ КАМЕННОГО УГЛЯ И НЕФТИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

МУХИДИНОВ С. Р., АРТЫКОВ А. А.,
Российско -Таджикский (Славянский) университет

Во второй половине XIX в. после завоевания края и присоединения Средней Азии к России, уже на начальном этапе русские капиталисты обратили внимание на изыскание природных богатств региона. В это время, если главный вопрос стоял в выращивании и доставке хлопка-сырца для текстильной промышленности Российской империи, другим вопросом стало изучение природных богатств Средней Азии, что привлекло пристальное внимание со стороны русских дореволюционных исследователей. Благодаря этим исследованиям на территории Туркестанского края начались геолого-разведывательные работы по изысканию каменного угля и нефти. Разработка каменного угля стало одним из приоритетных направлений даже у администрации Туркестанского генерал - губернаторства. Дело в том, что администрация генерал-губернаторства остро нуждалась в твердом топливе для паровых судов Аральской флотилии.

По мнению горного инженера А. П. Михайлова, «энергичное и систематическое исследование в научно-горном отношении продолжалось не более 10 лет и должно быть отнесено к 70-м годам, а затем в 1883 году оно совершенно прекратилось, так как в крае остался один инженер. Понятно, что для исследования такого громадного района как Туркестанский край участвовали выдающиеся ученые как И. В. Мушкетов и Г. Д. Романовский, хотя не привожу других имен, но не могу сказать, что каждый из работавших здесь внес свою лепту в общую сокровищницу науки [6,324].

Принимая во внимание короткий период работ, несмотря на трудности, нужно только удивляться достигнутым результатам, богатому и разнообразному собранному материалу. Следует отметить, что труды И. В. Мушкетова «Туркестан» [8] и Г. Д. Романовского «Материалы для геологии Туркестанского Края» стали настольными книгами для всех занимающихся в этой области.

По сведению П. П. Иванова еще в 60-70-е гг. XIX века каменный уголь в Кокандском ханстве добывался по распоряжению Худаярхана в верховьях р. Нарын, по правому берегу р. Аксу, откуда его доставляли в город Коканд. В горах между Сохом и Исфарою, в Ходженте в горных селениях Багистан, Сазак и Накая значительное место занимала разработка железной руды. Каменный уголь, по-видимому, совсем не пользовался вниманием. В литературе известен только один случай, когда двое бежавших из России татар доставили некоторое количество каменного угля для плавки железной руды, добываемой в районе Ходжента и Ура-тубе [2,52].

Постепенно этот вопрос перешел на первый план. Начались изыскания месторождений угля. Таким образом, первые месторождения каменного угля были найдены в 1867-1868 гг. в окрестностях Ходжент (ныне Ходжент). Месторождения находились в 40 км от города в урочище Кокин-Сай. Разработка и добыча угля здесь была весьма выгодной, и в 1868 г. к разработке этого месторождения приступил сам комендант города Ходжента полковник П. Г. Фавицкий [15,89].

Заявка об открытых, при помощи туземцев, залежей каменного угля, сделана

в 1868 году и в том же году приступили к разработке каменного угля в Кокин-сай. О достоинстве каменного угля копи полковника П.Г. Фавицкого, нельзя сделать вполне точного заключения, так как они не были исследованы. Перевозка каменного угля была неудобна, так как путь проходил через перевал гору Шарикты [13,167].

Например, в каменноугольных копиях П. Г. Фавицкого в окрестностях Ходжента с 1868 по 1871 гг., было добыто 105,000 пудов угля, впоследствии, в виду неприязненных действий с Кокандским ханством, эксплуатация этих копей, представлявших весьма выгодные условия для разработки, была в 1875 году надолго прекращена. Таковы были первые успехи каменноугольного дела в Туркестане, успехи, выяснившие полную возможность, его развития, но быстро заглохшие вследствие отсутствия знаний, средств, плохих путей сообщения и других неблагоприятных условий. После довольно продолжительного периода, в течение времени разработка каменного угля велась, сравнительно в небольших размерах. С проведением железных дорог и оживлением промышленной жизни края возбудился интерес и к каменноугольному делу. Старые копи перешли к другим владельцам, были открыты новые месторождения, появились энергичные предприниматели, и добыча каменного угля стала быстро возрастать [11,542].

К началу работ, по желанию полковника П. Г. Фавицкого, были присланы с казенной Татариновской копи Иванин и два чернорабочих. Начальные работы проведены были не совсем правильно, в ущерб прочности последующих выработок. Для работы в каменноугольных копиях нанимались кыргызов и сартов из окрестных местностей. Работа в каменноугольных копиях ведется только днем и не превосходит 8 часов в летний и 7-ми часов в зимний день [13,168].

Итак, в течении четырех лет работы, из копи добыто 105,000 пудов каменного угля. По годам количество это выражается следующими цифрами: в 1868 году добыто 14,000 пудов, 1869 - 23,000 пудов; 1870 - 29,000 пудов; и в 1871 - 39,000 пудов. Средняя добыча каменного угля в день на человека составляла: в 1868 году 8 пудов, в 1869 г. -20 пудов, в 1870 г. -24 пуда, и в 1871 году 28 пудов. В первый год работы заключались в разведках и изысканиях [13,168].

Несмотря на это, потребность к «черному золоту» была высокая. Работы производились: в 1868 году 3 месяца, с 1 августа по 1 декабря, в 1869 г. за 3 месяца с 1 марта по 15 июня, в 1870 г., 3 месяца, с 1 февраля по 1 мая и в 1871 г. 2 месяца с 1 апреля по 15 июня. Численность рабочих привлеченных для работы в каменноугольных копиях: в 1868 году составила 1750 человек; в 1869 г. 1150 чел. в 1870 г. - 1325 чел. и в 1871 году 1420 чел. В это число не включены рабочие из числа: поваров, хлебопекарей, кузнецов, плотников и сторожей [13,169]. Согласно вышеперечисленным данным число рабочих сократилось.

Добываемый каменный уголь с копи сбывался в первые два года исключительно в Ходжент частным лицам, на шелкомотальную фабрику Хлудова и в войсковые части. С 1870 г. началась поставка каменного угля для войсковых частей, расположенных в Ходженте, Нау и Ура-тубе. В 1870 году был заказ для Аральской флотилии 16.000 пудов. Заказы администрации Туркестанского генерал-губернаторства дали возможность к существованию копи, потому что частные заказы были слишком незначительны и неопределенны. Следует отметить, что туземцы предпочитали дрова, потому что при отсутствии печей в их жилых помещениях, в холодное время года они нагревают свои жилища древесным углем, для которых каменный уголь непригоден [13,169]. Конечно, важным звеном до-

ставки угля была их доставка.

Перевозка каменного угля производилась вьючно на верблюдах и лошадях, так как часть пути с крутыми подъемами и спусками была неудобна для колесной перевозки. При этом на верблюде вьючат 14 пудов, а на лошадь 8 пудов. Неудобство и невыгоды этого способа перевозки каменного угля вполне были осознаны. При вьючной перевозке в шерстяных мешках или капах, уголь падал на землю и размельчался. Кроме того, так как крупные куски угля неудобно укладывались в мешках и капах, они рвались, то возчики не редко умышленно измельчали уголь, разбивая крупные куски его камнем. Провоз вьючно обходился с пуда: до Ходжента и Нау - 12 коп.; до Ура-тюбе - 20 коп.; до урочища Ирджар - 23 коп. Рабочий день оплачивался - 4.0 коп. и на продовольствие его 25 коп. [13,170]. В дальнейшем важное место, имело геолого-разведывательные работы угольных месторождений.

По сведениям ученых, поиски полезных ископаемых, в частности на территории Ходжентского уезда, производились при помощи местных жителей, которым давались образцы руд и материалов, с которыми они приступали к поиску. Это был самый выгодный способ разведки [7, 322].

Заявка об открытых, при помощи туземцев (местных), залежах каменного угля была сделана в 1868 году, и в этом же году приступили к его разработке. По данным графа К. К. Палена первые месторождения угля были обнаружены в 32 верстах (34 1376 км.) на юге от железнодорожной станции Драгомирова и в 7-ми верстах (7.4676 км.) на юго-востоке от Сулюктинского ущелья, недалеко от оврага Танги-Баши. Местность была насыщена угленосными осадками и тянулась на 20 верст (21.336 км.) на восток и охватывал ущелье Кокин-сай. Уголь обнажается у Танги-Баши на северо-западном склоне гор. Порода, содержащие пласты угля состоят из нижеследующего:

1) серая плотная сланцеватая глина, составляющая подошву угольного пласта;

2) пласт угля мощностью в 91/2 аршин (6.4008 метр), состоящий из двух частей: верхней в 8 аршин (5.6896 метр) толщины, из матово - однородного угля, и нижней в 11/2аршина (0.7112 метр) толщины угля, блестящего с раковистым изломом;

3) кровлю угля составляет свита тонких поропластов мергеля, глины и лигнита, и сланца;

4) над ними залегают чередующиеся пласты разноцветных глин песчаников и конгломератов. Вся эта свита, имеющая простирание с юга и юго-запада на север и северо-восток, изогнута по простиранию в несимметричную укладку, северо-западное крыло которой падает под углом в 14°, а противоположное юго-восточное имеет падение очень крутое, переходящее в 90° [12, 36].

Во время осмотра копи выработками было захвачено поле по простиранию на 180 саж. (384.048 метра) и поперек на 85 саж. (181.356 метр). В 400 саж. (853.44 метр) на северо-восток от указанных работ по простиранию пласта на северо-восточном склоне горы заложена шахта в 25 саж. (53.34 метр) глубины, которую пересекал тот же пласт, разрабатывающийся по другую сторону горы. Так как этот же пласт был обнаружен еще некоторыми шурфами, как по простиранию, так и падению, то можно считать полосу в 500 саж. (1.0668 км.) длиной и в 100 саж. (213.36 метр) шириной, разведанной. Если же к этому добавить, что переживов в пласте угля нигде не наблюдалось, то запас угля в разведанном простран-

стве можно считать равным 75 млн. пудов (1.229×106 тонна), из которых около 5 млн. (81 902.5 тонна) уже добыты. Этот уголь, как и другие угли края, имел характерное свойства, то есть рассыпчатый и при добыче 30% дает угольного мусора. Имел и другие характеристики, например, влаги – 10.95%, летучих веществ – 28.32, твердых веществ – 55.85, золы – 4.88, серы – 0.17. Теплопроизводительная способность по Бертэ – 6954 калорий [12,37].

При разведывательных работах изыскание месторождений угля кроме Ходжентского уезда проводились и на других территориях края.

В северных районах, кроме Ходжентского уезда, большие залежи каменного угля были обнаружены в Исфаринской волости. Месторождение угля располагалось западнее Исфары в местечке Шураб. Добыча угля здесь началась в 1892 году. По сути, Шураб в то время составлял основу горнодобывающей промышленности Таджикистана и добыча угля здесь к 1912 г. была доведена до 28 тыс.тонн [5, 42-43].

Качество и свойство каменного угля также имели немаловажное значение при их применении. Уголь отличался теми же свойствами, что и Сулюктинский. Например, северная часть месторождения была покрыта меловыми отложениями, из-под которых в средней части выступала свита угленосных юрских пластов, примыкавших на юге к палеозойским известнякам. За недостаточностью разведочных работ, подсчитать запасы угля в этом районе не представлялось возможным. Несколько дальше на севере между двумя вышеприведёнными пунктами также был открыт слой каменного угля.

Уголь разделялся при грохотке на 4 сорта, крупный – ручной отборки, продавался по 15 коп., а три других сорта – по более низкой цене. Часть угля была продана в Ходженте по цене 12 коп [7,40].

В гористых местностях вблизи Ходжента, в Кокин-сае добывается каменный уголь, который вообще встречается довольно часто в горах, соседних с Ташкентом, и в хребтах Ферганской области. Например, устроенный близ Ходжента стеклянный завод Иванова исключительно использовал каменный уголь собственных копей [5, 37-38].

Надо отметить, что выработка была незначительна из-за отсутствия путей сообщения или средств перевозки, потому что от угольной копи шла только горная тропа, по которой с трудом проходила лошадь, а с грузом было еще тяжелее.

В 51/2 верстах от копи Иванова на восток действовали ещё две угольных копи. Но обе они залежались на склоне очень крутого обрыва. На первой из них работы были начаты с 1889 года и продолжались только для удержания отвода. На этой копи было всего выработано около 2 миллионов пудов (32761,3 т) угля, но уголь был прекрасного качества, то есть блестящий и матовый [12, 41]. Таким образом, обе копи из-за невозможности конкуренции с другими копиями, почти прекратили выработку угля [9, 237]. В дальнейшем такой же антрацитовидный уголь был найден в десяти верстах от города Ура-тюбе и в 20 верстах (21,336 км) от ст. Хилково Среднеазиатской железной дороги. Угленосными породами являются кремнистые сланцы, имеющие широтное простирание и падение на север под углом в 60^0 , рабочий пласт – мощностью в 2 сажени (3,6576 м) [9,237].

В работах исследователей также имеются сведения о рабочих из числа местного населения.

На угольных копиях рабочую силу составляли в основном киргизы – 107 человек, также – 2 казанских татарина, и 100 русских, в том числе 4 забойщика и 4 ма-

стеровых. Киргизы зарабатывали от 80 коп. в день зимою и 2 рубля летом, русские забойщики получали от 40 рублей в месяц, а служащие – от 35 до 50 рублей в месяц. А заведовали работами два штейгера (мастер, ведающий рудничными работами). Расчёт с медицинской помощью была всего лишь аптечка и перевязочные средства [12,38].

Другим районом изыскания каменного угля на территории современного Таджикистана являлось верховье Зеравшана. Первые изыскания здесь проводились ещё вовремя Искандеркульской экспедиции в 1870 году. Ее участниками были обнаружены значительные пласты каменного угля и железной руды в верховьях реки Ягноб и окрестностях крепости Сарвода [8]. В этих местах были выявлены огромные запасы каменного угля.

Уже в начале XX в. месторождения каменного угля также были обнаружены в близи кишлаков Кштут и Кулика. Также в Зеравшанской долине были обнаружены месторождения меди. Здесь русские промышленники начали строить медеплавильный завод, но по ряду причин дело не было доведено до конца.

Согласно статистическим сведениям Горного департамента положение горного дела в Туркестанском каре на рубеже XIX века находилось на очень низком уровне. Об этом свидетельствует горный инженер А.П. Михайлов который в своей статье отмечает, что «предоставить же горное дело развитию времени и естественно-слагающимся обстоятельствам, не способствуя и не предпринимая мер к исследованию недр страны в научно-практическом направлении со стороны правительства, при слабой частной инициативе русских, значит оставлять на произвол не только эту отрасль, но и весь экономический строй края» [6, 322].

По мнению А. П. Михайлова, «оставляя край без обрабатывающей промышленности, Туркестан со всеми природными богатствами будет малопродуктивным для России. Прежде чем вступить на путь, создать обрабатывающую промышленность и мануфактурно-заводскую деятельность, а также сеть дешевых железных дорог, необходимо возникновение горного дела или, по крайней мере, некоторых его отраслей, железной и каменноугольной. Такое последовательное развитие экономического строя может быть названо естественным, согласным с природою, при чем он способен удовлетворить разнообразным способностям человеческой деятельности, и кажется, что в Туркестанском крае есть все задатки для осуществления подобного положения дел» [6, 623-624].

Нефтяные месторождения Туркестана были расположены главным образом в 2-х районах: в Закаспийской области (западной ее части) и в Фергане. С 1882 по 1924 год на всех нефтяных промыслах Туркестана (включая и о. Челекен) было добыто 1.850.893 тонны нефти. С 1914 года действовали лишь три наиболее крупные промыслы: «Челекен», «Чимион» и «Санто» [10, 92].

Ташрабатское месторождение было расположено в 22 км к юго-востоку от станции Ходжент. Выходы нефти расположены к северо-западу от кишлака Моргун, в местности Базала-сай и находились в 3-х саях. Здесь имелись антиклинальная складка с замкнутым на небольшом пространстве сводом. По данным Калицкого, Ташрабатское месторождение заслуживает изыскание разведок [10,101].

Минеральные богатства Туркестана весьма разнообразны, но исследованы лишь в общих чертах, и разработка их в скольких-нибудь значительных размерах началась лишь в последние годы, когда успешная добыча нефти, каменного угля и медных руд в некоторых местностях края обратила всеобщее внимание на горное дело в Средней Азии [11,539].

Только с проведением железных дорог вновь возникли угольные копи: появился новый потребитель в лице железных дорог, и облегчились транспортные условия для перевозки к местам потребления (флот, города и промышленность). Добыча каменного угля стала, быстро возрастать. Рост добычи каменного угля в Средней Азии, как и нефти, происходил с большими колебаниями [1,287].

Разработка нефтяных запасов Средней Азии русскими промышленниками началась еще в период Кокандского ханства (с 1868 года).

Нефть была известна в некоторых районах Туркестана уже очень давно, но добыча ее ограничивалась применением вычерпываемой из ям сырой нефти в качестве лекарства при чесотке и ревматизме, а отчасти в сапожном деле, [11; 540] использовалось отчасти для целей освещения и торжественных иллюминаций.

В пределах Кокандского ханства, находится местность Май-булак (масляный источник), весьма изобильная нефтяными ключами и колодцами. Надобно заметить, что нефть известна в Кокандском ханстве еще с давних времен ее добывали калмыки, некогда господствовавшие здесь, а затем и сарты стали употреблять нефть, преимущественно, как лекарство при чесотке, болезни, весьма распространенной между туземным населением. Кроме того, сарты умели» готовить из нефти асфальт, но употребляли его единственно для своих сапожных изделий. Сарты получили асфальт, выпаривая горное масло в чугунных котлах. Кроме нефти, весьма чистой и хорошего качества, на приисках Кокандского ханства добывался также и горный воск или - нефтедегиль. До этого времени нефтедегиль известен был только в Галиции, Молдавии, на берегах и островах Каспийского моря. Нефтедегиль найден в Май-булаке. Сарты добывали его из глинисто сланцевой горы, и он был известен им уже больше 40 лет, под называвшим сарык-мум. Впрочем, нефтедегиль добывался в весьма ограниченном количестве, в продаже довольно дорог, употреблялся для сапожных изделий и для выделки свеч. Сарык-мум немного мягче желтого воска и имел легкий запах горького масла цвет его желтоватозеленый, в излом бледножелтый, плавится при 50° температуры. Нефтедегиль, конечно, имел гораздо меньшее распространение, чем керосин и даже простая нефть, но и его не забывали при перечислении минеральных богатств здешней местности [3,179-180].

Разработка нефтяных месторождений в Ферганском районе началась русскими промышленниками еще в 1868 году при существовании Кокандского ханства. К числу наиболее известных месторождений нефти в кокандских владениях относилась долина реки Исфары, около Канибадама и Май-Булака, в 40 км. от г. Намангана, где началась добыча нефти русскими купцами Федоровым [2, 53]. Хлудовым, Захо, Громовым [11; 540], получившим концессию у кокандского хана.

В 1868 году ташкентский купец Федоров получил дозволение от Кокандского правительства на разработку Май-Булакских источников нефти, для приготовления керосина и асфальта, с уплатою за это в пользу хана одну десятую часть из вывозимого с места разработки добытого материала. Это единственная пошлина кроме этого в кокандских владениях пошлин не взималось [3,180].

Способ добывания нефти туземцами, конечно, был самый первобытный, нефть (горное масло), просачивающаяся из известняка в виде капель, вместе с соленою водою, насыщенною сернистым водородом, падал с водою же в нарочно вырытые для этого канавы (колодцев), где нефть собиралась на поверхности воды. Вода через сделанные канавы отверстия, стекала в речку, нефть же собирали вениками из горной полыни. Таким способом собиралась нефть до шестидесяти

ведер в сутки из одного ключа [3,182].

Нефть здесь перегонялась и в таком уже виде продавалась на кишлачных ба-
зарах по 1р. – 1р.60 к. за пуд. Путем вываривания нефти в котлах население Ко-
кандского ханства добывало также асфальт, употреблявшийся для сапожных це-
лей [2,53].

Несмотря на такое выгодное условие, дело разработки нефти шло очень мед-
ленно, главною причиною неуспеха было то, что оно начато и велось неправиль-
но и, хотя затрачена была большая сумма денег, вырыто более 30 колодцев раз-
личной глубины от 2-х до 10-ти сажень, но колодцы эти почти все завалились и
нефти добывалось из них самое незначительное количество. На нефтяных источ-
никах построили завод для гонки из нефти керосина, но завод этот очень бедный,
к этому присоединялось еще то неудобство, что завод был построен на месте, где
чувствуется часто недостаток в воде, ибо хотя завод построили на речке, называ-
емой Улькан-сай, но река в летнее время пересыхает [3,180].

Нефтяной прииск, устройством керосинного завода, пишет И.О. Краузе ле-
жит от Май-булака, по прямому направлению к востоку. Прииск, где находится
керосинный завод, называется Майли. Он лежит при речке Майли-дарья (масля-
ная река), впадающей в Нарын [3,181-182].

Вследствие же дороговизны доставки и других неблагоприятных условий для
разработок, эти предприятия вскоре были оставлены. Только с проведением же-
лезной дороги расширяются разведки и само производство. В 1900 году группа
инженеров во главе с инженером путей сообщения Ковалевским приступила к се-
рьезным разведкам в Ферганской области [1,284-285].

В 1903 г. на площадке «Селроха» (русло селевого потока) в Канибадамском
районе, с глубины 248 м. наружу вышел фонтан нефти высокого качества, что по-
служило началом нефтепоисковых работ на территории Ходжентской губернии.
В 1913 г. на всей территории губернии уже было выявлено более 10 месторожде-
ний нефти. В результате, промышленных предприятий стало более 29, в том числе
11 по добыче нефти, каменного угля и озокерита, 8 хлопкоочистительных устано-
вок, 4 небольших предприятия по добыче соли, 2 винодельческих завода. Среди
них самым крупным предприятием являлся нефтепромысел, на котором работали
156 рабочих и специалистов, а во всех названных предприятиях работало 838 чел.
по другим источникам в 1913 г. во всей промышленности края было занято 200
чел. [17,78-79].

Эти предприятия, вместе взятые, именовались «Среднеазиатское нефтяное
товарищество» («САНТО»). Его организовал Суханов, который разработал и
установил нефтяные скважины. В результате, в 1909 г. увеличился объем добычи
нефти. К 1915 г. производство нефти с 18-19 тыс., увеличилось до 19,1 тыс. тонн.
Эти предприятия работали на дизельной электрической установке мощностью 40
кВт/ч. А население других зон Таджикистана, особенно горных районов, не имело
представления об электричестве [17,79].

С начала XX века в нефтяную промышленность и каменноугольные копи
Средней Азии начал проникать иностранный капитал. Здесь также было сращи-
вание промышленности с банками, образование акционерных обществ, монопо-
листических объединений и влияние иностранного капитала. При участии рос-
сийского капитала в Туркестане возникали такие товарищества, как Давыдовское
акционерное общество «Туркестанских каменноугольных копей» с основным ка-
питалом в 1 млн. руб., Туркестанское горнопромышленное товарищество «Князь

Гагарин и Гайденов», Русское товарищество «Нефть», нефтепромыслы «Вл. Алексеев», «Риштан» и др. Только за 1913-1915 гг. русские предприниматели вложили в горнозаводскую промышленность 18 млн. руб. В 1906 году при образовании Кштутских каменноугольных копей был вложен капитал русских промышленников в 2 млн. руб [14,291-292].

В промышленность Туркестана, несмотря на ограничительные меры царского правительства, активно проникал иностранный капитал. С помощью немецкого капитала образовалось «Туркестанское общество каменноугольной и горной промышленности» (Кштутские копи). Английский капитал был допущен в горнодобывающую промышленность Туркестана с официального разрешения царского правительства. Идя на такие уступки английским нефтепромышленникам, царские власти хотели воспрепятствовать стремлениям к монополизации туркестанской нефти фирмой «Нобель» [14, 293].

Что касается употребления электроэнергии, то в промышленных городах Ходжентского уезда первые дизельные электростанции, сооруженные ещё в 1894 г., 1904 г. мощностью 48 кВт, использовались лишь для освещения административных зданий, жилищ русских чиновников и больниц [17,78].

Кроме Российской империи нефтяная отрасль в Средней Азии привлекала внимание иностранного капитала. Сюда направил свои капиталы известный нефтепромышленник Нобель, который зависел от немецкого финансового капитала. Развитие нефтяной промышленности Средней Азии происходило с большими колебаниями и носило застойный характер. По утверждению специалистов, слабое развитие нефтяной промышленности в Средней Азии объясняется не «истощением» и «недостатком» нефти, а теми социальными отношениями, которые возникли при эксплуатации нефтяных ресурсов. Почти до самой империалистической войны происходила ожесточенная борьба между фирмой Нобеля и нефтяными обществами Ферганы «САНТО» и др., которые находились под влиянием фирмы Лианозова финансируемое французским капиталом через Русско-Азиатский банк. Нобель стремился вытеснить из Туркестанского рынка своих конкурентов, продавая нефтепродукты по низким ценам [1,286].

Благодаря господству англо-франко-русского треста «Russian general oil corporation», который по отношению к туркестанской нефти вела ограничительную политику, на Среднюю Азию смотрели, как на рынок сбыта кавказской нефти, а не как на производящий район. Этими причинами и объясняется слабое развитие нефтяной промышленности в Средней Азии [1,286].

Таким образом, после завоевания и присоединение Средней Азии к России наблюдалось проникновение русского капитала в развитие в каменноугольной и нефтяные промыслов края. Русскими промышленниками была начата добыча нефтяной запасов Средней Азии и участие иностранного капитала в разработке промысла. Необходимо отметить, что разработка месторождений угольных копей и добыча нефти в Туркестанском крае в исследуемый период проходило медленно.

Причинами этому являлись плохие и недостаточные пути сообщения, удаленность и малая исследованность края, дороговизна орудий производства работ, а потому и разведок, отсутствие местных капиталистов и равнодушие российских капиталистов, наконец, запрещение иностранцам заниматься горным промыслом в крае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алкин И. Средняя Азия. Экономико-географический очерк Кара-Калпакистана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. - Часть I. - М., 1931. - 389 с.
2. Иванов П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. - Л., 1932. - 79 с.
3. Краузе И. О нефтяных источниках в Коканском ханстве // Русский Туркестан. Сборник изданный по поводу политехнической выставки. - Вып. 2. статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. - М., 1872. - С. 179-182.
4. Махмадов У. Д. История изучения природных ресурсов Таджикистана в 20 – 30 - е годы XX в.: дисс. канд. исторических наук. - М., 2020 - 174 с.
5. Марков Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. - СПб., 1901. - Том. 2. - 516 с.
6. Михайлов А. П. Заметки о горном промысле в Туркестане и некоторых бухарских бекствах // Горный журнал. - 1895. - № 9 (сентябрь). - СПб. - 1895 г. - С. 322-329.
7. Мышенков Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции к верховьям Зеравшана // Туркестанский вестник. - 1870, - № 8, от 15 августа.
8. Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орфографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г. - СПб., 1906. - Том II. - 348 с.
9. Мушкетов Д. И. Геологический очерк Туркестана. - Л., 1928. - 162 с.
10. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Туркестанский край. - Т. 19 / Под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского. - СПб., 1913. - 861 с.
11. Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Горное дело. - СПб., 1910. - 362 с.
12. Сведения о каменноугольной копи полковника Фавицкого по Ходжентском уезду // Русский Туркестан. Сборник изданный по поводу политехнической выставки. - Вып. 2. статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. - М., 1872. - С. 167-170.
13. Соколов В. В. Туркестанский край в составе Российской империи: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития (вторая половина XIX – февраль 1917 г.): дисс. доктора исторических наук. - М., - 2002. - 526 с.
14. Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей. - Д., Дониш, - 1990. - 298 с.
15. Фавицкий И. Г. Сведения о каменноугольной копи // Туркестанский сборник. - Т. 57. - С. 353-356.
16. Хусайнов А. К. Формирование и развитие топливно-энергетического комплекса Таджикистана (1929-2010 гг.): дис. д-ра исторических наук. - Душанбе, 2019. - 370 с.

ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОБЫЧИ КАМЕННОГО УГЛЯ И НЕФТИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы исследования добычи каменного угля и нефти в Средней Азии во второй половине XIX века. В этот период впервые каменный уголь добывался в Кокандском ханстве и окрестностях Ходжента. Перевозка каменного угля производилась вьючно на верблюдах и лошадах. Каменноугольные месторождения были обнаружены также в Исфаре, Ура-Тюбе и Верховьев Зеравшана. А нефтяные месторождения были расположены в Закаспийской области и Фергане. Разработка нефтяных запасов Средней Азии русскими промышленниками осуществлялся ещё в период Кокандского ханства. Способ добывания нефти туземцами был самый первобытный. Появились крупные предприятия нефтепромысел «САНТО», «Нефть», «Князь Гагарин и Гайденов» и др. В нефтяную отрасль в Средней Азии проникла также иностранный капитал немецкого нефтепромышленника Нобеля, англо-французский русский трест и др.

Ключевые слова: добыча, каменный уголь, нефть, Средняя Азия, Кокандское ханство, Ходжент, месторождения, копи, туземцы, иностранный капитал, примитивный, перевозка каменного угля, использование.

МАСЪАЛАҲОИ ОМУӢИШИ ИСТИХРОҶИ АНГИШТ ВА НЕФТ ДАР ОСИӢИ МИӢНА ДАР НИМАИ ДУЮМИ АСРИ XIX

Дар мақола масъалаҳои таҳқиқоти истихроҷи ангишт ва нефт дар Осӣи Миёна дар нимаи дуюми асри XIX баррасӣ шудааст. Дар ин давра аввалин бор дар хоки Хуканд ва наздикии Хучанд ангишт истихроҷ карда шуд. Интиқоли ангишт бо уштуру аспҳо сурат мегирифт. Дар Исфара, Уротеппа ва болооби Зарафшон низ конҳои ангишт кашф карда шуданд. Конҳои нафт дар минтақаи Закаспий ва Фарғона ҷойгир буданд. Азхудкунии захираҳои нафти Осӣи Миёна аз ҷониби кормандони саноати рус ханӯз дар давраи хонигарии Хуканд анҷом дода мешуд. Усули

истихроҷи нафт аз ҷониби мардуми маҳаллӣ усули ибтидоӣ буд. Корхонаҳои калони кони нафти «САНТО», «Нефт», «Княз Гагарин ва Гайденов» ва ғайраҳо пайдо шуданд. Ба саноати нафти Осиёи Миёна сармояи хориҷии нафтии олмон Нобел, трести Англияю Фаронса, Русия ва ғайраҳо низ дохил мешуд.

Калидвожаҳо: *истихроҷ, англишт, нафт, Осиёи Миёна, хонии Хуқанд, Хучанд, конҳо, бумӣ, сармояи хориҷӣ, ибтидоӣ, интиқоли англишт, истифода.*

ISSUES OF STUDY OF COAL AND OIL MINING IN CENTRAL ASIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The article deals with the research issues of coal and oil production in Central Asia in the second half of the 19th century. During this period, for the first time, coal was mined in the Kokand Khanate and the vicinity of Khujand. Transportation of coal was carried out by pack on camels and horses. Coal deposits were also discovered in Isfara, Ura-Tyube and the Upper Zeravshan. And oil fields were located in the Trans-Caspian region and Fergana. The development of the oil reserves of Central Asia by Russian industrialists was carried out back in the period of the Kokand Khanate. The method of extracting oil by the natives was the most primitive. Large oilfield enterprises such as «SANTO», «Neft», «Prince Gagarin and Gaidenkov» and others appeared. The foreign capital of the German oilman Nobel, the Anglo-French Russian trust, and others also penetrated into the oil industry in Central Asia.

Key words: *mining, coal, oil, Central Asia, Kokand Khanate, Khujand, deposits, mines, natives, foreign capital, primitive, transportation of coal, use.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Муҳидинов Саидалӣ Раҷабович** - доктори илмҳои таърих, профессори кафедраи таърихи умумӣ ва миллии Донишгоҳи Русияву Тоҷикистон (Славянӣ) (РТСУ) (Ҷумҳурии Тоҷикистон). Телефон: (+992) 93-521-92-74. Почтаи электронӣ: raja1956@mail.ru

Ортиқов Абдурафиқ Абдурахмонович - номзоди илмҳои таърих, дотсенти кафедраи таърихи умумӣ ва миллии Донишгоҳи Русияву Тоҷикистон (Славянӣ) (РТСУ) (Ҷумҳурии Тоҷикистон). Телефон: (+992) 907-98-61-71. (+3772) 227-47-56. Почтаи электронӣ: rafick_rtsu@mail.ru

About the authors: **Mukhidinov Saidali Radjabovich** - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General and National History of the Russian-Tajik (Slavic) University (RTSU) (Republic of Tajikistan). Phone: (+992) 93-521-92-74. E-mail: raja1956@mail.ru

Artykov Abdurafik Abdurakhmanovich - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General and National History of the Russian-Tajik (Slavic) University (RTSU) (Republic of Tajikistan). Phone: (+992) 907-98-61-71. (+3772) 227-47-56. E-mail: rafick_rtsu@mail.ru

УДК - 338 (575.3) (09)

ЗАМИНАҲОИ ИҶТИМОӢ - ИҚТИСОДИИ ТАШКИЛИ КОЛХОЗ ВА СОВХОЗҶО ДАР ТОҶИКИСТОНИ ШӢРАВӢ

АБДУРАШИТОВ Ф. М.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Дар солҳои аввали ҳокимияти Шӯравӣ ислохоти институтсионалии соҳаи кишоварзӣ аҳаммияти бузург дошт ва дар заминаи таҳкими мавқеи табақаҳои дорои аҳоли, Ҳукумати Шӯравӣ ба як масъалаи ниҳоят зарур - ин ҳам бошад муттаҳид кардани пролетариати деҳот дучор гашт. Аз ин рӯ, бо ташаббус ва тахти роҳбарии Ҳизби коммунисти Туркистон дар заминаи хоҷагиҳои деҳқонӣ раванди ташкили Иттифоқи Қўшчӣ (Паҳарӣ) оғоз ёфт [4, 70]. Иттиҳод барои ҷамъиятикунонии деҳа, муттаҳидсозии тамоми деҳқонон ба як созмони ягона бо мақсади ҳалли масъалаҳои сиёсӣ иҷтимоӣ-иқтисодӣ пешбинӣ шуда буд.

Аввалин иттиҳодияҳои деҳқонони камзамин ва безамин дар уезди Хучанд таъсис дода шуданд. Моҳи апрели соли 1921 дар Анҷумани яқум сабти ташкили Иттифоқи Қўшчӣ баргузор шуд [1, 31]. Пас аз он шуъбаҳои хурди ибтидоии иттифоқӣ дар Унҷӣ, Қистакўз, Нов ва дигар волостҳои уезди Хучанд, волостҳои Исфара ва Конибодомии уезди Хуқанд пайдо шуданд. Дар ҳамаи ин ноҳияҳо дар нимаи

соли 1921 ҳамагӣ 29 шуъбаҳои хурди ибтидоии мавҷуд буд, ки беш аз 5 ҳазор нафар узв дошт. Баҳори соли 1921 дар уезди Уротеппа 13 шуъбаҳои хурди ибтидоии Қўшчӣ ташкил гардид, ки то 5,5 ҳазор узв дошт [2,89]. Аммо баъдан, бо сабаби ғаёл шудани ҳаракати босмачигарӣ, баъзеи онҳо муваққатан пароканда шуданд.

15 март соли 1922 Кумитаи марказии иҷроияи ЧМШС-и Туркистон «Низомнома дар бораи Иттифоқи Қўшчӣ»-ро қабул карда, Иттифоқи касбӣ-сиёсии оммаҳои пролетарӣ ва нимпролетарии деҳотро эълон кард. Мувофиқи Низомнома, вазифаи асосии сиёсии Қўшчӣ ин ҷалб кардани камбизоатон дар сохтмони низоми Шӯравӣ ва мубориза бо ҳама шаклҳои зулму истибдод буд. Вобаста ба вазифаҳои иқтисодӣ, инчунин дигар вазифаҳои навбатии ин соҳа бо роҳи татбиқи мустақими барномаи озуқаворӣ ва хоҷагидорӣ буд, ки он ҳамзамон баланд бардоштани сатҳи некуаҳволии кормандонро муайян мекард.

Бояд қайд кард, ки дар шимоли Тоҷикистон Иттифоқи Қўшчӣ дар як муддати кӯтоҳ ба ташкилоти аз ҳама бузургтарин табдил ёфт. Ҳамин тавр, Анҷумани I уездии Қўшчӣ, ки 20 июни соли 1923 баргузор гардид ва 100 нафар вакилонро аз тамоми ташкилоти маҳаллӣ ҷамъ овард, дар таҳкими иттиҳод дар уезди Хучанд нақши назаррасро бозид. Анҷуман ба рушди истехсоли пахта таваҷҷуҳи махсус дод, ки барои баланд бардоштани қобилияти бозори хоҷагии деҳқонӣ мусоидат мекард. Бо ташаббуси иттиҳодия ба ҳар як пахтакор бо шартҳои қарзи имтиёзнок гандум дода шуд [9,50].

Бо мақсади дастгирии деҳқонони камбизоат кумитаҳои кумаки ҳамдигарии деҳқонӣ таъсис ёфтанд. Иттиҳоди соли 1922 ва аввали соли 1923 чунин кумитаҳо дар ноҳияҳои Хучанд ва Ёротеппа таъсис шуданд. Дар нимаи дууми соли 1924 дар ин уездҳо 74 кумитаҳо амал мекарданд, ки ба 13 кумитаи волост ва 60 ҳучраҳои деҳоти Иттифоқи Қўшчӣ шомил буданд [3]. Онҳо ба маъёбони ҷанг, оилаҳои хизматчиёни ҳарбии ҳалокшуда ва ғавтида, кормандони милитсия ва ба табақаҳои камбизоати деҳа ёрии ҳаматарафаи ҳудро мерасониданд, инчунин ба мақомоти давлатӣ дар ташкили муассисаҳои ҳифзи иҷтимоии аҳоли, ташкили кумак ба деҳқонон хангоми офатҳои табиӣ низ ёрмандӣ менамуданд. Дар маҳалҳо ва ғаёлоҳои комсомол сафарбар шуда буд [5,16].

Дар шароити камбуди моддию техникӣ ва молиявӣ кумитаҳои кумаки ҳамдигарӣ дар мусоидат ба хоҷагии деҳқонии аз ҷанг талафёфта ва харобшуда ғаёлона иштирок карданд. Дар оғоз онҳо дар назди мақомоти ҳифзи иҷтимоӣ ва аз моҳи декабри соли 1923 дар назди Иттифоқи Қўшчӣ ҳамчун бахшҳои алоҳида таъсис дода шуданд. Дар шаҳрҳои Хучанд ва Ёротеппа ва инчунин дигар ноҳияҳои вилояти Самарқанд, Иттифоқи Қўшчӣ ба танзими муносибатҳои бозор ва мубориза бо таҳаллуфот машғул буд. Бо ин мақсад, ба тамоми мақомоти маҳаллӣ пешниҳод карда шуд, ки хангоми ба иҷора додани корхонаҳои тичоратӣ ва бозорҳо ба ҳучраҳои Иттифоқи Қўшчӣ ҳуқуқи имтиёзнок диҳанд. Дар он ҷойҳое, ки ҳучраҳои Қўшчӣ ба таври кофӣ қавӣ буданд, онҳо дар муайян ва танзими бозор, дастгирии ҳуқуқ ва манфиатҳои аҳолии меҳнаткаш дар фуруши изофаи маҳсулоти кишоварзии худ мусоидат менамуданд [2,90,91].

Соҳаи кишоварзӣ пеш аз таъсисёбии Ҳокимияти Шӯравӣ дар қисматҳои ҷанубӣ ва марказии Тоҷикистон, дар муқоиса ба минтақаҳои шимолӣ, хеле ақибмонда буд. Дар ин ҷо масъалаи замин мушкул буд ва дигаргунсозии аграрӣ дар солҳои 1917-1929 як марҳалаи душвор, вале зарурӣ дар роҳи азнавсозии сотсиалистии кишоварзӣ махсус мешуданд. Дар шимоли Тоҷикистон ҷорӣ шудани муносибатҳои бозорӣ - сармоядорӣ имкон дод, ки муносибатҳои феодалӣ дар

истифодаи замин маҳдуд шаванд.

Бо таъсиси Ҳокимияти Шӯравӣ дар тамоми кишвари Шӯравӣ, роҳбарияти ҷумҳуриҳои миллӣ вазифадор шуданд, ки моликияти ба замини боқимондаҳои феодалиро аз миён бардошта, тақсмоти обро на аз рӯи шумораи одамон ё андозаи майдони кишт, балки дар асоси тақсимбандии қаблии умумӣ ва тақсмоти ҳамасолаи заминҳо амалӣ кунанд [7, 26].

Инчунин зарур буд, ки ҳамзамон заминдорӣ калон ва миёнаи шаҳр бо мақсади ба ҳаёт татбиқ намудани истифодаи заминҳои меҳнатӣ бартараф карда шаванд.

Яке аз талаботи муҳимми Ҳукумати Шӯравӣ дар ҷараёни ислоҳот гузаронидани ислоҳоти замин бидуни зиён ба масоҳати майдони кишт, алалхусус пахта буд. Раванди дигаргунсозии аграрӣ дар минтақаҳои Тоҷикистон ҳамсон набуданд. Дар навбати худ, ин ба омодагӣ ба азнавсозии куллии соҳаи кишоварзӣ дар заминаи сотсиалистӣ таъсир расонд.

14 декабри соли 1920 КИМ Туркистон «Низомномаи идоракунии заминҳо, деҳаҳои муҳочирон ва казаконро дар ҶМШС-и Туркистон» тасдиқ кард. Он тартиби истифодаи замин ва ҷудо кардани заминро муқаррар кард. Аз ин рӯ, бо мақсади муайян кардани самтҳои ислоҳоти замин дар охири солҳои 1920 - аввали соли 1921 қорҳои омодагӣ гузаронида шуданд. Пас аз он конгресси вилоятӣ, уездҳо ва волостҳои Советҳо вазифаҳои мушаххасро барои ислоҳоти маҳаллӣ, инчунин конфронсҳо, гирдиҳамоиҳо ва маҷлисиҳои сершумори қоргарон оид ба ислоҳоти дар пеш истодаро муайян карданд. Ғайр аз он, самтҳои пешбурди он мушаххас шуда, ҳоҷагиҳои «ғайримеҳнатӣ» сабти ном гардида, усулҳои асосии азнавтақсимкунии замин таҳия шуданд.

Дар шимолӣ Тоҷикистон, волостҳои Конибодом ва Маҳрами ноҳияи Конибодомӣ вилояти Хуканд ба минтақаҳои, ки дар он ҷо ислоҳот ба нақша гирифта шуда буд, тааллуқ доштанд. Аз ин рӯ, дар баробари заминдорони маҳаллӣ, як қисми қитъаи заминро муҳочирони рус дар ихтиёр доштанд, ки ин заминҳоро бо дастгирии маъмурияти подшоҳӣ аз аҳолии маҳаллӣ гирифта буданд. Ҳамин тариқ, худсарона панҷ деҳаи муҳочирон пайдо шуда буд. Забтқорон, ба монанди бойҳои маҳаллӣ, камбағалонро бераҳмона истисмор мекарданд [6,355].

Дар маҷмуъ, масъалаҳои муносибати замин, ки дар минтақаҳои муҳочират пеш аз инқилоб падидаи омада буданд, намунаи равшани ҳамбастагии зулми синфӣ бо мустамликавӣ буданд.

Бо мақсади равшанӣ андохтан ба моҳияти дигаргунсозии аграрӣ, Ҳукумати Шӯравӣ дар байни табақаҳои камбизоати аҳолии қорҳои васеи таблиғотӣ гузаронид. Комиссияи таъсисшудаи идораи замин ҳангоми санҷиш дар волостҳои Маҳрам ва Конибодом заминҳои бойҳоро ошкор намуда, ба ғайридаи захираи давлатӣ мусодира кард. Заминҳои роҳбарони волостҳо, савдогарон, диндорон ва ғайра низ миллӣ гардиданд. Ҳамагӣ заминҳои 380 ҳоҷагӣ мусодира гардиданд, ки панҷтои он ба ҳисоби миёна аз 21,6 даҳяк иборат буд. Дар маҷмуъ 555 даҳяк замин аз ҳоҷагиҳои номбурда мусодира шуданд. Дар тамоми давраи ислоҳот бошад 1102 даҳяки замин мусодира гардид. Пас аз ҷанде қитъаҳои замини се истгоҳи обтаъминкунӣ дар соҳили дарёи Сир дар деҳаҳои Қароянтоқ, Маҳрам ва Қаракчикум, ки масоҳати тақрибан 3500 даҳякро ташкил медиҳанд, илова карда шуд [2,99].

Дар марҳалаи дууми ислоҳоти замин комиссия асосан заминҳои давлатишударо барои деҳқонони камзамин ва безамин тақсим кард. Андозаи замин му-

тобики мавҷудияти заминҳои мусодирашуда дар ҳар як ноҳия муқаррар карда шуд. Шумораи деҳқононе, ки меҳостанд замини худро дошта, ба истехсоли маҳсулоти кишоварзӣ машғул бошанд, ҳамеша аз заминҳои захиравии ноҳия бисёртар буданд. Ҳукумати Шӯравӣ, ниёзҳои деҳқонро ба замин пура қоне карда наметавонист, зеро дар минтақаҳо, ки замин мусодира ва ба камбизоатҳо тақсим мешуд, заминҳои кофӣ барои кишт мавҷуд набуданд.

Бо вуҷуди ин, дар қараёни ислоҳоти соҳаи кишоварзӣ, хусусан ислоҳоти замини Ҳукумати Шӯравӣ, ба андозае имконпазир буд, ки мардуми камбизоатро ба замин ва имконияти истехсоли кишоварзӣ таъмин кунанд ва ба ин васила оилаҳои онҳоро бо ғизо таъмин намоянд.

Ҳамин тавр, Комиссияи ислоҳоти замин кори худро воқеан ба охир расонида буд. Ин дар съезди VI Ҳизмати Коммунистии Тоҷикистон, ки моҳи августи соли 1921 баргузор шуд, эълон гардид. Дар баробари арзёбии мусбати ислоҳот дар соҳаи сиёсати замин, съезд минбаъд вазифаи асосии гузаронидани идоракунии муттасили замин дар минтақаро муайян намуд.

Солҳои 1921-1922 идоракунии замин танҳо дар ду волости ноҳияи Хучанд, ки минтақаи озод аз босмачиҳо буд - Ғулакандоз ва Унҷӣ идома ёфт. Дар ин ҷо шумораи зиёди хоҷагиҳои ғайримеҳнатӣ муайян шуда, хоҷагиҳои меҳнатӣ ва заминҳои вақфӣ низ ба қайд гирифта шуданд. Ҳамин тавр, дар Ҷамоати Ғулакандоз 351 хоҷагиҳои сармоядорон мавҷуд буданд, ки масоҳати умумии заминҳои онҳо тақрибан 3,5 ҳазор даҳякро ташкил мекард. Ба ҳисоби миёна ин 10 даҳяк барои як хоҷагӣ, дар ҳоле ки 925 хоҷагии меҳнатӣ ҳамагӣ 2,2 ҳазор даҳяк заминро истифода менамуданд, ки ба ҳисоби миёна 2,3 даҳякро ба ҳар хоҷагии деҳқонӣ ташкил мекард. Дар Ҷамоати Унҷӣ, ки дар он шумораи аҳолии деҳот зиёдтар буд ва шумораи умумии заминҳои барои кишт мувофиқ камтар, гурӯҳбандии иҷтимоии деҳа ба таври дигар зоҳир мегардид. Дар ин ҷо хоҷагиҳои калони бойҳо камтар буданд, аммо 2374 хоҷагиҳои меҳнатӣ танҳо 1850 даҳяк замин доштанд, ки ба ҳисоби миёна 0,8 даҳяк ба як хоҷагии деҳқониро ташкил мекард. Дар ин волостҳо 1114 даҳяк заминҳои вақфӣ низ сабт шуда буданд [1,105], ки тақрибан нӯҳ фоизи фонди умумии заминро ташкил меод.

Дар натиҷаи идоракунии замин 15 хоҷагии калон барҳам дода шуд, дар заминҳои онҳо совхозҳои «Чимқӯрғон» ва кооперативи кишоварзии «Ак-Ер» дар заминҳои волости Унҷӣ ва совхозии «Деҳмӯй» дар Ғулакандоз ташкил карда шуданд [3,339]. Аммо ин маънои онро надошт, ки дар ҳама ноҳияҳо заминҳои заминдорони калон пура мусодира гардиданд. Раванди барҳамдиҳои хоҷагиҳои калонҳаҷми маҳаллӣ ва хоҷагиҳои калони муҳоҷирони рус интиҳобан мувофиқи дастурҳои Анҷумани даҳуми Совети ҷумҳуриявӣ гузаронида шуд. Ҳангоми гузаронидани ислоҳоти замин ва идоракунии замин баъзе шароити маҳаллиро ба назар гирифтанд.

Пас аз гузаронидани тақсмоти милли-худудӣ дар соли 1924, таҳияи санадҳои нави меъёрий-ҳуқуқӣ барои ислоҳоти минбаъдаи низоми обу замин зарур шуд. Дар ҷаласаи Кумитаи Марказии иҷроияи Советҳои ҶШС Ўзбекистон 2 декабри соли 1925 ду декрет - «Дар бораи милликунонии замин ва об» ва «Дар бораи ислоҳоти замин - об» қабул гардид [1,158].

Дар Декрети «Дар бораи милликунонии замин ва об» матлаби нави набуд. Дар воқеъ ин санад қарорҳои қаблӣ ҳукуматҳои ҶМШС Тоҷикистон ва ҶШС Бухоро дар бораи милликунонии заминро обро такрор мекард.

Вобаста ба фармони дуюм «Дар бораи ислоҳоти замин» бошад, бояд қайд

намуд, ки ҳадафи ин санад аз миён бардоштани истисмор камбағалон ва деҳқонон аз ҷониби бойҳо, додани замин ба деҳқонони замини камдошта ва инчунин бе замин ва барҳам додани табақаи заминдорон, тоҷирони калон ва қарздиҳандагон иборат буд. Хусусияти дигари ин фармон дар он буд, ки барои хоҷагиҳои ба монанди бойю кулакҳо ин қарор меъёри истифодаи заминро муқаррар кард ва таъмоми изофаи он бояд мусодира карда мешуд [2,159].

Албатта, дар натиҷаи татбиқи ҷорабиниҳои дар боло зикршуда, ислоҳоти замин ва об ба муқовимати як қисми зиёди рӯҳониён ва табақаи заминдорон дуҷор гардид. Норозигие, ки дар байни заминдорони сарватманд пайдо шуд, муборизаи синфиро ба амал овард [8].

Дар нимаи аввали моҳи феврари соли 1925 ислоҳоти обу замин қариб дар ҳамаи минтақаҳои шимоли Тоҷикистон ба анҷом расид. Дар натиҷаи ислоҳот 545 хоҷагиҳои заминдорони калон қисман барҳам дода шуд, аз 625 хоҷагиҳои бой ва кулакҳо заминҳои изофагии аз меъёрҳои меҳнати зиёд мусодира гардиданд. Дар маҷмӯъ заминҳои мусодирашуда ва қисман мусодирашуда 4261,53 ҳаҷро ташкил доданд. Бар зами ин, тибқи фармони ислоҳот ба фонди давлати заминҳои вақф, ки ба муассисаҳои фарҳангӣ ва таълимӣ мансуб буданд ва ба ҷунин заминҳои давлатӣ 1355 гектар замин дохил шудаанд.

Ҳамин тариқ, дар фонди давлатӣ 5616 ҳаҷро замин мавҷуд буд. Аз ҳисоби ин 2740 хоҷагиҳои деҳқонӣ, аз ҷумла 995 ҷоракор, 336 камбағалон ва 1409 деҳқонони камзамин замин гирифтанд. Дар гузаронидани ислоҳот котибони масъули Кумитаи ноҳиявӣ-шаҳрии Ҳизби коммунисти (болшевикҳо) Ёзбекистон Муҳаммадҷон Масаидов, Кумитаи ҳизбии ноҳияи Конибодом Ҳамиддин Ишонов, райсони иҷрокуми Қистакӯз Додо Зокиров, Шурои Ҷамоати Кӯчкак Тӯхтабой Набиев, Ш. Раҷабов, А. Ҳочибоев, Ф. Раҳимбоев, Т. Каримов, А. Қурбонов, Ш. Қосимбеков ва дигарон нақши ғаёл доштанд [2,161].

Дар шимоли Тоҷикистон аз нимаи дуҷуми солҳои 20-уми асри XX марҳалаи нави ислоҳоти обу замин оғоз ёфт. Дар ин давра, дар натиҷаи милликунонӣ, мусодираи заминҳои сарватмандон ба манфиати давлат ва тақсими минбаъдаи онҳо ба деҳқонони камбизоат, муттаҳидшавии онҳо ба истеҳсолоти ҷамъиятӣ дар солҳои 1925-1926 дар ноҳияи Ҳучанд ба ташкили 13 хоҷагии коллективӣ овард [5,367]. Хоҷагиҳои коллективии навтаъсис нисбатан хурд буданд. Умуман, дар Тоҷикистон пас аз он, ки ноҳияи Ҳучанд ба он дохил шуд, то 1 октябри соли 1929 ҳамагӣ 209 колхоз вучуд доштанд, ки дар маҷмӯъ 2888 хоҷагиро муттаҳид мекарданд. Дар раванди коллективизунонӣ вилояти Ҳучанд пешсаф буд ва пас аз он вилоятҳои Қӯргонтеппа ва Ҳисор буданд [6,399].

Ҳамин тариқ, ислоҳоти замин ва об дар солҳои 1924-1925 ба дигаргуниҳои бузурги иҷтимоию иқтисодӣ дар истеҳсолоти кишоварзӣ оварда расонид. Ин дар ташкил ва мустаҳкам кардани Ҳокимияти Шӯравӣ дар деҳот нақши асосиро бозид.

Натиҷаи назарраси ислоҳоти замин дар солҳои аввали Ҳокимияти Шӯравӣ дар Тоҷикистон ин таъсисёбии нахустин колхоз ва совхозҳо буд. Аъзоёни хоҷагиҳои коллективӣ асосан деҳқонони заиф ва коргарони хоҷагиҳои деҳқонӣ буданд, ки заминҳои хурд дар натиҷаи ислоҳот гирифта буданд.

АДАБИЁТ

- 1.Ф. Абдурашитов. Земельно – водная реформа в Таджикистана в конце XX – начале XXI вв. Душанбе, 2018. 401 с.
- 2.Антоненко Б. А. Аграрные преобразования в доколхозном таджикском кишлаке. Душанбе,

1987. 187 с.

3.Бойгонии давлатии вилояти Сугд . ф. 372, оп. 1, д. 294 л . 1 2 .

4.Ш. Джалилов. Из истории создания и деятельности комсомол Ходжентского уезда. Душанбе, 1966. 148 с.

5.О Изатшоева. Возникновение и деятельность массовых дехканских организации в Таджикистане. Автореф. дисс. канд. истор. наук. -25 с.

6.История таджикского народа. - Душанбе, 2011, Ч.5. -734 с.

7.Г.Наврозов. К вопросу о роли земельно – водных комиссий в Таджикской АССР. Изд. АН ТаджССР. 1966, №3, 26 с.

8.Правда Востока. 1925, -18 декабря.

9.Средняя Азия в цифрах, М.1957. -241 с.

10.Хотамов Н., Довудӣ Д., Муллоҷонов С., Исоматов М. Таърихи халқи тоҷик. -Д., 2014.-644 с.

ЗАМИНАҲОИ ИҶТИМОӢ - ИҚТИСОДИИ ТАШКИЛИ КОЛХОЗ ВА СОВХОЗҲО ДАР ТОҶИКИСТОНИ ШӮРАВӢ

Дар мақола тибқи сарчашма ва адабиёт масъалаҳои ислоҳоти замин ва об дар солҳои 20-30-юми асри XX, инчунин дигаргуниҳои бузурги иҷтимоӣ-иқтисодӣ дар истеҳсолоти кишоварзӣ, ташикил ва мустаҳкам кардани Ҳокимияти Шӯравӣ дар деҳот инъикос шудааст. Муаллиф махсусан масъалаи мубрами моликият ба заминро вақф ва муносибатҳои марбут ба тосармоядорӣ ва сармоядориро ба таври муқоисавӣ таҳлил намуда, ҳамзамон натиҷаҳои асосии ислоҳот, милликунӣ заминро дар солҳои аввали мавҷудияти Ҳокимияти Шӯравӣ дар Тоҷикистон нишон додааст. Дар мақола ба таъсисёбии нахустин колхоз ва совхозҳо ба ҳаёти кишоварзӣ аъзои хоҷагиҳои коллективӣ, ки асосан аз деҳқонони камбизоат ва коргарони хоҷагиҳои деҳқонӣ иборат буданд, таваҷҷуҳи махсус дода шудааст.

Калидвожаҳо. *Хоҷагиҳои деҳқонӣ, колхоз, совхоз, ислоҳоти замин, иҷтимоӣ-иқтисодӣ, истеҳсолоти кишоварзӣ, Ҳокимияти Шӯравӣ.*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ В СОВЕТСКОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

В статье на основе источников и литературы отражены вопросы земельной и водной реформы 20-30-х годов XX века, крупных социально-экономических преобразований в сельскохозяйственном производстве, организации и укрепления советской власти в деревне. В частности, автор в сравнительном аспекте проанализировал вопросы о землевладении и ваффе, докапиталистических и капиталистических отношениях, показал главный результат реформ - национализацию земли в первые годы советской власти в Таджикистане. В статье особое внимание уделяется созданию первых колхозов и совхозов, сельскохозяйственной жизни членов колхозов, которые были в основном бедными крестьянами и батраками.

Ключевые слова. *Крестьянские хозяйства, колхоз, совхоз, земельная реформа, социально-экономическое, сельскохозяйственное производство, Советская власть.*

SOCIO-ECONOMIC PREREQUISITES FOR THE CREATION OF COLLECTIVE AND STATE FARMS IN SOVIET TAJIKISTAN

Based on sources and literature, the article reflects the issues of land and water reform in the 20-30s of the twentieth century, major socio-economic transformations in agricultural production, the organization and strengthening of Soviet power in the countryside. In particular, the author in a comparative aspect analyzed the issue of feudal-bai land tenure and waqf, pre-capitalist and capitalist relations, showed the main result of the reforms - the nationalization of land in the early years of Soviet power in Tajikistan. The article pays special attention to the creation of the first collective farms and state farms, the agricultural life of the members of the collective farms, who were mostly poor peasants and farm laborers.

Key words. *Peasant farms, collective farm, state farm, land reform, socio-economic, agricultural production, Soviet power.*

Сведения об авторе: Абдурашитов Фозил Маматович - доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. Телефон: (+992) (37) 2217326 (сл.), (+992) 935-700-205 (моб). E-mail:fozil-62@mail.ru

Information the author: Abdurashitov Fozil Mamatovich - Doctor of History, Chief Researcher of the Department of Contemporary History of the Institute of the History of Archeology and Ethnography. A. Donish National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, 33 Rudaki Ave. Tel: (+992) (37) 2217326, (+992) 935-700205 (Mobile). E-mail:fozil62@mail.ru.

УДК 9 (575.3)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ТАДЖИКСКОГО ОБЩЕСТВА

КАРАМАЛИШОЕВ К. Н.,

**Академия государственного управления при Президенте Республики
Таджикистан**

Еще в XIX веке гуманитарные науки отделились от других (естественно-точных) наук и постепенно образовали свои собственные направления. Человек становится предметом исследования этих наук, что актуализирует суть и содержание общественно-гуманитарных наук. Самосознание человека и человечества - цель гуманитарных наук. Острые дискуссии проводятся по поводу их практического воздействия на сознание человека, культуру, искусство. Задача этих наук: выработать методы конструктивного влияния на человека [1].

В настоящее время в Таджикистане 2020-2040 гг. объявлены годами развития естественных наук. Общественно-гуманитарные науки постепенно становятся гегемоном, и фактически подчиняет себе все остальные направления, поскольку все более настойчиво происходит принудительное внедрение инновационного направления во всех сферах научной деятельности. В данном случае это вступает в противоречие с социальными потребностями современного общества, поскольку в мировом сообществе на данный момент все больше наблюдаются агрессивные и жестокие действия. Все это вызывает острую потребность в новых механизмах гуманизации и консолидации для противодействия таким тенденциям, отрицательно влияющим на современное общество.

Государства Центральной Азии после распада СССР и объявления своей независимости, взяли курс на коренное преобразование всей политической и социально-экономической системы. Такой преобразовательный процесс проходил в условиях сложных политических, мировоззренческих и социально-экономических трансформаций.

Анализ и оценка состояния исторической науки в Таджикистане показывает, что на развитие этой отрасли науки влияют внутренние и внешние факторы. К внешним факторам можно отнести переходное состояние общества, которое находится в стадии социально-экономической трансформации. В ходе такой трансформации возникают недоверия ко многим прежним схемам исторической науки и исследованиям, трудам. Альтернативой является то, что новая научная продукция в основном является перепечаткой старых трудов. В таких условиях продолжается предметная специализация исторической науки или как отметил С. И. Посохов «историографический диагноз исторической науки» [2, 26].

Ко внутренним факторам, влияющим на историческую науку можно отнести процесс укрепления государственных институтов, которые имеют свои запросы ко всей

сфере истории. При этом возникает необходимость ответить на вопросы возникшие проблемам современности. Но вопросы и ответы не всегда могут учитывать глобальные задачи, стоящие перед обществом и государством. Само состояние науки, ее ресурсные и кадровые возможности не всегда принимаются в расчет.

В научных кругах бывших социалистических и особенно постсоветских стран до сих пор существует сильная и неудовлетворенная потребность в теории [3].

Такое положение обусловлено рядом причин: развитием гуманитарных и социальных наук в будущем, глобализацией науки, предполагающей интеграцию западных и восточных методов и подходов, продолжающейся конкуренцией так называемых «великих теорий» между собой. Существующие теории не дают четких критериев, применимых в равной степени ко всем явлениям, событиям и фактам. Историки должны либо участвовать в разработке новых теорий и подходов, либо ограничиваться определенным набором известных научных методов (систематических и др.), либо, с некоторыми претензиями, использовать те или иные модификации известных теорий, прежде всего формообразующие, культурологические, модернизационные.

Как справедливо отмечает Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон, «Историю – по праву называют памятью человечества. Люди, не имеющие представления о судьбах нации, об историческом прошлом своего народа, не знающие традиций и обрядов предков, не умеющие по достоинству оценить роль и место лучших сынов своей Родины, вряд ли могут называться истинными гражданами, полноценными людьми» [4].

На современном этапе государственная поддержка различных отраслей науки в основном предпочтение при распределении грантов и премий, понятно, что отводится «актуальным» областям науки. Это явно влияет на значение гуманитарных областей знаний в самосознании граждан страны. Однако нельзя допустить тот момент, что в начальные годы независимости страны гуманитарным знаниям, особенно истории уделялось особое внимание, и многое было сделано и государством и ученым и историками страны для раскрытия белых пятен исторических фактов и событий нашей истории [5].

Курс истории таджикского народа входит в стандарт высшего образования Республики Таджикистан и предусмотрен Министерством образования и науки. Задачи данного курса является ознакомление обучающихся на новом ВУЗ-овском уровне с основными этапами и проблемами современной истории таджикского народа.

Необходимо отметить, что современная история своими новыми свойствами и особенностями отличается от исторической науки всех предшествующих эпох [6, 224]. Это отличие заметно тем, что современная историческая наука развивается в новом информационном пространстве, заимствуя из него свои методы и сама влияя на его формирование. Перед нашими историками на первый план выходит задача создать верификационную истории, проверенной большими и надежными базами данных, источников, артефактов и т.д., а не просто написать исторические труды на различные темы.

Другая проблема на мой взгляд это использование Интернет-ресурсов, что имеет характер неполного исследования, то есть сами исследователи не добывали эти факты и информацию. Такие материалы могут содержать ошибки или просто будут фальсификатами. Поэтому возникает необходимость контроля за распространением разных публикаций на различные исторические темы, так как в большинстве случаев они им-

манентно носят фрагментарный характер и слабо структурированы. Особую роль призваны играть создаваемые коллективами ученых (совместно со студентами, где это возможно) банки и базы данных, становящиеся основой обобщающих научных публикаций. Именно на их создание мы ориентируем молодых исследователей. Специалисты выделяют несколько важных шагов в этом направлении [7, 279 - 289].

К другому внутреннему фактору думаю можно отнести сохранение прежних теоретико-методологических ориентиров исследования и изучения истории. У нас среди историков замечется отказ от марксистской интерпретации истории и стремление перехода к плюрализму. Такие процессы в исторической науке способствуют новому осмыслению нашей истории с учетом национальных интересов [8,5].

В последние десятилетия, в нашей республике, в подходе к историческому образованию просматриваются две расходящиеся линии: одна настаивает на необходимости создания патриотической, спланированной народ истории, формирующей национальную идентичность и самосознание индивида, и другая - настаивающая на противоречивости и неоднозначности событий и фактов и провозглашающая необходимость плюралистических, деидеологизированных концепций и построений, признающая исключительно свободный выбор суверенной личности, вне всякого внешнего контроля и влияния. После распада СССР и исчезновения более или менее сбалансированной, но в то же время антагонистической биполярной системы мироустройства философы и теоретики науки вновь заговорили о кризисе философии. Дискуссия об этом кризисе повлияла на европейскую мысль от марксизма до постмодернизма. Общим в этих дебатах было требование возврата к логике и критическому реализму, а также вера в абсолютное поражение марксистской теории. Хазанов даже сравнивает его с «дохлой лошадью» [9]. Чуть позже стало ясно, что марксистская теория истории может быть востребована в XXI веке, но в то время в гуманитарных науках всего мира царила неуверенность и растерянность.

Очевидно, что, какие бы вопросы и проблемы не обсуждались всегда в центре находится человек. Гармония государства и человека в мыслях общества и философии, вечная проблема. И все же при ориентации на любую гносеологическую теорию историк имеет только один выход, создавая труды, рассчитанные на долговечность и научную востребованность. В ходе анализа источников, проверка достоверности на данный момент становится все более междисциплинарным. Союз истории, информатики, филологии, философии, психологии и других наук уже давно состоялся и приносит свои плоды. Но, развивая междисциплинарные подходы, важно не допустить размывания самого предмета истории и внедрения в него чужеродных и неприменимых социологических, политологических и иных схем, заметно упрощающих сложный феномен исторического исследования. Простейшие примеры этих трудностей - расходящиеся оценки исторических личностей с точки зрения результативности и моральности их действий, вопрос об издержках исторического процесса и цене преобразований, например, модернизации.

Подготовка научных кадров на современный этап является важной проблемой. В подготовке кадров историков важнейшее место занимает общегуманитарная подготовка и образованность студентов. Опыт последних лет показывает, что широкое внедрение интернета в общую жизнь и деятельности людей привело к упадку грамотности и подготовленности нового поколения во всех отраслях общественной жизни. В

нашей стране год за годом ощущается дефицит высококвалифицированных кадров. Эту проблему во многом связывают с недостатком финансирования науки [10].

Необходимо отметить, что ориентирами в историческом образовании является профессио-нализм, воспитание гражданственности и патриотизма через объективный неконъюнктурный анализ событий и фактов, на основе общегуманитарной культуры и междисциплинарности. При отсутствии глубокой внутренней культуры растет подражательность чужим культурам, что неизбежно обрекает нас на отставание. Также необходимо констатировать, что источниковедение наряду с историографией и методологией является ключевым предметом в обучении истории, эти дисциплины, наряду с исторической информатикой, позволяют воспитывать аналитиков, востребованных во всех сферах общественной деятельности. Соблюдение принципов изучения и исследования исторической науки (историзм, объективность, альтернативность и социальный подход) [11] является своего рода ответственностью и обязанностью ученого историка.

Для того, чтобы еще раз стала ясна значимость гуманитарных наук, в частности, таких, как этнология и история, можно привести слова Л. Н. Гумилева: «И тут постоянно возникает обывательский вопрос: а зачем изучать процессы, которыми мы не можем управлять? Есть ли в этом практический смысл, оправдывающий затраты труда и материальные потери? Ответим примерами. Управлять землетрясениями или путями циклонов люди не умеют, но сейсмография и метеорология помогают спастись от стихийных бедствий и, наоборот, использовать благоприятные условия с наибольшим эффектом. Ведь не все равно при цунами, предотвратить которое мы не можем, уйти на ближнюю гору или дать океанской волне смыть себя на дно. Ради собственного спасения необходимо изучать вулканическую активность» [12,14].

Историческая наука за последнюю четверть века постепенно вышла из состояния методологической неразберихи, существовавшей накануне распада СССР и в первые годы государственной независимости Республики Таджикистан [13,195-216]. Однако теоретически и методологически перевооружение исторического знания после отказа от концептуальных установок в виде марксистских приоритетов, господствовавших на протяжении многих десятилетий, как показала практика, стало весьма сложной задачей. Этот процесс сложный, непрерывный и требует от специалистов серьезных интеллектуальных усилий, направленных на пересмотр теоретических основ исторической науки и организацию ее терминологии.

В заключение хотелось бы отметить, что в историческом образовании есть этапы профессионализма, гражданского воспитания и патриотизма через объективный нефункциональный анализ событий и фактов, на основе общегуманитарной и междисциплинарной культуры. У нас есть глубокая, древняя внутренняя культура и не должно быть места для подражания чужим культурам, что неизбежно обрекает нас на отсталость.

Основной темой преподавания истории наряду с историографией и методикой является источниковедение. Эти предметы, наряду с исторической информатикой, позволяют воспитывать аналитиков, востребованных во всех сферах общественной деятельности. Также следует говорить о моральной ответственности историка за предъявленную информацию, за его экспертную оценку, за достоверность и объективность информации.

Каждая профессия имеет свою задачу. Это также может предложить взгляд на историю как на постоянно развивающийся диалог между настоящим и прошлым. В то же время современность в этом диалоге ставит вопросы, а общество или составные части общества формулируют проблемы, которые требуют исторического объяснения и решения. В этом и стоит задача историка – отвечать в своих исследованиях на возникшие вопросы, проблемы и белые пятна истории в обществе. В то же время сами историки могут не осознавать, что современность ставит эту проблему. Этот постоянный диалог с прошлым является важной частью культуры современного общества, которая позволяет ему двигаться вперед. Каждый виток развития общества так или иначе сравнивается с прошлым. При таком взгляде на историю сами историки выступают в качестве экспертов в этом диалоге. Они лучше других формулируют вопросы и ищут ответы. Профессиональный историк понимает точность сравнений с прошлым, знает, что с чем можно сравнивать. Также важнейшей характеристикой историка является понимание способа поиска исторических источников и работы с этими источниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: МГУ, 1991.
2. Посохов С. И. «Фрагментация» как историографический диагноз//Профессия – историк. К юбилею Л. П. Репиной. - М.: Аквилон, 2017. С. 152–177.
3. Новые языки социального описания: сборник статей; под ред. М. Г. Пугачева, В. П. Жаркова. - М.: Новое литературное обозрение, 2014. Том XIX.
4. Рахмонов Э. Таджики в зеркале истории. – Кн. 1. От арийцев до Саманидов, - Лондон, 1999. С. 127.
5. Хамидов Н. А. История становления и развития исторической науки в 30-80 гг. XX века в Таджикистане: на примере научного наследия академика З. Ш. Раджабова. - Душанбе. 2009. -183 с.
6. Каримов О. К. История исторической науки Таджикистана. Дисс. док. ист. наук. – Душанбе, -2002. -353 с.
7. Владимиров В. Н. Интернет для историка: и все - таки новая парадигма!//Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. - М., 2001. С. 279 - 289.
8. Фафоров У. Равшангари таърих. Душанбе: «Ирфон», 1990. - 155 с.
9. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. - Алматы: Дайк-Пресс, 2002. - 604 с.
10. Стратегия Республики Таджикистан в области науки и технологий на 2011-2015 годы. Утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 3 марта 2011 года № 114.
11. Буллер А. Три лекции о понятии "след". – СПб.: Алетейя, 2016. – 128 с.
12. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. -М.: АСТ, 2007. – 736 с.
13. Масов Р. М. Становление и развитие исторической науки в Таджикистане//Академия наук Республики Таджикистан. - Душанбе, - 2001. С.195-216.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ТАДЖИКСКОГО ОБЩЕСТВА

Социально - гуманитарные науки, в том числе история, играют важную роль в формировании и воспитании личности в обществе. Поэтому изучение этих наук необходимо для правильного формирования личностных качеств членов определённого общества. Национальные интересы, традиции и другие культурно - исторические аспекты очень важны для становления и развития каждого гражданина страны.

Эти и другие вопросы, и проблемы коротко и обобщенно рассматриваются в данной статье. Также делается акцент на аспектах модернизации современного общества и определяется место и роль гумани-

тарных наук, в том числе истории в системе наук. Коротко изложены трудности и проблемы внутри страны и внешние факторы, влияющие на развитии исторической науки в республике.

Ключевые слова: гуманитарные науки, модернизация, фундаментальная наука, история, научная школа.

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF HISTORICAL SCIENCE IN CONDITIONS OF MODERNIZATION OF TAJIK SOCIETY

The social and humanitarian sciences, including history, play an important role in the formation and education of the individual in society. Therefore, the study of these sciences is necessary for the correct formation of personal qualities of members of a particular society. National interests, traditions and other cultural and historical aspects are very important for the formation and development of a citizen of the country.

These and other issues and problems are briefly and generally considered in the article. The emphasis is also placed on aspects of the modernization of modern society and the place and role of the humanities, including history, is determined.

Difficulties and problems within the country and external factors influencing the development of historical science in the republic are briefly outlined.

Key words: humanitarian sciences, modernization, fundamental science, history, scientific school.

МАСОИЛИ ИНКИШОФИ ИЛМИ ТАЪРИХ ДАР ШАРОИТИ ТАҒЙИРЁБИИ ЧОМЕАИ МУОСИРИ ТОҶИКИСТОН

Илмҳои ҷамъиятию гуманитарӣ, аз ҷумла таърих дар ташаккул ва тарбияи шахсият дар ҷомеа нақши муҳим доранд. Аз ин рӯ, омӯзиши ин илмҳо барои дуруст раванг додани сифатҳои шахсии аъзои ҷомеаи муосир зарур аст. Манфиатҳои миллӣ, анъана ва дигар ҷанбаҳои фарҳангии таърихӣ барои ташаккул ва рушди ҳар як шаҳрванди кишвар хеле муҳимманд.

Ин ва дигар саволу мушкилот дар ин мақола мухтасар ва ба таври умум баррасӣ мешаванд. Ба ҷанбаҳои навсозии ҷомеаи муосир низ таваҷҷуҳ зоҳир гардида, ҷой ва нақши илмҳои гуманитарӣ, аз ҷумла, таърих дар низоми илмҳо муайян карда шудааст. Душворию проблемаҳои дохили мамлакат ва омилҳои берунӣ, ки ба инкишофи илми таърих дар ҷумҳурӣ таъсир мерасонанд, мухтасар баён шудаанд.

Калидвожаҳо: илмҳои гуманитарӣ, навсозӣ, илми бунёдӣ, таърих, мактаби илмӣ.

Сведения об авторе: Карамалишоев Карамалишо Нуралишоевич - к. и. н., доцент. Проректор по науке и инновации Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан. Тел: (992) 93 832 27 68, E-mail: sosim_08@mail.ru

Information about the author: Karamalishoev Karamalisho Nuralishoevich - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Vice-Rector for Science and Innovation of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Tajikistan. Tel: (992) 93 832 27 68, E-mail: sosim_08@mail.ru

ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ - ИСТОРИОГРАФИЯ И
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ - HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

УДК: - 091

АРХЕОГРАФИЯ ПОВРЕЖДЕННОЙ РУКОПИСИ: «ДИВАН» ХАФИЗА
№ 426 ИЗ СОБРАНИЯ ЦЕНТРА ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНАРИШАР Ф.
(Париж, Франция)

В Центре письменного наследия Национальной академии наук Таджикистана хранится рукопись «Диван» Хафиза (инвентарный № 426). Она сохранилась в весьма плохом состоянии [2, 182, № 580]. Этот небольшой манускрипт (размер 9,5x15 см) имеет современный простой переплет из картона. 193 листа списка сохранили 4000 бейтов поэта и, без сомнения, не все 485-495 газелей, которые представлены в стандартных персидских изданиях знаменитого поэта (1325 -1389-90) Казвини-Гани (Тегеран 1941), и Ханлари (Тегеран, 1983 г.). В действительности кажется, что после газелей, организованных в алфавитном порядке согласно ритму («я», оканчивающее на с. 191) это был мукаттаат (л. 192-1936). После лакуны идут различные маснави Хафиза (лл. 2, 73-74, 185, 188) и среди них «Сакинома».

Конец рукописи утрачен (возможно, последний лист или даже несколько листов), поэтому, к сожалению, в ней нет колофона, указывающего дату переписки и имя каллиграфа. Текст переписан прекрасным старинным насталиком в две колонки по 12 линий на странице. Названия разделов изящно выписаны золотом. Авторы каталога Центра письменного наследия датируют данную рукопись XVIII веком [2, 182, № 580]. Манускрипт украшают восемь миниатюр очень плохой сохранности. В Каталоге указано, что они по стилю, судя по оставшимся частям изображения, выполнены в манере знаменитого живописца Мухаммада Замана, работавшего при дворе Сефевидов в Исфахане около 1670 г. и позже в духе европейских и индийских образцов.

В своем исключительно полезном каталоге Л. Додхудоева упомянула, что «Диван» Хафиза переписан в Индии и имеет 8 индийских миниатюр конца XVIII века, которые относятся к «могольской школе живописи» [1, 153, № 261]. В дальнейшем мы увидим, что ее мнение близко к нашим заключениям.

Детальное изучение манускрипта позволило нам более точно указать дату его изготовления. В Каталоге Центра письменного наследия указано, что [2, 182, № 580] переписку рукописи осуществили два каллиграфа. Листы 1-3, 5-10, 23, 26, 153 дописаны позже, чтобы заполнить лакуны, особенно в начале текста. В действительности старая часть списка, т.е. наибольшая часть его листов, имеет золотое оформление полей *джадвал* (оформление) и прекрасный декор из золотых и голубых элементов, который выписан вокруг названий разделов (лл. 1556, 1576).

Этот стиль оформления каждого названия характерен для образцов книжной культуры Ирана середины XV века и позже до конца последних десятилетий этого столетия. Скорее всего, он отличал продукцию Фарса, Багдада этого периода в правление Ак-коюнлу Пир Будака султана 1462-1467 гг. Такая орнаментация названий разделов в книге близка к стилю книг Ак-койунлу султанов ок. 1480 г.

При этом главными центрами переписки поэтических текстов оставались Табриз, но в большей степени Шираз, где, вероятно, и был создан данный манускрипт «Диван» Хафиза из собрания Центра письменного наследия (№ 426).

Это утверждение основано на анализе стиля письма насталиком рукописи, который напоминает тот, что использовался в Фарсе около 1440-1460 гг. и позже до 1490 г. или даже до завоевания Шираза Сефевидами. Данный тип письма близок по своему архаическому типу к манере катиба Шейха Муршида ад-дин Ширази, который активно работал до конца XV века в его мастерской Макам Абу Ишакийа в мусалла Шираза, копируя многочисленные персидские поэтические произведения.

В силу указанных особенностей мы можем утверждать, что манускрипт № 426 принадлежит к группе списков Хафиза, копированных в XV веке. Согласно данным Энциклопедии Ираника мы знаем, что не менее 80 копий дивана Хафиза этого времени, среди которых 35 принадлежат к первой половине данного столетия [3]. Салим Найсари попытался классифицировать лучшие из них [4].

Новые образцы были открыты позже, как, например, список 834/1430-31 гг. из центральной библиотеки Пенджаба [5, 165-182]. Рукопись «Диван» Хафиза № 426 весьма трудно датировать из-за ее плохой сохранности, но она, несомненно, принадлежит тому списку древних манускриптов, которые содержат большое количество стихов поэта.

Рукопись Хафиза № 426 не имеет введения Мухаммада Гуландома, как в Пенджабском списке, и могла быть выполнена несколькими десятилетиями позже. Но данное предисловие не было представлено в каждой рукописи Хафиза, поскольку существовали различные традиции создания и собирания поэтических рукописей Хафиза. Например, наиболее важным экземпляром с богатым декором является список 867/1462 г., копированный в библиотеке Пир Будак султана и не имеющий предисловия [6, №23]. Наша рукопись после изучения ее трех первых листов позволяет высказать предположение о том, что она, возможно, также могла иметь предисловие.

Важно отметить, что список № 426 кажется является старейшей копией «Дивана» Хафиза, которая имеет иллюстрации [7, 501-505]. Нам известно об иллюстрированной рукописи около 934/1527 гг. созданной для сефевидского принца сам мирзы. Однако большая часть списков с миниатюрами были созданы в Ширазе в течение XVI века: в основном после 1530 г., но самое большое их количество - после 1560 г. В нашей рукописи из Душанбе восемь композиций занимают места на тех листах, которые были для них предназначены. Если действительно Шираз являлся местом ее изготовления, то это доказывает, что традиция иллюстрирования «Дивана» Хафиза возникла в этом центре до 1530 г., т. е. в конце XV века между 1470-1500 гг.

Манускрипт из собрания Центра рукописного наследия копирован на восточной бумаге хорошего качества согласно сложившейся традиции, однако ныне листы спутаны. Их декор не был закончен по неизвестным для нас причинам, также как и то обстоятельство, почему список был отправлен в Индию. Мы не знаем его первых владельцев, а отметки, сохранившиеся на некоторых листах, свидетельствуют о том, что они были внесены позже в могольский период.

Интересен факт, о котором следует помнить, это широкое распространение рукописей «Дивана» Хафиза в могольской Индии, где Джахангир использовал их даже для гадания (фол). Немногочисленные, но весьма значимые рукописи поэта

известны в могольской Индии около 1600 г. Основываясь на тех коллекциях, материалы которых уже опубликованы, можно заключить, что из них ни один список не был проиллюстрирован. Так, один из манускриптов 990/1582-83 гг, подписанный Абд ал-Самадом Ширином каламом, хранится в библиотеке Честер Битти в Дублине (Pers. № 150). Другой этого же времени был разделен между библиотекой Честер Битти (Indian ms 15) и Британской библиотекой (Or.7573). Третий список, созданный в Герате или Машхаде около 1470 г., теперь находится в Британской библиотеке (Or.14139). Он принадлежал в 1603 г. императору Акбару, а позже Джахангиру и Шах джахану которые сделали собственные заметки на ее полях. Эта рукопись не имеет предисловия, но оформлена весьма изысканно в стиле придворной школы моголов.

Четвертый экземпляр 1600 г. находится в коллекции Британской королевской коллекции в Виндзоре (ms. RCIN 1005018). Он не имеет миниатюр, но отличается великолепным каллиграфическим письмом в 12 строк. 24 его страницы достаточно близки с точки зрения кодикологии к душанбинской рукописи, которая могла даже послужить ей прототипом.

В любом случае, опираясь на анализ стиля иллюстраций, мы можем предположить, что список № 426, по всей вероятности, был копирован в Ширазе более ста лет раньше. Для моголов он представлял большую ценность и сразу же попал в руки вельмож двора, если не самого императора. В этом случае было решено добавить недостающие миниатюры в оставленные для них пустующие пространства внутри рамок, которые были отведены им еще в Ширазе. О содержании задуманных иллюстраций или даже предварительных моделях для них мы не знаем. Следовательно, миниатюры к стихам Хафиза были написаны позже в начале XVII века одним из художников многочисленного придворного штата живописцев Индии. Затем рукопись претерпела различные превратности судьбы, которые отразились на ее состоянии. В силу этих обстоятельства мы до сих пор не уверены были в душанбинской рукописи только 8 миниатюр, или их было гораздо больше, но их уничтожили.

Рукопись появилась в Средней Азии после XVII века. Произведенная дважды реставрация рукописи сильно повредила ее и была произведена без всякого внимания к имевшимся в ней миниатюрам. Два мастера использовали бумагу различного качества. Лл.16 и 3 были выполнены одним из них, а лл.8, 26, 28, 153 и ряд других - вторым. Текст на лл. 5,6,7,9 выписан с особым старанием каллиграфом, который скопировал декор названий разделов и даже полей. На лл. 93а (в секции газелей на «дал») и 11а (из той же секции газелей «дал») в процессе реставрации пытались создать несколько живописных композиций, но они так и не были закончены.

Эти два типа реставрации были проведены с целью восстановить утраченные части рукописи. К сожалению, книга была переплетена плохо, с большими изъянами (некоторые газели были разделены на две части без учета ритма стихов) и другими погрешностями. Этим объясняется отсутствие последовательного порядка листов в манускрипте.

Различные хозяева рукописи оставили собственные печати на листах списка (лл. 31б, 36а, 37б, 164б), но их текст трудно прочитать. Так одна из них представляет прямоугольник со словами «Я некбахт...»?

Отдельные персидские стихи были добавлены на полях некоторых листов в Средней Азии. Один из обладателей списка написал байт в пределах рамки, кото-

рая должна была окаймлять миниатюру. На л. 11а представлена газель Шарифа, а на л. 93а - фард Мир Зарифа.

В силу выше указанных причин конкретно определить автора миниатюр невозможно. Костюм персонажей, пейзажи, колорит композиций близки по стилю к книжной продукции времени императора Джахангира (1605- 1627). Определить сюжеты миниатюр весьма сложно, возможно лишь привести краткий список иллюстраций.

В соответствии с существующим порядком композиции располагаются на лл. 136, 156а, 486, 1576, 1655б, 173а, 1316, 155б. Вот их краткий перечень:

1.Л.136. Иллюстрация к газели «Чу бишнави сухани аҳли дил, мағӯ, ки хатост...» представляет царя, возможно атабека Фарса, сидящего на троне в центре.

2.Л.486. Иллюстрация с прорывом листа в центре к газели «Як ду чомам дӣ сахарғах иттифок афтода буд...» представляет слугу в индийском костюме слева с чашей, протягивающего ее поэту, сидящему в центре.

3.Л.113б. Иллюстрация к газели «Субҳ аст сокиё, қадахе пуршароб кун...» представляет двух мужчин, обменивающихся чашами.

4.Л.155б. Иллюстрация к газели «Эй дар рухи ту пайдо анвори подшоҳӣ» представляет дворец позади сидящего царя. Возможно, именно для него была иллюстрирована рукопись.

5.Л.156а. Иллюстрация к газели «Гул бе рухи ёр хуш набошад...» представляет сидящего на ковре мужчину на фоне горы.

6.Л.157б. Иллюстрация к газели «Агар шароб хурӣ, чуръае фишон бар хок»... представляет мужчину, сидящего возле дерева со своим компаньоном, передающим ему чашу с вином. Слуга стоит слева.

7.Л.165б. Иллюстрация к газели «Рӯзи аз даст ва ман имрӯз дар он надидам» представляет зеленую гору справа, но утрата части изображения не позволяет детально описать композицию.

8.Л.173а. Иллюстрация к газели «Ман на он риндам, ки тарки шоҳиду соғар кунам» представляет встречу влюбленных. Слуга стоит справа.

Эти миниатюры отличаются по стилю от классической иконографии списков «Дивана» Хафиза, созданных в Иране и Центральной Азии, поскольку они написаны в соответствии со вкусом моголов. Было бы интересно сравнить душанбинскую рукопись № 426 с иллюстрациями Хафиза, выполненными в Индии или даже в Кашмире двумя столетиями позже для того, чтобы точно установить их атрибуцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Додхудоёва Л. Каталог художественно - оформленных восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР. -Душанбе: Дониш. 1986, - 204 с.
2. Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР//Ред. А. Мирзоев. -Т.11. - Душанбе, 1968. -356 с.
3. Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР//Ред. Галимова. -Т.11. - Душанбе, 1971. Манускрипт 807/1404-5 из Dushanbe № 545 с 41 газелью, но рукопись не закончена.
4. Salim Naysari, The role of Diacritical Point in reading a word and its effect on defining the meaning of the Poems of Hafiz, Persian Language and literature (Journal of the Faculty of Literature and Humanities), Tehran, 1392sh, vol. 21.
5. Muhammad Salim Mazhar & Murtaza Charmagi «Umrani, Mu'arri-fi-i nuskha-i khatti-I Divan-i Hafiz maktub bi sal-I 836q, Nama-i farhangistan, XVIII, 2, 2020.
6. Sotheby's in London, 10 June 2020.
7. Priscilla Soucek, *Hafiz.XII.Hafiz and the Visual Arts*//Encyclopaedia Iranica, XI, 5, 2012.

1. Деталь пейзажа на странице 1656.

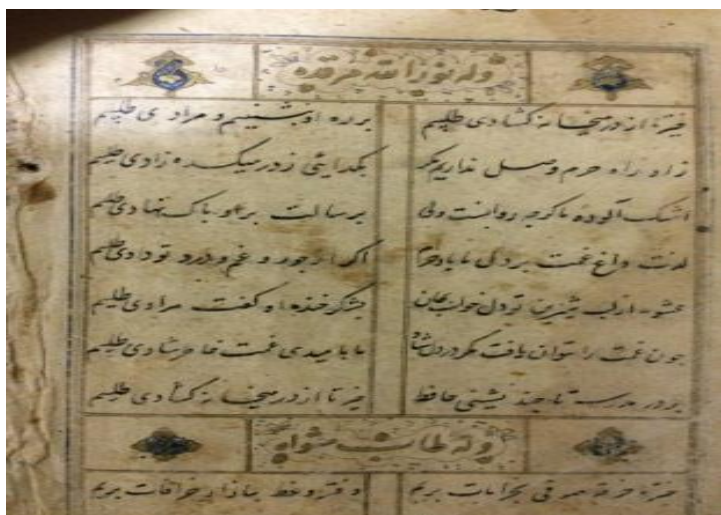
2. Лист рукописи 16-2a в его современном состоянии.
3.K/. 31b. Оригинальное оформление листа с заглавиями текстов в стиле, характерном для конца XV века.

4. Л.1576 Иллюстрация к газели № 299 по изданию Казвини - Гани. Заранее предполагалось, что на странице будет помещена миниатюра, и рукопись будет проиллюстрирована. 5. Встреча влюбленных (л. 173a).

1. Detail of the landscape of folio 165b. Деталь пейзажа на странице 165b.

2. The first folios of the manuscript (1b-2a) in their actual condition. Лист рукописи 1b-2a в его современном состоянии. 3. The original disposition of a page with the decoration of titles (style in use until the end of the XV th c.) on f. 31b. Оригинальное оформление листа с заглавиями текстов в стиле, характерном для конца XV века.

АРХЕОГРАФИЯ ПОВРЕЖДЕННОЙ РУКОПИСИ: «ДИВАН» ХАФИЗА № 426 ИЗ СОБРАНИЯ ЦЕНТРА ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Рукопись «Диван» Хафиза (инв. 426) из собрания Центра письменного наследия — сильно поврежденный экземпляр сборника стихов. Том неполный, листы переплетены в беспорядке во время ее реставрации. В каталоге рукописного собрания данный манускрипт датирован XVII веком, а его восемь миниатюр в очень плохом состоянии отнесены к могольской школе конца того же века.

Внимательное изучение особенностей письма и декора показывает, что «Диван» Хафиза с наибольшей вероятностью может быть отнесен к Ширазу последней трети XV в. Рукопись предназначалась для иллюстрации, но в то же время отдельные предусмотренные для этой цели места остались пустыми. Рукопись представляет собой древнейший экземпляр сочинения «Дивана» Хафиза, подготовленным для иллюстрирования.

Ключевые слова: *Хафиз, рукопись, Шираз, живопись, двор Великих Моголов, император Джахангир, состояние, индийская манера.*

ARCHAEOGZARHY OF A DAMAGED MANUSCRIPT: THE «DIVAN» BY HAFIZ N° 426 OF THE CENTER OF WRITTEN HERITAGE OF THE TAJIKISTAN NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES

The manuscript inv. 426 of the Center for Written Heritage is a very damaged copy of the collection of the poems. (Divan) of Hafiz. The volume is incomplete and the folios were bound in disorder when the manuscript was restored. According to the catalogue of the Center of Written Heritage, the copy can be dated from the XVIIth century A.D. and the eight paintings, in very bad condition, were attributed to a Mughal school of the end of the same century.

A close examination of the characteristics of the script and decor shows that the copy can be attributed most probably to Shiraz to the last third of the XVth c. It was intended to be illustrated but at that time the frames provided for that purpose remained empty. The manuscript seems to be the most ancient Divan-i Hafez prepared for receiving paintings.

Key words: *Hafiz, manuscript, Shiraz, painting, Mughal court, emperor Jahangir, condition, Indian manner.*

АРХЕОГРАФИЯ И ЯК НУСХАИ ХАТТИИ ОСЕБДИДА: «ДЕВОН»-И ҲОФИЗ ТАҲТИ РАҚАМИ 426 АЗ МАҶМУАИ МАРКАЗИ МЕРОСИ ХАТТИИ АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН

Дастнависи «Девон»-и Ҳофиз (инв. 426) аз маҷмуаи Маркази мероси хаттии назди Раёсати Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон нусхаи осебдидаи маҷмуаи ашғор мебошад. Ҳаҷм нопурра, варақҳо хангоми барқарорсозии он нумураттаб баста шудаанд. Дар Феҳристи ҳазинаи дастхатҳо ин дастнавис ба асри XVII ва инчунин ҳашт минётураи он дар ҳолати хеле бад ба мактаби муғулҳои охири ҳамоно аср тааллуқ доранд.

Омӯзиши бодикқат дар бораи вижагиҳои навиштан ва ороиш нишон медиҳад, ки «Девон»-и Ҳофизро ба эҳтимоли зиёд метавон ба Шероз дар сеяки охири асри XV нисбат дод. Дастнавис барои тасвир пешбинӣ шуда буд, аммо дар айни замон баъзе ҷойҳои, ки барои ин мақсад муайян шудаанд, ҳолӣ монданд. Чунин ба назар мерасад, ки дастнавис қадимтарин нусхаи Девони Ҳофиз аст, ки барои тасвир омода шудааст.

Калидвожаҳо: *Ҳофиз, дастнавис, Шероз, расм, дарбори муғулҳо, император, Ҷаҳонгир, ҳолат, тарзи ҳиндӣ.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Ришар Франсис** – узви хориҷии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Порис, Фаронса. Эл. почта: richardfrancis0@gmail.com

Information about the author: **Francis Richards** - Honorary Member of the Tajikistan National Academy of Sciences. Paris, France. E-mail- richardfrancis0@gmail.com

Сведения об авторе: **Ришар Франсис** - иностранный член Национальной академии наук Таджикистана. Париж, Франция. Электронная почта: richardfrancis0@gmail.com

УДК 9 (575)

ПАМИР В ПЕРИОД ВЛАДЫЧЕСТВА МОНГОЛОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (НАЧАЛА XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВВ.)

Пирумшоев М. Х.,

Российско - Таджикский (Славянский) университет

Период владычества монголов считается одним из самых драматических периодов в истории народов Средней Азии, главным образом для таджиков. Историография трагедии, связанной с кровавыми нашествиями монголов, насаждения их ненавистной власти, как в азиатских странах, так и Восточной Европе чрезвычайно обширна. Она берёт начало с периода образования монгольского государства и кровавых деяний его основателя, Чингиз-хана, в конце XII-XIII вв. До этого времени многочисленные монгольские племена – кираиты, меркиты, татары, найманы, монголы, ойраты и др., жили разрозненно и в постоянной вражде между собой.

За сравнительно короткий срок он сумел создать для того времени самое мобильное войско, в основе которого лежала железная дисциплина. В этой связи, согласно сведениям Джувайни, Чингиз-хан ввёл такой жесткий порядок: «Если десятник не умеет вести свой взвод, я предаю смерти его самого, его жену и детей, и выбираю из его десятка нового десятника. Я так же поступаю в отношении начальников сотен, тысяч и десятков тысяч» [24,238].

Широкий простор для завоевательных действий Чингиз-хана открыло присоединение Северного Китая к монгольскому государству. Захватив Пекин в 1215 г., где находился цзиньский двор, монголы учинили поголовную резню городского населения, разрушили уникальные архитектурные памятники, разграбили сокровищницу империи Цзинь. Но самой выгодной ценностью для Чингиз-хана была знакомство с самой для того времени передовой военной техникой Китая, образцы которой были использованы им в перевооружении своей армии. После успешного похода полководца Чингиз-хана – Джебэ в 1218 году, монголы заняли Баласагун, столицу Семиречья, а затем Кашгарию [24,194].

Чингиз-хан, уже будучи уверенным в своем военном превосходстве, вынашивал план нападения на Среднюю Азию. Поводом послужила так называемая «Отрарская катастрофа»: в пограничной крепости Отрар воинами Мухаммада Хорезмшаха был разграблен богатый караван Чингиз-хана. Требование Чингиз-хана наказать виновных и возместить ущерб в грубой форме было отклонено Мухаммадом Хорезмшахом. Это и стало началом нашествия монголов в Среднюю Азию. В 1219 г. Чингиз-хан, захватив город Отрар, в начале 1220 г. с основными силами предпринял поход на Бухару.

Несмотря на отчаянное сопротивление местного населения, Чингиз-хан в начале 1220 г. овладел Бухарой и Самаркандом. Затем, после взятия ряда крупных населённых пунктов, монгольские войска осадили Ходжент, обороной которого руководил наместник султана Ала ад-дина Мухаммада, Темурмалик, нанёсший ряд ощутимых ударов захватчикам. В неравных боях, потеряв часть своих воинов, Тимурмалик отступая, организовал оборону Хорезма, воссоединившись с отрядами сына хорезмшаха Мухаммада-Джелалуддина.

Продолжая свои завоевательные походы, монголы заняли Термез, вступив на территорию современного Афганистана, в 1221 г. разрушили Балх. Одновременно монгольские войска, возглавляемые сыновьями Чингиз-хана, несмотря на 6-ти месячное сопротивление, завладели столицей Хорезма Гурганджем (Ургенч) [6;3,45-597;25,306-324;26,791-828;4,447-453;23;7;11,246-389].

Таджикский учёный, известный источниковед Н. Амиршохи, опираясь на сведения Джувейни, Ибн ал-Асира, ан-Насави, Рашид ад-Дина и др. примерно определил страшный масштаб геноцида городов Мавераннахра и Хорасана: Отрар, Бухара, Самарканд, Сыгнак, Худжанд, Термез, Узгенд, Балх, Ниса, Мерв, Кангурт, Нишапур, Герат, Таликан, Бамиан и др. установил примерное число убитых, основную массу которого составляло таджикское население, в несколько миллионов человек [8,313; 11,306-307].

Этот трагический период в истории народов Центральной Азии и за её пределами, естественно, не мог оставаться без внимания всех поколений средневековых хронистов и историков-востоковедов последующих поколений.

Например, среди записей китайских путешественников и хроники историков, непосредственно наблюдавших за ходом события, интерес представляют сведения отшельника Чан-Чуна [22], «Сокровенное сказание» Юань-Чоа-Би-Ши [27;29], в которой повествуется о покорении Чингиз-ханом Северного Китая, Туркестана, Багдадского халифата и Руси.

Сочинение таких современников трагических событий, как Ибн аль-Асир (1160-1234), автор многотомной хроники «Ал-Комил фит-та`рих» («Полный свод истории»)[10], сочинения Мухаммада ан-Насави (ум. в 1249/50 г.), служившего в качестве секретаря у последнего представителя династии Хорезмшахов Джалалуддина Манкбурни «Сират ас-султан Джалалуддин Манкбурни» («Жизнеописание султана Джалалуддина Манкбурни»)[1] и двухтомное сочинение «Табакоти Носири» («Носировы таблицы») Минходжа Сироджа Джузджани (1193-1259)[13].

В целом работы содержат ценный материал по важнейшим событиям истории Средней Азии, в том числе, связанные с завоеванием края Чингиз-ханом.

Ценные сведения о завоевательных походах и расширения государства монголов имеются в сочинениях следующих средневековых авторов: Джувайни (1226-1283) – «Таърих-и Джахангушай» («История покорителя мира»), Фазлалах ал-Хамадани (ок.1247-1318) – «Джомеъ ат-таворих» («Сборник летописей»), Шибангарай (1297/98-1335/36), Мухаммад бин-Банокати – «Таърихи Банокати» («История Баноката»), Шараф ад-Дин Али Йазди (умер в1454 г.) – «Зафарнома» («Книга побед»), при участии Мирзо Улугбека в 1425 г. завершена работа над «Таърихи арбаъ-улус» («История четырёх улусов»), Мирхонд (1433-1498) – «Равзат-ус-сафо фи сифат ал-анбиё в-ал мулук ва-л хулафа» («Сад чистоты, относительно жизни пророков, царей и халифов»), Хондамир (XVI в.) – «Хабиб ас-сияр фи-ахбар ва-л-афрад ал-башар» («Друг жизнеописаний в известиях об отдельных людях») и другие.

В этой связи следует отметить, что они широко использованы несколькими поколениями русских, советских и европейских исследователей-востоковедов, причастных к средневековой истории Центральной Азии, в качестве источника (несмотря на компилятивный характер некоторых из них) В свою очередь, историографическому анализу их работ также посвящено немало серьёзных исследований [7].

Исходя из задач, поставленных в данной научной статье, ограничимся выявлением заслуг тех авторов, работы которых имеют отношение к событиям истории Памира и Бадахшана в эпоху монгольского владычества в Средней Азии.

Следует отметить, что Памир, вернее часть его – Сарыкуль накануне военных действий между Чингиз-ханом и хорезмшахом Мухаммадом упоминается в некоторых источниках. Это было связано с преследованием главы племени наймана Кучлука, который, спасаясь бегством в Семиречье, обосновал своё государство на развалинах кара-китайской державы от Семиречья до Кашгара, Войсками Чингиз-хана во главе с Джебе в 1218 г., согласно сведениям Рашид ад-Дина, Кучлук был настигнут и убит в Сарыкуле [19,194;20,179-180,183;9,42]. Но это не может быть прямым доказательством занятия этой части Памира монголами.

В. В. Бартольд недвусмысленно утверждал, что «Бадахшан не был затронут монгольским нашествием и до IX/XV в. оставался под властью местной династии» [2,345]. Б. Г. Гафуров, подтверждая мнение В. В. Бартольда, пишет: «Из районов, населенных таджиками, не были завоеваны монгольскими войсками лишь Бадахшан и некоторые прилегающие к нему горные княжества Восточного Таджикистана, а так же некоторые местности в Гуре, защищённые сильными крепостями»[4,452].

Но имеющиеся сведения в сочинениях средневековых авторов, утверждают обратное. Например, Джувайни в «Истории завоевания мира» пишет: «Как Чингиз-хан освободился от разрушения Тирмиза, направился в Кангурт и Саман. Оставаясь там в течение зимы, он путём убийства, грабежа очистил этот край от ненавистных противников. После направил войска в область (вилоят) Бадахшана, и из крови убитых в этом крае, земля уподобилась обгагрённому светом яхонту или бадахшанскому рубину» [24,68].

В «Джами` ат-таворих» («Собрания летописей») Рашид-ад-Дина (1247-1318) указано, что в 1218 г., преследуя каракитайского хана Кушлука- наймана, Чингиз-хан вдогонку за ним послал Джебе Найона. Он настиг хана в пределах Бадахшана и убил его в ущелье Сарыкуль [20,179-180,183]. В другом месте своего сочинения, Рашил-ад-Дин упоминает о том, что после взятия и разгрома Термеза в 1221 г., Чингиз-хан послал войска для покорения Бадахшана и его округи. Ему удалось подчинить их «частью ласкою, частью силою» [20,218]. О том, что Бадахшан находился под властью монголов свидетельствует факт нахождения их войска в Кашмире, Балхе и Бадахшане в середине XIII в. [21,69].

Другим фактом, подтверждающим захват Бадахшана монголами, являются сведения, приведённые в сочинении историка Мухаммада Юсуфа Мунши (XVII в.) «Таърихи Мукимхони». Автор, хорошо знакомый с источниками свыше четырёх столетий спустя этих событий, в период его службы при дворе Мухаммада Мукимхана в Балхе, которому посвятил своё сочинение (написано в 1697-1707 гг.), указывает, что Чингиз-хан после завоевания Термеза и его разрушения в 1218-1219 захватил Балх и Бадахшан [16,46;17,75-76].

Указанные факты приводят к однозначному выводу о том, что Бадахшан не мог стоять в стороне от нашествия монголов. Это подтверждается и современным афганским историком С. Муроди. Ознакомившись с мнением В.В.Бартольда, учёный так же утверждает, что этот во всех отношениях выдающийся востоковед, по всей вероятности не был знаком с сочинением Джувайни. Для большей убедительности своего мнения С. Муроди пишет, что в период нашествия монголов Бадахшан являлся частью Тохаристана. Развалины города Хамчан (около аэропорта современного Файзабада) и

всеобщее истребление населения Рустака убедительно свидетельствует о том, что Бадахшан был втянут в пучину кровавого нашествия монголов [15,692].

Сын Чингиз-хана Тулу, назначенный наместником в Хорасане, завладел большей его частью. После захвата городов Мерв и Герат вступил в Бадахшан и разрушил его до основания. Так же он поступил с городом Хамджан и другими районами, находившимися на его пути, продолжая поход в сторону Талекана.

В ходе взятия Талекана, Бамияна и Тохаристана (Бадахшана) войска монголов встретили ожесточенное сопротивление местных жителей. Населения Рустака (Валволдж) и Талекана были перебиты после семимесячного героического сопротивления против лютого врага. В Бамиане после подавления многомесячного сопротивления монголы провели массовую резню местного населения. [15,693-695;7,326-329,350-351].

Чингиз-хан, завоевав Тохаристан, назначил в качестве своего наместника эмира Казгана или Кадгана, который назвал эту обширную область своим именем Кадаган, впоследствии получившее название «Катаган».

Опираясь на источники, Г. Гоибов указывает, что в XII-XIV вв., правителями Тохаристана, Хатлона и Бадахшана являлись представители монгольских эмиров, которые враждовали между собой. Во второй половине XIV в. внук монгольского эмира Казагана – эмир Хусайн правил Кабулом и Андаробом. В Гиссаре властвовал эмир Баёни Сулдуз и Бадахшан находился под властью шаха Бахоуддина. После того, как амир Хусейн и Амир Темур совершили совместный поход в Гиссар, его правитель Баён Сулдуз спасся бегством в Бадахшан. Преследуя его, Хусайн и Темур приближались к Бадахшану. Шах Бахоуддин в спешке покинул своё владение, и Бадахшан оказался под властью Амира Хусейна [5,269-270].

Волна нашествия монголов не доходила до территории Дарваза, Ванча, Рушана, Шугнана, Ишкашима и Вахана, вследствие бездорожья и труднодоступности. Но, это вовсе не означает, что эти владения не испытывали трудности и лишения. Спасавшиеся от поголовного истребления монгольскими варварами, таджики были вынуждены поселиться в горных, малопригодных для жизни территориях. «Масштабы миграции, - пишет У. Эшонкулов, - были так велики, что следы проживания их встречаются даже в наиболее суровой и высокогорной части Ягноба, Матчи, Искодары, западных горных районах Памира: Ванджа, Вахъё, Дарваза и других ущельях... Таким образом, монгольское нашествие привело не только к уничтожению большой территории равнинной области Мавераннахра, но и к массовому уходу таджиков в горную зону. Горные же ущелья в связи с приходом равнинных таджиков были перенаселены, что, в свою очередь, привело к дефициту продуктов питания, сырья для производства и т.д.» [11,372-375].

Таким образом, имеющиеся сведения позволяют прийти к заключению, что в XIII – середине XIV вв. большая часть Бадахшана, оказавшаяся под властью монголов, испытала все кровавые драматические бедствия, которые выпали на долю всех таджиков Мавераннахра и Хорасана. Даже те области Западного Памира, которые остались в стороне от захватнических действий монголов, не смогли избежать этих тяжких испытаний.

Но это отнюдь не означает, что Бадахшан полностью и безвозвратно потерял свою независимость на протяжении всего полуторавекового существования власти монголов в Средней Азии. Судя по имеющимся сведениям, за этот период власть неоднократно переходила в руки представителей местной династии. Например, по

наблюдениям Марко Поло, в 70-х годах XIII в. власть в Бадахшане находилась в руках местных правителей. В частности он указывает, что «в Баласиане (Бадахшан) народ мусульмане. Большое царство. Цари наследственные, произошли они от царя Александра и дочи царя Дария... В той области водятся драгоценные камни балаши (рубин); красивые и дорогие камни... Роят пещеры в горе Шикхинан (Шугнан) и добывают там балаши по царскому приказу, для самого царя... В этой стране есть и другие горы, где есть камни, из которых добывается лазурь. Лазурь прекрасная, самая лучшая в свете, а камни, из которых она добывается, водятся в копиях, также как и другие камни» [14,63-64]. Эти сведения, основанные на личных наблюдениях Марко Поло, однозначно подтверждают самостоятельное управление местных правителей на Памире и Бадахшане.

Это подтверждается содержанием нумизматических данных, относящихся к XIV в. Например, в Таласском кладе обнаружены монеты бадахшанского чекана, что может свидетельствовать о фактически независимом управлении представителей местной династии [12,85-95].

Что касается политической обстановки на Западном Памире, то нет прямых показателей распространения власти монголов в этой части Памира. На наш взгляд, причинами тому являлись: географическая изолированность и бездорожье, лишавшие монголов возможности направлять через труднопроходимые ущелья контингент войска, а также опасение встретить сильное сопротивление местного населения в горных условиях.

Но, всё же не исключено то, что, опасаясь возможного нападения после занятия монголами Бадахшана, местные правители Дарваза, Ванджа, Рушана, Шугнана, Иш-кашима и Вахана могли признать их политическое влияние и даже номинальную зависимость. Она, может быть, проявлялась в подношении дани, подарках или выполнением каких-то поручений. К примеру, при отсутствии каких-либо сведений, исследователи едины во мнении о том, что войска Чингиз-хана или какой-то его отряд, не пересекал территории Дарваза, но это вовсе не значит, что это горная область, совершенно выпала из поля зрения этого завоевателя.

В селение Кулумбаи Боло, на протяжении двух километров сохранились следы добычи золота. Согласно преданиям местных людей, передававшимся из поколения в поколение, здесь представители Чингиз-хана развернули производство золота, насильственно используя труд местного населения. Разумеется, этот пример не может служить достоверным источником или аргументом, свидетельствующим о прямом административном подчинении Дарваза монгольским завоевателям, но наводит на предположение о его номинальной зависимости [18,32].

В целом, сопоставление имеющихся сведений приводит к заключению о том, что Бадахшан не мог избежать нашествия монгольского войска и испытал все драматические события, связанные с кровавыми злодеяниями этих иноземных захватчиков. Что касается территории Западного Памира, то хотя она и оказалась в стороне от прямого захватнического нападения, но не могла не испытать тяжкое бремя, связанное с нашествиями монголов в соседних государствах и независимых областях. Имеющиеся источники дают основания для твёрдого предположения о том, что степень зависимости местных правителей от власти монголов была не более чем номинальной. Это давало возможность местным властям сохранить свои сложившиеся веками традиции административного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ан-Насави Шихаб ад-дин Мухаммад. Сират ас-Султан Джала ад-Дин Манкбурни. – М.: «Наука», 1996. -798.
2. Бартольд В. В. Бадахшан. Статьи из «Энциклопедии ислама»//Сочинения. – Т. III. Работы по исторической географии. – М.: «Наука», 1965. -С. 343-347.
3. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Сочинения. – Т. I. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. -760 с.
4. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: «Наука», 1972.-664 с.
5. Гоибов Г. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз. (Таърихи сиёсии ва ҷуғрофӣ) – Душанбе: «Дониш», 2006.-906 с.
6. Григорьев В.В. История монголов от древнейших времён до Тамерлана. – СПб., 1834. -171 с.
7. Давлатов М. Сопrotивление таджикского народа монгольскому завоеванию. (1219-1223 гг., по средневековым восточным и западным письменным памятникам). – Душанбе: «Деваштич», 2007.-39 с.
8. Давлатдории тоҷикон дар асрҳои XI-XIV. Пораҳо аз «Равзату-с-сафо» ва дигар кутуб. Мураттиб ва муҳаққик Нурмуҳаммади Амиршоҳӣ. – Душанбе: «Амри илм», 1999. -1008 с.
9. Джамал Карши. Мулҳақат ас-Сурах. Перевод с арабского и примечания А. Саидова. – Душанбе: «Ирфон», 2006. -266 с.
10. Ибн ал-Асир. Ал-Комил фит-таърих. Полный свод истории. Перевод с арабского языка, примечания и комментарии П. Г. Булгакова. – Ташкент: «Узбекистан», 2006. -562 с.
11. История таджикского народа. – Том III. XI-XV века. – Душанбе: «Дониш», 2013. -580 с.
12. Массон М. Е. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов (по поводу Таласского клада монет XIV в.)//Труды Среднеазиатского государственного университета. Археология Средней Азии. Ташкент: Изд-во САГУ, 1957. -Вып. IV-С.41-107.
13. Минхочуддин Усмон ибни Сирочуддин, маъруф ба Минхоч Сирочи Ҷузҷонӣ. Табақоти Носирӣ. Матни интиқодии Абулхайи Ҳабибӣ. – 1391 х. (1999). - 649 с.
14. Минаев И. П. Путешествие Марко Поло. Перевод старофранцузского текста. Изд. ИРГО, под ред. В. В. Бартольда. – СПб., 1902.-355 с.
15. Муродӣ С. Бадахшон дар таърих. – Ҷ. дуввум. - Кобул: Интишороти Хайём, 1388.-С.646-1350.
16. Мухаммад Юсуф Мунши. Муқимханская история. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. -233 с.
17. Мухаммад Юсуф Муншӣ. Таърихи Муқимхонӣ (Сайри таърихӣ - фарҳангӣ ва иҷтимоии Маборуннаҳр дар аҳди Шайбонӣ ва Аштархонӣ) (Тасхех ва таҳқиқи Фариштаи Саррофон). – Техрон, 1370 х (1979). - 233 с.
18. Пирумшоев Х. Таърихи Дарвоз (аз қадим то замони муосир). – Душанбе: «Ирфон», 2008. - 704 с.
19. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т. I. – Кн. I. Пер. Л. А. Хетагурова. – М.,-Л., 1952. -222 с.
20. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Т. I. – Кн. 2. Перевод с персидского О. И. Смирновой. Примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. Под редакцией А. А. Семенова. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1952. -316 с.
21. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Т. III. Перевод с персидского А. К. Арендса. Под редакцией А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. – Л.: Изд-во АН СССР, 1946.-340 с.
22. Сию Цзи или описание путешествия на запад. (Перевел с китайского с примечаниями архимандрит Палладий//Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – Сочинения. – Т. IV. – СПб., 1866. С. 259-436
23. Турсунов Н. О. Ҳафт хони Темурмалик. Таҷқиқоти илмӣ. Семь подвигов Темурмалика. Научное исследование. – Худжанд: «Хуросон», 2003. – 404 с.
24. Ҷувайний Атомалик. Таърихи ҷаҳонкушоӣ. Барориши Мухаммад Қазвинӣ. – Ҷ. I. – Техрон: Дунёи китоб, 1385 х. – 436 с.
25. Якубовский А. Ю. Мавераннахр и Хорезм под монгольским игом в XIII в.//История народов Узбекистана. – Т. I. С древнейших времен до начала XVI в. (Глава III). – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950. С. 306-324.
26. Якубовский А.Ю. Образование монгольского государства, завоевание монгольским государством Средней Азии и вторжение татаро-монгольских захватчиков в Закавказье и Восточную Европу//Очерки истории СССР. Период феодализма IX-XV вв. –М.: Изд-во АН СССР, 1953. -С.791.
27. Юань-Чоу Би-Ши. Сокровенное сказание. – Т. I. – Кн. 2. Перевод С.А.Козина. – М.-Л., 1941. С. 83-105.
28. Юань-Чоу Би-Ши. Чингиз хан и его империя. – Алматы, 2006. С. 25-106.

ПАМИР В ПЕРИОД ВЛАДЫЧЕСТВА МОНГОЛОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (НАЧАЛА XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВВ.)

В статье рассматривается один из самых драматических периодов в истории Средней Азии - нашествие монголов и проводится анализ заслуг работ авторов, причастных к событиям истории Памира и Бадахшана в эпоху монгольского владычества. Этот период получил широкое освещение у средневековых хронистов, историков-востоковедов и путешественников. Это работы Джувейни, Ибн ал-Асира, ан-Насави, Рашид ад-Дина и др. За сравнительно короткий срок, с конца XII- XIII вв., Чингиз-хан сумел создать одно из самых боеспособных войск того времени с железной дисциплиной. В 1219 году монгольское войско во главе с Чингиз-ханом вторгается в Среднюю Азию, захватывает Отрар, Ходжент, Ургендж, Бухару, Самарканд и др. тер. Взятием Хорезма завоевание Средней Азии было завершено. Военные действия были перенесены на территорию современного Афганистана. На захваченных территориях монголы проводили насильственную политику по отношению к местному населению.

Ключевые слова: Средняя Азия, Центральная Азия, Памир, Бадахшан, Отрар, Ходжент, Ургендж, Бухару, Самарканд, Дарваз, Ванч, Рушан, Шугнан, Ишканиш, Вахан, Афганистан.

PAMIR DURING THE REIGN OF THE MONGOLS IN CENTRAL ASIA (BEGINNING OF THE XIII-FIRST HALF OF THE XIV CENTURIES.)

The article considers one of the most dramatic periods in the history of Central Asia, the invasion of the Mongols and the analysis of the merits of the works of authors involved in the events of the history of Pamir and Badakhshan in the era of Mongol rule. This period was widely covered by medieval chroniclers, oriental historians and travelers. These are the works of Juvaini, Ibn al-Asir, an-Nasawi, Rashid ad-Din and others. In a relatively short period from the end of the 12th-13th centuries, Genghis Khan managed to create one of the most combat-ready troops with iron discipline for that time. In 1219, the Mongol army led by Genghis Khan invaded Central Asia, captured Otrar, Khujand, Urgenj, Bukhara, Samarkand and other territories.

With the capture of Khorezm, the conquest of Central Asia was completed. Military operations were transferred to the territory of modern Afghanistan. In the occupied territories, the Mongols pursued a violent policy towards the local population.

Key words: Central Asia, Central Asia, Pamir, Badakhshan, Otrar, Khujand, Urgenj, Bukhara, Samarkand, Darvaz, Vanch, Rushan, Shugnan, Ishkashim, Vakhn, Afghanistan.

ПОМИР ДАР ДАВРАИ ХУКМРОНИИ МУҒУЛҶО ДАР ОСИЁИ МИЁНА (ИБТИДОИ АСРИ XIII - НИМАИ ЯКУМИ АСРИ XIV)

Дар ин мақола яке аз давраҳои дахшадбор дар таърихи Осии Миёна, ҳуҷуми муғулҳо ва таҳлили осори муаллифоне, ки дар ҳодисаҳои таърихи Помиру Бадахшон дар даврони ҳукмронии муғул иштирок доштанд, баррасӣ гардидааст. Ин давра соҳнабарори асрҳои миёна, муаррихони шарқ ва сайёҳон васеъ инъикос кардаанд. Инҳо осори Ҷувайнӣ, Ибни Асир, Насавӣ, Рашидиддин ва дигарон мебошанд. Ба Чингизхон дар як муддати нисбатан кӯтоҳ аз охири асрҳои XII - XIII муяссар шуд, ки барои он замон яке аз лашкари пурзӯри дорой интизомӣ қавӣ ба вучуд оварад. Соли 1219 лашкари муғул бо сардории Чингизхон ба Осии Миёна ҳуҷум карда, Утропу Хучанд, Урганҷ, Бухоро, Самарқанд ва дигар манотиқро забт кард. Бо забт шудани Хоразм истилои Осии Миёна анҷом ёфт. Амалиёти ҳарбӣ ба қаламрави Афғонистони муосир интиқол ёфт. Муғулҳо дар минтақаҳои ишғолкардаашон нисбат ба аҳолии маҳаллӣ сиёсати зӯрварона меғузронданд.

Сведения об авторе: *Пирумшоев Мунир Хайдаршоевич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории факультета истории и международных отношений Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ) (Республика Таджикистан, г. Душанбе), E-mail: munir.85@mail.ru

About the author: *Pirumshoev Munir Khaidarshoevich* - Candidate of Common Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Faculty of History and International Relations of the Russian-Tajik (Slavonic) University (RTSU) (Republic of Tajikistan, Dushanbe), E-mail: munir.85@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ТАДЖИКИСТАНА В 1924-1941 гг.**ГАНДЖАКОВА М. Г.,****Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни**

В современной отечественной историографии изучение истории деятельности культурно-просветительных учреждений Таджикистана занимает особое место. В изучение проблем культурного строительства, особенно культурно-просветительных учреждений Таджикистана огромный вклад внесли отечественные историки М. Р. Шукуров, А. Ким, З. Ш. Раджабов, Р. Я. Хамидов, Р. М. Масов, К. Расулов, Б. Сафаралиев, А. И. Усманов и другие.

М. Р. Шукуров, известный таджикский ученый, исследуя проблемы культуры Таджикской ССР, внёс особый вклад в изучение данной проблематики. В его работах освещены предпосылки, процесс и результаты культурного строительства, в том числе роль культурно-просветительных учреждений в победе культурной революция в республике. Наряду с достижениями и успехами культурной революции, автор упоминает о недостатках в деятельности культурно-просветительных учреждений республики в первые годы установления Советской власти. Автор, говоря о культурных преобразованиях в исследуемый период, подчёркивает необходимость решения трех узловых проблем – всеобщего школьного образования, ликвидации неграмотности и подготовка кадров из числа местных национальностей [20, 492].

Недостатки и проблемы деятельности культурно-просветительных учреждений, по мнению и наблюдению автора, который сам лично являлся одним из зачинателей культурного строительства в республике, заключались в неграмотности народа, нехватке кадров, зданий для учреждений культуры, агитационной литературы и в негативном влиянии духовенства [22, 103].

В своем монографическом исследовании М. Р. Шукуров, ссылаясь на архивные данные, отметил о функционировании культурно-просветительных учреждений, что в конце 1925 года в республике существовали 10 красных чайхан, 7 клубов, 2 библиотеки и Дом дехканина [20, 151]. 12 августа 1928 года Дом дехканина преобразовался в культурно-просветительное учреждение, в состав которого входили библиотека, читальный зал, агитационный кабинет, 2 комнаты отдыха для дехкан, 2 комнаты-выставки, кабинет председателя Ревкома Н. Махсума, кабинет «Узбекгоскино», и при нём существовал кружок самодеятельности [20, 161].

В отечественной историографии изучения основных проблем Таджикской ССР важное место занимает исследование академика Р. М. Масова [8, 143-162]. Он в своей работе наряду с другими проблемами историографии Советского Таджикистана подробно освещает проблемы культурного строительства, и в том числе – проблемы становления и деятельности сети культурно-просветительных учреждений. Автор подробно изучил проблемы и сложности процесса культурного строительства в первые годы после установления Советской власти в республике, и раскрывает значение культуры в дальнейшем развитии общества.

Солидарно с мнением М. Р. Шукурова, исследования Р. М. Масова освещают

некоторые проблемы культурного строительства, которые тормозили деятельность культурно-просветительных учреждений республики, такие как ликвидация неграмотности, нехватка местных национальных кадров для успешного развития культуры, и особенно влияние духовенства во вред социалистическому строительству в Таджикистане [9, 318]. Действительно, такие проблемы препятствовали успешной деятельности культурно-просветительных учреждений Таджикской ССР.

В работе Р. Масова на основе использования огромных архивных источников показаны убедительные факты недостатков и достижений в культурном строительстве, особенно в деятельности культурно-просветительных учреждений Таджикистана. Исследуя проблему, автор даёт общие сведения о процессе образования и деятельности культурно-просветительных учреждений и отмечает, что данная проблема требует специального научно-исследовательского анализа в отечественной историографии [9, 318].

Диссертационное исследование Б. Сафаралиева целиком посвящено проблеме становления и развития культурно-просветительной работы в Таджикистане в 1924-1941 годах. На основе архивных источников он составил уникальное исследование, но данная проблема им изучена и проанализирована в аспекте педагогического направления. Научный интерес данное исследование представляет с точки зрения истории, и автор приводит интересные факты об истории становления и развития культурно-просветительной работы с периода образования Таджикской АССР до начала военного периода [15, 226].

Профессор К. Расулов в своей диссертационной работе и монографическом исследовании освещает историю культуры таджикского народа первой четверти XX века. Солидарно с мнением М. Р. Шукурова автор в аспекте богатых источников изучил актуальность проблем культуры и деятельности культурных учреждений в первые годы установления Советской власти, особенно образования Таджикской АССР, и отметил достоинства и недостатки в их работе [13, 305].

А. И. Усманов в своей диссертации отмечая о нехватку культурно-просветительских кадров, добавляет, что для решения данной проблемы в начале 20-х гг. XX в. основные кадры культпросветработников приглашались из развитых республик СССР и направлялись на работу в северные, центральные и южные районы республики [17, 105].

По данной проблеме М. Р. Шукуров пишет, что для удовлетворения кадровых потребностей республики и подготовки национальных кадров специалистов приглашали из Москвы, Ленинграда, Баку, Киева, Харькова, Ташкента, Самарканда и других городов [20, 297].

Следует отметить, что одним из особых направлений в исследовании культурно-просветительной деятельности является изучение истории искусства, в частности, искусства кино. В современной историографии изучение истории таджикского кино актуально и занимает особое место. В изучение данной проблемы огромный вклад внесли научные исследования А. Ахророва [3, 230], С. Прошина [12, 96], Ш. Саидова [14, 116], Ш. Арабовой [1, 130] и других ученых. Авторы работ с точки зрения исторического исследования комплексно изучали некоторые проблемы образования и развития таджикского кино в советское время и в период независимости. Недостатки изучения проблем таджикского кино заключаются в том, что до сих пор в отечественной историографии отсутствуют специальные комплексно-хронологические работы, освещающие

проблемы кино Таджикской АССР, Таджикской ССР и периода независимости Республики Таджикистан.

В монографическом исследовании М. Р. Шукурова достаточное внимание уделено главным направлениям деятельности культурно-просветительных учреждений республики, в основном кино [22, 196-202] и подчеркивается, что из всех видов искусства для нас самый главный – это кино, потому что до победы Октябрьской революции таджикский народ не имел понятия о таком виде искусства [22, 196]. Автор историю образования таджикского кино датирует 1927 годам. Вместе с тем он добавляет, что в 1927 году в Ходженте, Ура-Тюбе, Канибадаме существовали кинотеатры, которые открылись по инициативе треста «Узбекгоскино». В 1930 году в Сталинабаде был создан трест «Таджиккино» [22, 196].

Особой фундаментальной заслугой А. Ахророва в изучении и исследовании истории становления и развития таджикского кино является первое обобщающее искусствоведческое монографическое исследование. Актуальность его исследования заключается в том, что он даёт сведения об истории образования, процессе развития и достижениях таджикского кино, в том числе о появлении первых таджикских кинофильмов и развитии дубляжа в военные годы, которые по хронологическим рамкам охватывают 1929-1969 года [3, 255-264].

В работе С. Прошина «Очерк об истории таджикского художественного кино» освещено функционирование таджикского кино после преобразования киностудии «Таджикфильм» в художественно-хроникальную, становление таджикского игрового кино, и по хронологическим рамкам она охватывает 1955-1960 годы, которые связаны с первым этапом игрового кино [12, 96].

В отечественной историографии важное место в изучении истории таджикского кино занимает исследование Ш. Арабовой. Диссертация автора по хронологическим рамкам охватывает вторую половину XX – начало XXI века, на основе широкого использования архивных материалов в работе подробно излагается история таджикского кино и используются убедительные научные факты.

Ш. Арабова в своем монографическом исследовании даёт сведения о становлении, развитии, контексте и принципах многонационального советского художественного кинопроизводства и их реализации в политической идеологии. Исследователь пишет о проблемах и условиях становления и развития таджикского кинематографа, и актуальность данного исследования заключается в анализировании роли советского наследия в предпосылках становления нового кино в независимом Таджикистане [2, 300].

Таким образом, ценность данных работ заключается в том, что деятельность их авторов тесно связана с таджикской кинематографией, и они изнутри знают сферу кино, а также в том, что некоторые из них являются редакторами и членами художественного совета киностудии «Таджикфильм».

Серьёзные недостатки в работе киностудии «Таджикфильм» и треста «Таджиккино» исследователи видят в нехватке национальных инженерно-технических кадров и в несоответствии материально-технической базы тогдашней республиканской киностудии современным требованиям: не было здания, лабораторий и цехов, необходимых для развития таджикского кино в 1929-1940 годах.

Как видно из исторической литературы и научных исследований, в первые годы установления Советской власти в условиях Средней Азии и Таджикистана проводилась культурно-просветительная работа в красных чайханах. В 1925-1926

годах, по сведениям М. Р. Шукурова, первые красные чайханы образовались в Северном Таджикистане, в частности, в Ходжентском уезде, и постепенно их количество достигло 20. В 1927 году на территории Таджикской АССР существовало 7 красных чайхан [22, 206-207].

В культурно-просветительной работе главное значение имеют клубы. Исследователь М. Р. Шукуров датирует образование первых клубов в республике 1923 годом, и в другом своём монографическом исследовании указывает, что в первые годы после образования Таджикской АССР существовало всего 2 клуба [21, 142]. В 1924-1925 годах в Ходжентском уезде функционировало 6 клубов. Автор сопоставляет рост количества клубов и пишет, что в 1940 году их количество в республике уже достигло 512 [22, 203].

З. М. Шевченко в своём исследовании тоже пишет, что в 1940 году в республике построено 512 клубов, и добавляет, что 434 из них функционировали на селе, и в Кулябском регионе существовало 53 клуба [19, 48].

А. И. Усманов солидарен с мнением М. Р. Шукурова о функционировании клубов в Ходжентском уезде и дополняет, что там читались лекции на различные темы, демонстрировались фильмы и работали самодеятельные кружки [17, 105]. Автор освещает важное значение самодеятельных художественных кружков и отмечает, что их инициаторами были учителя, и созданы они были в Дюшамбе, Гарме и Хороге в 1926-1927 годах, а в Ура-Тюбе, Обигарме, Хаите, Калаихумбе и Таджикабаде – в 1928-1929 годах [17, 112].

Исследуя проблему, М. Р. Шукуров отметил, что в 1927-1928 годах в Таджикской АССР существовало 10 клубов, в том числе 3 женских клуба [21, 181].

В коллективной работе «Из истории культурного строительства в Таджикистане. Сборник документов. Т. 1» отмечено о повышении количества клубов в республике и методом сопоставительного анализа показано, что если в 1927 году существовало 32 клуба, то в 1932 году их число достигло 382, и в 1940 году – 512 [5, 452].

Однако следует заметить, что в отечественной историографии история деятельности некоторых направлений деятельности культурно-просветительных учреждений, в том числе история образования и деятельности красных чайхан и клубов республики в советский период и в период независимости не охвачена научными исследованиями и до сих пор подробно не изучена.

Несмотря на то, что существуют богатые архивные источники, в научных исследованиях даже не посвящено отдельных глав или параграфов истории образования и деятельности красных чайхан и клубов республики, и для изучения данной проблематики в современной отечественной историографии требуются специальные научные исследования.

Следует также отметить, что в целом в отечественной историографии довольно широко изучена история различных направлений деятельности культурно-просветительных учреждений, в том числе библиотек, кино, музеев, издательств, периодической печати и других, что дало ожидаемые результаты [8, 143-162].

Сохранение истории культуры народа является ключевым по значению для историографии таджикского народа. В этом направлении музеи, как одно из важнейших звеньев сети культурно-просветительных учреждений, играют огромную роль, выполняя серьезные и ответственные идеологические задачи. Большой вклад в изучение истории образования и деятельности музеев республики внес Г.

3. Нуров. Он в своем диссертационном исследовании отметил, что важный аспект работы музеев представляет ответственность за сохранение культурного наследия таджикского народа [11, 3]. Такая возможность появляется после преобразования Таджикской АССР в Таджикскую ССР в 1929 году. Автор пишет, что 7 января 1930 года было принято постановление ЦИК Советов и Совнаркома Таджикистана «Об участии в охране памятников искусства, старины и природы», где объявлялось о создании Республиканского отдела по делам музеев и охране памятников природы, старины и искусства [11,9].

Таким образом, на основании данного постановления первый Ходжентский краеведческий музей был создан в 1931 году. Автор пишет, что 1 мая 1934 года в Сталинабаде открылась первая выставка, которую организовал Центральный Таджикский музей [11,9].

Исследователь верно отмечает о большом значении изобразительного искусства, особенно произведений художников, посвященных прошлому таджикского народа и установлению Советской власти, в развитии музейного дела в республике [11,11].

Следует подчеркнуть, что регулярное экспонирование произведений художественного изобразительного искусства поставило вопрос о предпосылках для создания Музея изобразительного искусства. Автор, ссылаясь на архивные источники, пишет, что в результате СНК Таджикской ССР 14 июля 1945 года принял постановление «Об открытии Музея изобразительного искусства в городе Сталинабаде», которое имеет историческое значение для сохранения памятников культуры предков таджиков [11,11]. На основании изложенного можно сделать вывод, что после образования первых музеев в республике и до настоящего времени музейное дело постоянно развивалось и росло число музеев. В отечественной историографии проблемам музейного дела независимого Таджикистана уделяется серьёзное внимание учёных, и они охвачены специальными научными исследованиями.

Следует отметить, что библиотеки являются одним из основных направлений деятельности культурно-просветительных учреждений республики. Вопросы состояния библиотечного дела в республике, особенно процесса образования и деятельности библиотек, освещены в работе Л. Г. Козыревой. Автор с использованием обширного статистического материала даёт сведения о деятельности библиотек, которые существовали при школах, клубах, промышленных предприятиях, и особенно об их книжных фондах [5, 304].

В изучение истории деятельности библиотек республики заметный вклад внесла З. М. Шевченко. Ценность её научного труда заключается в том, что она на основе сопоставительного метода использовала статистические материалы о деятельности библиотек республики [19, 136]. А также в трудах этого исследователя встречаются сведения о деятельности других культурно-просветительных учреждений республики.

Касательно работ М. Р. Шукурова нужно отметить, что первая библиотека в 1923 году была создана в Дюшамбе, книжный фонд которой состоял из 300 томов, и в конце 20-х годов число библиотек достигло 10 [21, 181]. 28 октября 1926 года Организационное бюро КП(б) Узбекистана для повышения уровня культурной жизни трудящихся Таджикской АССР приняло постановление «Об открытии Генеральной библиотеки в Дюшамбе», которое внесло огромный вклад в культурное строительство [20, 161].

А. И. Усманов отметил, что к 1928 году в республике существовало 11 библиотек с книжным фондом 12 тысяч экземпляров книг [17, 105].

Как явствует из вышеизложенного, в современной историографии научно-исследовательские работы С. Мухиддинова, Б. Холова, С. Гуломшоева, М. Умарова, М. Изатовой и других авторов являются обстоятельными попытками на основе использования архивных источников и литературы исследовать проблемы библиотечного дела в Таджикистане. Анализ содержания данной работы свидетельствует о развитии библиотечного дела в республике, и охватывает определённые географические рамки, особенно ГБАО, Согдийскую и Хатлонскую области республики.

Актуальность исследования С. Мухиддинова заключается в том, что он разработал концепцию развития деятельности Республиканской библиотеки им. А. Фирдавси (ныне Национальная библиотека им. А. Фирдавси) до 2012 года [10, 20].

Исследователь Б. Холов с педагогической точки зрения изучил проблему образования и деятельности библиотек Таджикистана [18, 16].

Более подробные сведения, приведенные в исследовании С. Гуломшоева об истории образования и развитии деятельности библиотек, свидетельствуют о том, что он глубоко изучил историю библиотечного дела в ГБАО в советский и постсоветский периоды. Исследование комплексно охватывает проблемы истории образования, специфики, развития и достижений библиотечного дела в ГБАО. Автор достигает цели изучения проблем библиотечного дела области и делает важные выводы.

Специфика исследования истории образования и развития деятельности библиотек на примере северных районов Таджикистана встречается в работе М. Умарова. Хронологические рамки данной работы охватывают библиотечную деятельность в регионе в советский период (1917-1991 гг.) [16, 210].

М. Изатова в своем диссертационном исследовании рассматривает историю образования и деятельности библиотек республики, особенно Хатлонской области, в 1924-2018 годах [6, 176].

Деятельность культурно-просветительных учреждений в исследуемый исторический период внесла огромный вклад в повышение культурного уровня трудящихся Таджикистана. Исследователи по мере возможности освещали проблемы культурного строительства, особенно историю культурно-просветительных учреждений республики довоенного периода.

Следует напомнить, что проблема изучения истории образования и деятельности культурно-просветительных учреждений республики, особенно некоторые её направления, недостаточно изучена. Актуальность данной проблемы в современной историографии требует новых научных исследований.

Таким образом, в качестве историографического анализа публикаций, данная статья освещает некоторые проблемы истории образования и деятельности культурно-просветительных учреждений республики в 1924-1941 годах. Однако, рассматривая данную проблему, следует подчеркнуть, что все направления работы культурно-просветительных учреждений в полном объёме ещё не нашли достаточного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арабова Ш. Документальное кино в культуре таджиков XX века: монография // Душанбе, 2006. – 130 с.

2. Арабова Ш. История таджикского кинематографа: монография//Душанбе, 2014. – 300 с.
3. Ахроров А. Таджикское кино//История советского кино: 1917-1967. Т. 4. – М.: Искусство, 1978. – С. 255-264.
4. Ахроров А. Таджикское кино (1929-1969 гг.): монография//Душанбе: Дониш, 1971. – 230 с.
5. Из истории культурного строительства в Таджикистане в 1924 -1941 гг.: сб. документов. Т. 1. – Душанбе: Ирфон, 1966. – 672 с.
6. Изатова М. К. Становление и развитие библиотечного дела в Хатлонской области Республики Таджикистан (1924-2018 гг.): дис. канд. ист. наук. – Душанбе. 2021. – 176 с.
7. Козырева Л. Г. Книжное дело Таджикистана: монография//Душанбе, 1980. – 304 с.
8. Масов Р. М. Историография Советского Таджикистана (1917-1975): Монография//Душанбе: Дониш, 1978. – 200 с.
8. Масов Р. М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане: монография//Душанбе: Дониш, 1988. – 318 с.
9. Мухиддинов С. Р. Концепция развития Национальной библиотеки РТ им. Абулкасыма Фирдавси до 2010. – Душанбе, 2001. – 20 с.
10. Нуров Г. З. Формирование и развитие музейного дела в Таджикистане (30-е годы XX – начало XXI вв.): автореф. дис. канд. ист. наук. – Душанбе, 2011. – 27 с.
11. Прошин С. Очерк об истории таджикского художественного кино: монография//Сталинабад, 1960. – 96 с.
12. Расулов К. История культуры таджикского народа в первой четверти XX века: монография//Душанбе, 2010. – 305 с.
13. Ш. Саидов, Л. Киямова. Таджикскому кино – 50 лет: монография. – Душанбе: Ирфон, 1979. – 116 с.
14. Сафаралиев Б. Становление и развитие системы культурно-просветительной работы в Таджикистане (1924-1941): дис. канд. пед. наук. – М., 1991. – 226 с.
15. Умарова М. Становление и развитие библиотечного дела в Таджикистане: 1917-1991 гг. (на примере Северных районов республики): дис. ... канд. ист. наук. – Худжанд, 2021. – 210 с.
16. Усманов А. И. Исторический опыт культурного строительства в Таджикистане (1917-1990 гг.): дис. д-ра ист. наук. – Душанбе, 2019. – 300 с.
16. Холов Б. Библиотечное строительство в Таджикистане: автореф. дис. канд. пед. наук. – Л., 1988. – 16 с.
17. Шевченко З. М. Из истории библиотечного дела в Таджикистане: монография/Душанбе: Дониш, 1968. – 136 с.
18. Шукуров М. Р. История культурной жизни Советского Таджикистана (1917-1941 гг.). Ч. 1: монография /Душанбе: Ирфон, 1970. – 494 с.
19. Шукуров М. Р. Очерки таърихи ташаккули маданияти социалистии тоҷик (1917-1929): монография/ Душанбе: Ирфон, 1969. – 182 с.
20. Шукуров М. Р. Революсияи мадания дар Тоҷикистон: монография/Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1957. – 340 с.

ТАЪРИХНИГОРИИ ТАЪРИХИ ФАЪОЛИЯТИ МУАССИСАҲОИ МАДАНИЙ-РАВШАННАМОИ ТОҶИКИСТОН ДАР СОЛҲОИ 1924-1941

Дар мақола таърихи ташаккул ва фаъолияти муассисаҳои мадания – равшаннамои ҷумҳурӣ тавассути натиҷаи таҳқиқоти таърихнигорон инъикос ёфтааст. Муассисаҳои мадания – равшаннамоӣ, яъне ҷойхонаҳои сурх, китобхонаҳо, кироатхонаҳо, клубҳо, синамо, осорхонаҳо баҳри баланд бардоштани ҷаҳонбинии мадания дар солҳои аввали барқароршавии ҳокимияти Шуро ва ҳаёти минбаъдаи сокинони ҷумҳурӣ нақши мусоид гузоштанд.

Дар таърихнигории ватанӣ муайян намудани нақши муассисаҳои мадания – равшаннамоӣ ҷиҳати баланд бардоштани савияи фарҳанги халқи тоҷик рӯзмарра буда, дар ин самт таҳқиқоти зиёди илмӣ ба анҷом расонида шуда бошад ҳам, аммо паҳлӯҳои муҳталифи он дар шакли умум ва маҷмӯи таҳқиқ гардидааст. Аксарияти самти фаъолияти муассисаҳои мадания – равшаннамоӣ марбут ба доираи хронологӣ ва ҷуғрофии ҷумҳурӣ пурра ба таҳқиқот кашида нашуда ва дар таърихнигории муосир ба масоили мазкур таваҷҷуҳ зоҳир гардида, мавриди омӯзиш қарор мегирад.

Калидвожаҳо: инкишоф, фарҳанг, тоҷикон, мавҷудият, муассиса, мадания-равшаннамоӣ, таърихнигорӣ, инъикос, ҷойхонаҳои сурх, китобхона, клуб.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ТАДЖИКИСТАНА В 1924-1941 ГГ.

В статье отражена история становления и деятельности учреждений культуры - просвещения республики через результаты исследований историков. Культурно-зрелищные учреждения, т. е. красные чайханы, библиотеки, читальни, клубы, кинотеатры, музеи, сыграли благоприятную роль в подъеме культурного мировоззрения в первые годы восстановления Советской власти и последующей жизни народа республики.

В отечественной историографии принято определять роль культурно-просветительных учреждений для поднятия уровня культуры таджикского народа, и хотя в этом направлении проведено множество научных исследований, но изучены различные ее аспекты в общем и всеобъемлющем виде. Большинство направлений деятельности культурно-просветительных учреждений, относящиеся к хронологическим и географическим рамкам республики, до конца не исследованы, а в современной историографии внимание к этим вопросам появилось и изучается.

Ключевые слова: *развитие, культура, таджики, бытование, учреждение, культурно-просветительское, историография, отражение, красные чайханы, библиотека, клуб.*

HISTORIOGRAPHY OF THE ACTIVITIES OF CULTURAL AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF TAJIKISTAN IN 1924-1941

The article reflects the history of the formation and activities of cultural and education institutions of the republic through the results of research by historians. Cultural and entertainment institutions, i.e., red teahouses, libraries, reading rooms, clubs, cinemas, museums, played a favorable role in raising the cultural outlook in the first years of the restoration of Soviet power and the subsequent life of the people of the republic.

In domestic historiography, it is customary to determine the role of cultural and educational institutions to raise the level of culture of the Tajik people, and although many scientific studies have been carried out in this direction, its various aspects have been studied in a general and comprehensive way. Most of the activities of cultural and educational institutions related to the chronological and geographical framework of the republic have not been fully explored, and in modern historiography, attention to these issues has appeared and is being studied.

Key words: *development, culture, Tajiks, existence, institution, cultural and educational, historiography, reflection, high, red teahouses, library, club.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Ганчакова Матлуба Ганчаковна** - номзади илмҳои таърих, дотсенти кафедраи таърихи халқи тоҷики Донишгоҳи давлатии омӯзгорӣ Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни. Суроға: 734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 121. Телефон: (+992) 934-51-55-60. Ҳ. – mail: matluba.ganchaova @bk.ru

Information about the author: **Ganjakova Matluba Ganjakovna** – candidate of historical sciences, docent of the historical department of the Tajik state pedagogical Universities named after Sadrididdin Ayni. Address: 734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Rudaki, 121. Telefon: (+992) 934-51-55-60. Ҳ. – mail: matluba.ganchaova @bk.ru

УДК - 902.7 (575.3)

**ВЯЗАЛЬНОЕ ДЕЛО ТАДЖИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)¹****СОДИКОВА С. А.,****Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ**

Во многом благодаря зафиксированным материалам русских исследователей состояние вязального ремесла таджиков в этот период нам известно. Дополняют эти сведения данные, которые содержатся в этнографической монографии М. С. Андреева, материал которой собран в 1920-х годах. Эти сведения позволяют выяснить, что в материальной культуре таджикского народа вязальное рукоделие, в отличие, например, от ткачества, было занятием исключительно женским. На это указано, например, в этнографическом произведении графа А. А. Бобринского «Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы)».

Для этого вида рукоделия главным видом вязального сырья служила шерсть. Полученная продукция имела отношение в основной своей массе к предметам одежды, прежде всего, теплой. Это – шарфы и рукавицы, чулки и носки, головные платки и шапки, джемпера.

Вязание было занятием весьма распространенным, особенно в горных районах, где этим занималось практически все женское население, от девочек-подростков до пожилых женщин. Благо для этого специального оборудования не требовалось. Достаточно было иметь нехитрый инструмент – спицы или крючок. Крючком при необходимости служила простая проволока с изогнутым концом, обладающая определенной жесткостью, а роль вязальных спиц играли обычные деревянные пруты. И действительно, средневековые мастерицы пользовались именно деревянными спицами, используя вместе три-четыре пруты [3, 84].

Петли натягивали на спицы в любое свободное время дома и на улице, на досуге и в гостях, в одиночестве и в кругу подруг, за милой беседой. Как писали супруги Наливкины, в долине Ферганы женщины любили ходить в гости к соседям, чтобы вместе скоротать время за беседой и одновременно выполнять разные текстильные работы (шитье, прядение, очистка и перебивка ваты и т.п.). Как здесь, так и в горных районах, такое времяпровождение являлось самым заветным желанием женщины. Это поведение местных представителей прекрасной половины Наливкины объясняют их склонностью «поболтать и посплетничать» [9, 136]. Как бы то ни было, остается лишь строить догадки, какой огромный объем вязаных изделий ежедневно производилось горцами повсеместно.

Вязаные изделия, прежде всего, чулки ручной выделки имели функциональное (практичное, утилитарное), эстетическое, а также сакральное значение. Их практическое значение заключалось в том, что чулки применяли для защиты ног от холода. Это их качество имело особую ценность для жителей гор и предгорий - районов с более суровыми климатическими условиями.

Эстетическая функция шерстяных чулок вытекала из их красоты, игравшей определяющую роль в общем декоре мужского и женского костюма горцев. Декоративная составляющая джурабов по своей значимости была равноценной

¹ Статья написана на основе проекта «История таджикского народа» (III - начало XX вв.), государственный регистрационный номер 0121TJ1211.

той роли, которую выполняли вышивка и золотое шитье в нарядном костюме таджика из равнинных районов. Увлекательные да и незатейливые узоры вязаных изделий, прежде всего, чулок, полученные, как правило, комбинацией ярких красок, привлекали внимание окружающих, придавали и мужскому, и женскому национальному костюму пестрый колорит и притягательность. Этим можно объяснить, к примеру, использование пестрых вязаных чулок в одежде в качестве предмета верха. Мужчины и женщины заправляли штанины внутрь паголенка чулок.

Наряду с тем, в быту горцев джурабы имели более весомое значение, что обуславливало весьма почтительное к ним отношение. Изделия вязки, в частности джурабы, не только использовались в качестве элемента одежды, но и как товар, фигурировавший во время многих традиционных обрядов: свадебных подношений, подношения ишану (шейху) при посещении мазара и др. Данное обстоятельство вместе с семантикой и символикой узоров, послужило фактором, обеспечившим джурабам сакральное значение [1, 49].

Особую известность получили вязаные узорчатые чулки – джурабы. Их производство принято связывать только с Памиром, однако в прошлом такое ремесло было не в меньшей степени распространено и в других горных районах и предгорьях современного Таджикистана – Раште и Дарвазе, верховьях Зеравшана, Кулябском оазисе, Гиссарской долине и др.

На Памире вязание было развито в Шугнани и Вахане, Бартанге и Ишкашме, в других долинах области. Рушанцы и шугнанцы их выделывали не только для собственного потребления. Согласно М. С. Андрееву, чулки во множестве вывозились отсюда для продажи или обмена. Он пишет, что это ремесло в быту жителей Рушана и Шугнана занимало более значительное место, чем в долине Хуфа [1, 248].

При всем том, можно констатировать большую значимость вязаных чулок в жизни населения всего Западного Памира. В числе главных произведений местного населения, число видов которых было очень ограниченным, В. В. Эггерт писал о шерстяных чулках, суконных халатах, шерстяной бельевой ткани и грубой работы палацах, причем на первое место он поставил именно чулки [14, 20].

Очевидно, направление завоза шерстяных чулок для продажи в пределах Горного Таджикистана определялась с юга на север. Так, жители Язгулема снабжали джурабами население Ванджа [11, 64].

А. А. Бобринской в своем альбоме «Орнамент горных таджиков Дарваза» писал, что севернее и западнее Дарваза чулки не вязали. В пределах Рашта (Каратегина) и верховьев Зеравшана, по его словам, жители носили чулки дарвазской выделки. Однако такое утверждение известного знатока быта таджикских горцев носит спорный характер. Согласиться с ним можно лишь в той части, которая касается вывоза дарвазских джурабов для продажи на соседних территориях. Есть многочисленные свидетельства очевидцев о производстве теплых чулок в пределах Рашта и в верховьях Зеравшана, а также в Кулябском оазисе, в частности Ховалинге и Сари-Хисоре.

Заметка В. А. Варыгина - автора сочинения по географии и этнографии населения Кулябского бекства указывает, что в конце XIX – начале XX века, возможно, на равнинных территориях этого бекства вязанием не занимались. По его словам, «все вязанья и плетенья всецело дело рук узбекских женщин». Вместе с тем, следует иметь в виду, что на страницах, где встречается данная заметка, приво-

дятся обобщающие рассуждения автора сочинения не конкретно о женщинах Куляба, а о жительницах всего Бухарского эмирата. При этом В. А. Варыгин ссылается на свидетельства местных мужчин, по нелестным словам которых «таджички могут только готовить обед, шить свой несложный костюм и делать кизяк» [5, 48].

Равнинные таджики, скорее всего, пользовались вязаными шерстяными чулками, изготовленными горцами. Они также имели возможность приобрести изделия ручного вязания, завозимого из сопредельных стран. Так, в числе главных товаров, завозимых в Бухару из Кашмира в 1833-1834 годах П. И. Демезон писал о джурабах как полусапожках и перчатках дастпуш [7, 54].

Итак, в пределах Кулябского оазиса таджички занимались вязанием, скорее всего, в горных районах, граничащих с Дарвазом и Раштом. Погода в этой местности (Ховалинге) по преимуществу прохладная и зимой температура снижается до – 35 градусов.

Что касается пределов долины Рашта, здесь этот вид рукоделия не только существовал, но даже процветал. Во всяком случае, в конце XIX века. Более того, капитаном Васильевым в 1887 году зафиксировано, что вязаные теплые чулки местной выделки были предметом вывоза из Рашта, причем спрос на них был высоким как зимой, так и летом. По его словам, изделия раштских мастериц отличались прочностью и хорошо сохраняли тепло, они предоставляли комфортные условия при длительных походах по горам [6, 430-431]. Очевидно, что потребителями раштских чулок за пределами этой долины были жители равнинных селений и городов, расположенных в Гиссарской долине и Кулябском оазисе.

Следовательно, здесь чулки также производились в больших количествах, что позволяло немалую их часть реализовать за пределами Каратегинского бекства. А устойчивый спрос на них, причем во все времена года, говорить о высоком качестве чулок, а именно таких их показателей, как теплозащитные свойства и орнаментальное оформление.

Цена, по которой продавалась пара чулок в Раште и Дарвазе, зафиксирована в труде Г. А. Арандаренко - одного из первых европейцев, посетившего эти места (в 1882 году) и собравшего подробные сведения о крае. Одна пара джурабов стоила 20 копеек, что было в два раза дешевле сапог из сыромятной кожи или куска карбоса (12 аршин), необходимого на пошив комплекта нижней одежды (рубашки и штанов). Три пары чулок можно было выменять на кусок хлопчатобумажной пестряди алоча, достаточный на один халат [2, 457].

Таджикский автор М. Мустаджир в 1870 году отметил производство чулок в селениях Матчи, например в Оббурдоне. Здесь женщины из шерсти собственного скота приготавливали пряжу, которую затем окрашивали и подвергали вязанию. Указанный выходец из Самарканда писал, что здесь для окраски пряжи для чулок в красный цвет использовали краску на основе марены руян, желтый цвет получали из купороса, производимого в районе Фона.

Вместе с тем, по сведениям путешествовавшего по этим местам М. Мустаджира, вязка чулок в пределах Фальгарского бекства не встречалась. Жители этого края носили шерстяные чулки, завозимые из Матчи и Читрала [10, 96, 112]. Причина того, почему в селениях Фальгара вязанием не занимались, остается непонятной, если учесть, что здесь сырьевая база этой области ремесла была более развитой, чем в Матчинском бекстве. Выше, с отсылкой на данные М. Мустаджира, мы отмечали, что число овец в фальгарском хозяйстве примерно в два раза превышало этот показатель для матчинского. Возможно, причина кроется в том,

что женщины в Матче считали более выгодным заниматься другими промыслами, нежели вязкой чулок.

Таким образом, во второй половине XIX века Матчинское бекство было одним из известных центров вязального рукоделия. Объем производимого местными рукодельницами вязаных чулок был достаточным для того, чтобы не только обеспечить в них потребности своих семей, но и вывозить их для продажи или обмена в соседние районы.

Очевидно, что в Матчинских селениях вязкой чулок занимались и прежде, еще до присоединения нагорных тюменей к Российской империи и местные традиции вязального рукоделия складывались веками. Здесь это ремесло оставалось распространенным и в первые годы советской власти.

Джурабы изготавливали разной длины, распространенными были даже чулки метровые. При их надевании на ногу излишек складывали наружу в широкую складку [1, 249]. И. И. Зарубин указал верхнее значение длины чулок в 102 см [8, 91].

Вверху чулки затягивались специальным шнурком с бантиками. Затяжку шнурка производили после заправки в чулок конца штанины. Чулки носили часто по две, по три пары сразу, даже летом. Делалось это из эстетических соображений: так было красиво. Но эта картина встречалась лишь в мужском костюме [1, 249].

Ключевым фактором, влиявшим на распространенность вязального дела, служило наличие шерсти. Этим и объясняется развитие данного ремесла в горных районах, где в хозяйстве жителей скотоводству уделялось не меньшее значение, чем земледелию. У таджиков Памира, Дарвазско-Раштской зоны, Верхнего и Среднего Зеравшана, Куляба на одно хозяйство приходилось в среднем по 20 овец и козлов [2, 459].

Сырьем для вязания на равнинах и в предгорьях традиционно служила овечья и козья шерсть. Жители высокогорий вязали из шерсти домашних овец и коз, яков и верблюдов, горных козлов и баранов. В горных районах со слабым развитием животноводства, но с сильно развитой выделкой чулок, выискивали другие источники добычи шерсти. Так, в Хуфе, по свидетельству М. С. Андреева, много лет изучавшего этнографию этой долины в первой половине XX века, весной стригли для этого даже собак. Здесь для вязания применяли также линяющую шерсть лошадей и ослов, которую собирали щеткой, - писал он [1, 248].

В отчете о своей командировке в Припамирские бекства А. Черкасов писал, что «без овец не обходится ни одно семейство, ибо шерсть их нужна таджикам, как материал для тканья сукна, в которое одеваются горцы, и вязанья чулок» [12, п. IV].

При этих условиях вязанием занимались, особенно в холодный период года, в кругу каждого хозяйства, каждой семьи. Причину массовой распространенности текстильных рукоделий зимой у жителей Горного Таджикистана А. П. Шишов в 1910 году обосновывал следующим образом: «Три четверти года в некоторых горных местах приходится проводить безвыходно в своих кишлаках. Почти восемь месяцев у ягнобцев бывают прерваны все пути сообщения с соседними обитателями гор. Все это время горные жители проводят в приготовлении для себя одежды. Они занимаются мотанием и кручением ниток из шерсти, получаемой с собственного скота» [13, 225-228, 252-258].

Впрочем, на этот аспект жизни таджикских горцев другие исследователи об-

ращали внимание еще раньше. Так, капитан Ванновский – начальник рекогносцировочной партии Российского Генерального штаба, действовавшей в Рушане и Дарвазе в 1893 году, в своем отчете, содержащем и этнографические сведения, также не преминул заметить, что наиболее подходящим временем для этого были зимние вечера. Он отмечает, что в это время женщины «вяжут из бараньей шерсти чулки, ткut грубые сукно, а мужчины выделывают кожи для шуб, плетут верёвки и делают сапоги и капы» [4, 93].

В свою очередь А. А. Семенов, на месте изучавший образ жизни населения Рашта, Дарваза и верховьев Зеравшана, в опубликованной в 1903 году этнографической работе пишет: «Обычное время для тканья это зима, когда нет других занятий, вроде полевых работ, пастьбы скота и т.п. В это время семьи горцев, собравшись по несколько в зимние жилища, обыкновенно только и заняты изготовлением различной одежды, тканьем и вязаньем... Вдоль стен по нарам идет дружная и спешная работа: женщины вяжут, шьют или сучат нитки, мужчины ткut, причем часто стук ткацких станков и шелканье челноков смешиваются с веселыми и продолжительными песнями, которым вторят бубны и барабаны». По его словам, в темной хижине любого таджикского горца «кругом идет работа, так как тканье хлопчатобумажных материй, прядение, вязание и вышивание не прекращаются и зимою и берда, челноки, ткацкие станки и игла усиленно работают в это время» [11, 44, 58].

Инструментами для кустарного вязания служили спицы и крючки, которые на Памире назывались одинаково - сих. Спицы делали из веток разных пород деревьев – ивы, ветлы, вербы, горной древесины и др.

По М. С. Андрееву, вязание крючком обозначалось термином «яксиха» («на одной спице») [1, 249]. Значит, работа на вязальных спицах имело название чорсиха («на четырех спицах»), так как использовались четыре штуки вместе. Наряду с тем, А. А. Семенов выразил свое искреннее восхищение тем, что таджикская женщина умудряется за 3-4 дня связать на трех прутиках пару чулок с «поразительным разнообразием рисунка» [11, 61]. В этом случае, очевидно, можно вести речь о технологии сесиха («на трех спицах»).

А. А. Бобринской пишет, что на крючке выделывали джурабы кашмирского типа - с двойным верхом. Особенность кашмирской техники, по его словам, – выведение более длинных петель с меньшей натяжкой, хотя чулки получались плотными и прочными [3, 84]. Вязальный крючок памирского типа железный, с короткой ручкой (илл. 2.2). На противоположном от рабочей части конце оснащался небольшим ушком, через которое продевали шнурок с кистью [8, 91]. Таким образом, вязальный крючок по факту представлял собой ушковую иглу криволинейной формы.

М. С. Андреев приводит и другое (помимо яксиха) распространенное в середине XX века название для работы с вязальным крючком - «читрали» (по-читральски») [1, 249]. Упоминание в пределах таджикского Бадахшана о Читрале и Кашмире указывает на то, что способ вязания на крючке проник сюда с юга, а именно из пределов Пакистана.

Ширину чулка во время вывязывания поддерживают одинаковой по всей длине, начиная сверху и до линии перехода на носок, где начинается постепенное сужение. Концы нити по окончании работы над джурабом, как сверху, так и в носке не закрепляют, а оставляют в виде кистей. Особенность строения традиционного джураба заключается в том, что народные мастера вязали его без пятки и

с разными узорами на паголенке и нижней части. Нередко низ чулка вязали одним цветом, без узора, или в мелкий рисунок. Как правило, более яркий рисунок вывязывали на паголенке. Хотя можно было встретить и обратную картину, когда более пестрый рисунок заполнял нижнюю часть чулка. Однако, как отмечалось, всегда его верхняя и нижняя части орнаментировались различно [8, 91].

Другая особенность традиционного вязания, что было особенно характерно для горных районов, – участие всех хозяйств (семей) в составлении собственных ремесленных династий, когда мастерицами становилась практически каждая женщина. Данное явление отличалось особой устойчивостью, отчетливо проявляющейся в том, что накопленное мастерство передавалось веками от поколения к поколению. При этом каждое новое поколение вносило свой вклад в развитие традиций, в первую очередь, декоративных, национального вязального рукоделия.

Таким образом, приведенные материалы показывают, что вязальное ремесло не было цеховым и выполнялось исключительно в условиях надомного труда и являлось занятием женским. Данная отрасль промыслов была широко распространенной, им занимались в кругу практически каждого хозяйства. Вязальное рукоделие, в особенности до распространения фабричных изделий такого вида, было распространено во всех местах плотного расселения таджиков. Наибольшую распространенность оно имело в горных районах с холодным климатом и более развитым скотоводством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи)//Вып. 1-2. - Бишкек: ОсОО «Джем Кей Джи», 2020. - 794 с.
2. Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане (1874-1889)//С-Пб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1889. – 666 с.
3. Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам//М., 1908. – 150 с.
4. Ванновский С. Л. Извлечение из отчёта генштаба капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе в 1883 г//Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. 56. – С-Пб., 1894. С. 73-125.
5. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства//Известия Императорского Русского географического общества. – Т. 52. – Вып 10. – Петроград: Тип-я М. М. Стасюлевича, 1916. – 67 с.
6. Васильев. Статистический очерк Каратегина//Военный сборник. -№10. – М., 1888. – С. 423-437.
7. Демезон П. И. Записка П. И. Демезона//Записки о Бухарском ханстве: (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). – М.: Наука, 1983. С. 17-83.
8. Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга//Сборник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской Академии наук. – Т. 3. – Петроград, 1916. С. 89-92.
9. Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы/В. П. Наливкин, М. Наливкина. – Казань: Тип-я Императ. унив-та, 1886. – 245 с.
10. Мустаджир Абдурахмон. Дневник Искандеркульской экспедиции (тадж.). – Душанбе: Ирфон, 1989. – 176 с.
11. Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза/А. А. Семенов. - М.: Т-во скоропечатни Левенсон А. А., 1903. – 123 с.
12. Халфин Н. А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г//Россия и Бухарский эмират на Западном Памире, - М.: Наука, 1975. – 127 с. – (Русско-бухарские отношения).
13. Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование. – Алмааты, 2006. – 392 с.
14. Эггерт В. В. Очерк Памиров (Сведения, собранные в Памирском отряде с августа 1896 года по июль 1897 года)//Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - Вып. 76. - СПб., 1902. С. 2-30.

ВЯЗАЛЬНОЕ ДЕЛО ТАДЖИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

В статье делается попытка систематизировать накопленные сведения о состоянии вязального дела таджиков в конце XIX – начале XX веков. В качестве источников использованы произведения дореволюционных русских авторов и этнографические материалы 1920-х годов. Затронуты такие аспекты ремесла, как социальная занятость, географическая распространенность, товарообмен вязаными изделиями, применяемые инструменты, используемое сырье. Приведенные сведения дают основание считать вязальное дело как самобытную и в прошлом широко распространенную область традиционного ремесла таджиков. Вязальное рукоделие, в особенности до распространения фабричных изделий такого вида, было распространено во всех местах плотного расселения таджиков.

Ключевые слова: Горный Таджикистан, таджики, традиционное ремесло, вязание, шерстяные чулки, вязаный декор, терминология отрасли.

ҲУНАРИ КЕШБОФИИ ТОҶИКОН ДАР ОХИРИ АСРИ XIX – ИБТИДОИ АСРИ XX (БАРРАСИҶО БО ИСТИФОДА АЗ МАВОДИ САРЧАШМАҶОИ ХАТӢ)

Дар мақола кӯшиши ба низом даровардани маълумоти ҷамъшуда оид ба ҳолати ҳунари кешбофии тоҷикон дар охири асри XIX – ибтидои асри XX ба иҷро расидааст. Ба сифати сарчашмаҳои таърихӣ маълумот аз асарҳои муаллифони тоинқилобии рус ва маводи мардумшиносии солҳои 20-уми асри XX истифода шудаанд. Суҳан дар атрофи ҷанбаҳои гуногуни касб, аз ҷумла, вусъати ҷуғрофӣ, додугирифтӣ маҳсулоти кешбофӣ дар байни ноҳияҳо, ашёи хоми истифодашаванда меравад.

Маълумоти овардашуда нишон медиҳад, ки кешбофӣ соҳаи ба худ ҳос ва замони пешин ҳеле вусъатёфтаи ҳунармандии тоҷикон будааст. Ҳунари кешбофӣ, ҳусусан пеш аз паҳншавии маҳсулоти корхонаӣ, дар ҳама маконҳои мутарокими тоҷикон васеъ паҳн шуда буд.

Калидвожаҳо: Кӯҳистони Тоҷикистон, Афғонистони Шимоли, ҳунармандии анъанавӣ, кешбофӣ, ҷӯроби пашмӣ, вожаҳои соҳавӣ.

KNITTING BUSINESS OF TAJIKS IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES (BASED ON WRITTEN SOURCES)

The article attempts to systematize the accumulated information about the state of the knitting business of Tajiks in the late XIX - early XX centuries. The works of pre-revolutionary Russian authors and ethnographic materials of the 1920s were used as sources. Such aspects of the craft as social employment, geographical distribution, the exchange of knitted products, the tools used, the raw materials used are touched upon. The above information gives grounds to consider knitting as an original and in the past widespread area of the traditional craft of Tajiks. Knitting needlework, especially before the spread of factory products of this kind, was widespread in all places of dense settlement of Tajiks.

Key words: Mountainous Tajikistan, Tajiks, traditional craft, knitting, woolen stockings, knitted decor, industry terminology.

Маълумот дар бораи муаллиф: Содикова Сайёра Абдуракибовна – номзади илмҳои таърих, ходими илмии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. E-mail: sayorka_s@mail.ru. Телефон: (+992) 900408118.

Сведения об авторе: Содикова Сайёра Абдуракибовна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии НАНТ. E-mail: sayorka_s@mail.ru

Information about the author: Sodikova Sayora Abdurakibovna – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Danis. E-mail: sayorka_s@mail.ru. Telefon: (+992) 900408118.

УДК - 902. 7 (575.3)

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ТАДЖИКОВ

(По материалам произведений дореволюционных русских авторов)

ХАКИМОВА З. Г.,

Технологический университет Таджикистана

Один из вопросов этнографического изучения любого народа - внешние признаки этноса и выявление свойственного ему идеала красоты. В этом контексте заслуживают внимания материалы источников конца XIX - начала XX вв., в которых дана авторская оценка, нередко сравнительная, внешности таджиков.

В частности, описание внешности таджиков-горожан дано в 1820-1821 годах бароном Е. К. Мейендорфом, который связывал их происхождение с древними согдийцами. По заключению этого автора, таджикам свойственны коренастая фигура, европейские черты лица и красивый цвет кожи. Он отмечал, что таджики имеют черные волосы и по степени смуглости уступают персам. Особенностью лица таджика, отметил он, является всегдашнее выражение покорности и спокойствия [7, 103].

А. Д. Гребенкин, изучивший этнографию Зерафшанской долины, пишет, что городские таджики представляют собой цвет населения округа, по облику и по всему телосложению они стоят выше всех остальных его народностей. Лица у них, преимущественно, правильной формы, с чисто европейскими чертами. Лица нежные, белого цвета, с чуть заметным оттенком смугловатости. Нежности кожи лица могло способствовать использование косметических мазей. Телосложение легкое, грациозное, но не сильное. Глаза большие и с продолговатым разрезом, черные, изредка голубые. Волосы, как правило, черные, но иногда встречаются и рыжие. Брови прямые, точно подведенные. Борода густая, по форме разнится от окладистой до клиновидной. Форма носа от орлиного до «топорного».

Интересно, что многие антропологические черты таджиков А. Д. Гребенкин связывал с их смешением с другими народами. Так, причину появления у отдельных таджиков рыжих волос он видит в помеси с евреями или татарами. Помесь разных народов особенно отразился на форме носа, по которой внимательный наблюдатель может заметить наличие персидской, еврейской, афганской и прочей крови. А. Д. Гребенкин отмечает, что еврейские и персидские черты преобладают в облике самаркандских таджиков, охотно вступавших в брак с представителями указанных народов, в большом количестве проживавших в этом городе. Брак таджика с красивой еврейкой или прекрасной персиянкой положительно сказывался на привлекательности облика его потомства, отмечает А. Д. Гребенкин [5, 6-7].

Заключения разных дореволюционных русских авторов о внешности представителей таджикского народа, населяющих различные регионы Центральной Азии, систематизированы доктором А. П. Шишовым [10, 100-108].

В этом же аспекте заслуживает внимания первая часть этнографической работы Н. П. Остроумова о сартах, в которой есть материалы и о наружных признаках городских таджиков [9, 3-54].

Сравнительный анализ мнений иностранных авторов, побывавших в рассматриваемый период в Средней Азии, о внешности таджикской женщины показывает, что в целом, они положительно отзывались об облике горожанок, но да-

вали отрицательную характеристику внешности горянок. Так, русский управленец и горный инженер Т. С. Бурнашев, посетивший Бухару в самом конце XVIII века, писал о приятной физиономии местной (городской) женщины, что в какой-то мере компенсировала отчетливые изъяны, связанные с их нарядом. Его особо впечатлили черные, живые и блестящие глаза, немало украшавшие лица бухарских дам [2, 90].

Е. К. Мейендорфа впечатлили «черные, полные огня глаза, великолепные зубы и очень красивый цвет лица» уроженок г. Бухары. По его словам, местные женщины, когда встречали на узких городских улочках какого-либо члена русского посольства 1820-1821 года, тайком приподнимали с лица черную вуаль, давая возможность «увидеть их прекрасные глазки» [7, 148]. Очевидно, русский барон писал о женщинах, которые свои зубы не красили в черный цвет.

Вместе с тем, русские авторы с сожалением писали о том, что из-за установившегося образа жизни таджикская женщина преждевременно старела и ее красота рано угасала. Раннее замужество, замкнутость, полное подчинение воле мужа не могли не сказаться на ее здоровье и красоте. В частности, живописец и литератор В. В. Верещагин в 1883 году утверждал, что судьба среднеазиатской женщины более печальна, чем у персиянок и турчанок, не говоря о европейских дамах. Он указал на более низкое гражданское положение местной женщины, большую замкнутость и отверженность от супруга, по сути своего властителя. В ее чисто семейной деятельности В. В. Верещагин видел, скорее, физический и даже животный аспект. «С колыбели запроданная мужчине, неразвитым, неразумным ребенком взятая им, она, даже в половом отношении, не живет полною жизнью, потому что к эпохе сознательного зрелого возраста уже успевает состариться, завленная нравственно ролью самки и физически работою вьючной скотины», - с горечью отмечает он [4].

Наряду с этим, В. В. Крестовский указывает еще на одну причину раннего старения женщин в Средней Азии. Причину, которая имеет непосредственное отношение к разрабатываемой нами теме. Он пишет: «К сожалению, они портят свою естественную красоту тем, что очень уж мажутся и раскрашивают себя разными косметическими снадобьями домашнего изделия» [6, 276-277]. Так он писал о горожанках.

Итак, выясняется, что в дореволюционный период, несмотря на то, что в городах таджикская женщина не имела возможности в обществе показать свое лицо, особенно тем, кто более других склонен оценить ее красоту (т.е. мужчинам), она все же уделяла большое внимание прихорашиванию себя. Объектом ее пристального и скрупулезного внимания и тщательного выбора в вопросе формирования внешности служили не только одежда и украшения, но и косметика. Причем, как видим, здесь она нередко перебарщивала, пытаясь делать незаметными появившиеся на лице морщины, стремясь подчеркнуть сладострастие своих глаз, норовя привлечь внимание к своим губам и т.п. Можно не сомневаться, что в этом аспекте костюма замужние женщины вряд ли уступали девушкам, готовившимся к началу супружеской жизни.

Супруги Наливкины писали, что для женщины-мусульманки забота о своем внешнем благообразии и привлекательности является нравственной задачей, так как это установлено религиозными предписаниями [8, 105].

Этого вопроса почти семь десятилетий ранее В. В. Крестовского затрагивал Е. К. Мейендорф. Назвав бухарских дам «прекрасными созданиями», он недоуме-

вал, почему они не ценят свою естественную красоту, перебарщивая в использовании косметики и «пропуская через ноздри кольцо». Тем самым, женщины уродуют себя, писал Е. К. Мейендорф [7,148].

Теперь что касается внешности таджика-горца. А. Д. Бобринской характеризует типичного горного таджика как человека с сильно загорелым, коричневого оттенка, лицом. Изредка, по его словам, встречается темно-смуглый и красный загар лица. По форме лица, как правило, продолговатые, но есть и скуластые. Глаза сидят глубоко, они по цвету коричневые, зеленые, серые и, очень редко, голубые. Нос выдающийся. Если он с горбинкой, то он тонкий, если же без горбины – длинный, ноздри большие. Встречаются, продолжает он, и широкие носы, с тупым окончанием. Что касается волос на лице и голове, А. А. Бобринской указывает на их густоту, темно-каштановый, реже черный, а также, очень редко, белокурый цвет. Данный автор отмечает внешнее сходство типа горного таджика с европейцем и евреем. Он добавляет при этом, что есть и другие типы, а такую разновидность обуславливает разобщенностью и замкнутостью жителей, приютившихся в горах и ущельях [1,47].

Что касается внешности горной таджички, графа А. А. Бобринского, к примеру, она не впечатлила. На его субъективный взгляд, таджикская горянка непривлекательна, у нее худое и грубое лицо, нездоровое и бледно-желтое, одутловатое и с тупым выражением. Не добавляет ей привлекательности походка (вялая), повседневный наряд (грязная рубаша), прическа (растрепанные волосы) и даже голос со смехом (грубый). Причину такого отрицательного явления А. А. Бобринской видит в раннем замужестве, из-за чего здоровая и свежая девочки-подростки 7-15 лет быстро превращаются в истрепанных и изношенных старух. Выйдя замуж, они по большей части проводили пассивный образ жизни в своих темных, сырых и дымных домах, что не могло не сказаться на их здоровье и внешности. По его словам, в горных селениях ему не удалось увидеть ни одной молодой женщины в полном расцвете сил, здоровой и жизнерадостной.

Как отмечалось выше, раннее замужество было характерно и для женщин из равнинных областей. Однако там они, по словам очевидцев, выглядели намного привлекательнее. Столь ощутимую разницу А. А. Бобринской объясняет следующим: «Ранний брак в скудной и суровой обстановке горцев, связанный при этом с нездоровой работой, предоставленной женщине обычаем, почти исключительно дома сильнее должен быть отозваться на горной женщине, чем на женщинах, одинаково рано вступающих в брак, но находящихся в других, более благоприятных условиях климата и экономической обстановки» [1, 53-54].

Топограф М. А. Варыгин, составивший подробное описание Кулябского бекства, дал характеристику внешности таджичек из предгорных районов. Живописно подбирая эпитеты, он пишет, что среди них часто встречаются весьма красивые женщины с правильным овалом лица, «матовым цветом румяных щек», «замечательно красивым носом», черными бровями правильной дуговой формы, «миндалевидными глазами и пунцовыми губами небольшого рта» и все это гармонирует между собой эффектно. Далее этот автор косвенно выражает свое согласие с А. А. Бобринским, с горечью отмечая, что «раннее замужество, непосильная работа и тяжелое положение этих невольниц закона и рабынь полновластных супругов скоро кладет неизгладимый след горя, болезней и недостатка». Положение замужней женщины в семье М. А. Варыгин уподобил выучному животному, на которого возложены все тяготы. «Немудрено, поэтому, - пишет он,

что все женщины скоро старятся и ходят нетвердой поступью, согнувшись в три погибели в 25-30 лет» [3].

Внешность человека, очевидно, определяется не только телосложением, формой, цветом и чертами лица, видами и количеством использованной косметики, но и другими костюмными атрибутами. Поэтому приведем краткое описание женского и мужского одежных комплексов, бытовавших в рассматриваемый период в равнинных и горных районах. Отдельно остановимся на характеристиках причесок и украшений.

Учитывая основное значение косметики как приема для улучшения человеческой внешности, заслуживает внимания отзывы иноземных наблюдателей о природной внешности народа и факторах, которыми пользовался он для соответствия идеалу красоты эпохи.

Исходя из этого, идеалу мужской красоты таджика в лице мужчины-горожанина соответствуют коренастая фигура, легкое и грациозное, но не сильное, телосложение, европейские черты лица и нежный, красивый цвет кожи, белый с чуть заметным оттенком смуглоты. Отмечается использование косметики для обеспечения нежности кожи. Правильная форма лица, его выражение покорное и спокойное. Черные волосы, большие с продолговатым разрезом глаза, черные, изредка голубые. Брови прямые, точно подведенные. Борода густая, по форме разнится от окладистой до клиновидной. Форма носа от орлиного до «топорного». Разнообразие форм носа у таджиков связывается со смешением крови, источниками которых выступили персы, узбеки, евреи, афганцы и другие народы. Появления у отдельных таджиков рыжих волос видится в помеси с евреями или татарами.

Идеалом таджички иностранные наблюдатели видят горожанку. Они отмечают приятную физиономию городской таджички, черные, живые и огненно блестящие глаза, служившие значительным украшением для лица очень красивого цвета. Дана характеристика зубам как великолепным. Одновременно дореволюционные авторы писали о ранней утрате таджикской женщиной своей красоты, объясняя это ранним замужеством и условиями затворничества (замкнутость жизни и полное подчинение воле мужа). Другим фактором раннего старения таджички указывалось избыточное использование косметики в ущерб естественной красоте.

Типичный горный таджик дореволюционного периода - человек с сильно загорелым, с коричневым оттенком, лицом. Изредка загар лица темно-смуглый и красный. Форма лица - продолговатая, иногда скуластая. Посадка глаз глубокая, цвет - коричневый, зеленый, серый, изредка голубой. Нос выдающийся, тонкий с горбинкой или длинный без горбины, большие ноздри. Есть и широкие носы, с тупым окончанием. Густые волосы на голове и в бороде, цвет темно-каштановый, реже черный, изредка белокурый. Подмечено внешнее сходство типа горного таджика с европейцем и евреем. Разнородность типов связывается с разобщенностью и замкнутостью жизни в условиях гор и ущелий.

Русские дореволюционные авторы к внешности горной таджички относились, по большей части, критически. В составленной ими общей характеристике, отмечается, что она, по преимуществу, непривлекательна, с худым и грубым, нездоровым бледно-желтым, одутловатым и ничего не выражающим лицом. Ее походка оценивается как вялая, одежда как грязная, прическа как неизящная, голос и смех как грубые. Эти отрицательные качества принято было связывать с

положением женщины в дореволюционном обществе – ранним замужеством, пассивным образом жизни после заключения брака, отсутствием санитарно-гигиенических условий (темнота, сырость и задымленность). Ко всему этому следовало добавить непосильную работу, тяжелое невольничье положение, сходное со статусом рабыни, способствующем формированию неизгладимого следа горя, болезни и недостатка. Замужнюю женщину уподобляли вычному животному, на которого возложены все тяготы жизни, из-за чего, она скоро старилась и в 25-30 лет ходила нетвердой поступью, согнувшись в три погибели.

При этих условиях в горных районах очень редко можно было встретить молодых женщин в полном расцвете сил, здоровых и жизнерадостных. По этой причине идеал красоты таджички из горных районов был составлен на основе внешних качеств маленьких девочек и тех редких молодых женщин, облик которых оценивали как привлекательный. Это – весьма красивая женщина с правильным овалом лица, матовым цветом румяных щек, замечательно красивым носом, правильными дугами черных бровей, миндалевидными глазами, небольшим ртом, пунцовыми губами и эффектной гармонией всего этого между собой.

Таким образом, беспристрастные суждения дореволюционных русских авторов по данной теме являются весьма ценными, так как позволяют составить объективный эстетический идеал таджикского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам// -М., 1908. – 150 с.
2. Бурнашев Т. С. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году//Сибирский вестник. – М., 1818. – Ч. 3. – С. 75 - 110 (95 - 130).
3. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства//Известия Императорского Русского географического общества. – Т. 52. – Вып 10. – Петроград: Тип-я М. М. Стасюлевича, 1916. – 67 с. – (Отд. оттиск).
4. Верещагин В. В. Из путешествия по Средней Азии//Очерки, наброски, воспоминания. - СПб., 1883.
5. Гребенкин А. Д. Таджики/А. Д. Гребенкин//Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. - М., 1872. – Вып. 2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. – С. 1-50.
6. Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского// -СПб., 1887. – 431 с.
7. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару// -М.: Наука, 1975. – 182 с.
8. Наливкин В. П. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганы// -Казань, 1886. – 245 с.
9. Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы// -Вып. 1. – Ташкент, 1890. – 137 с.
10. Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование// -Алматы, 2006. – 392 с.

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ТАДЖИКОВ

(По материалам произведений дореволюционных русских авторов)

В статье затрагивается вопрос об одном из составляющих этнографического изучения таджикского народа - внешние признаки этноса и выявление свойственного ему идеала красоты. Разрабатываемая проблема имеет отношение к сфере истории национального костюма. В качестве источника использованы материалы памятников письменности конца XIX - начала XX веков, которые содержат авторскую оценку облика представителей таджикского народа. Проблема разработана с учетом социально-экономического состояния общества в тот период и господствовавшим типом хозяйствования. На основе проанализированного материала автором статьи составлены идеалы мужской и женской красоты таджиков с конкретизацией для равнинного и горного населения.

Ключевые слова: таджики, равнинное население, горцы, облик, телосложение, идеал красоты, письменный источник, дореволюционный автор.

ОРМОНИ ЗЕБОИШИНОХТИИ ТОЧИКОН (Дар заминаи маводи асарҳои муаллифони тоинқилобии рус)

Дар мақола масъалаи марбут ба яке аз ҷузъҳои таҳқиқи мардумшиносии халқи тоҷик - аломатҳои берунии этнос ва ошкор кардани ормони зебоишинохтии ҳоси он омӯхта мешавад. Ин масъала ба соҳаи таърихи сарулибоси миллии иртибот дорад. Ба сифати сарчашма маводи ҷадғориҳои хаттии охири асри XIX - ибтидои асри XX истифода шудааст, ки дар онҳо ба симои намояндагони халқи тоҷик муаллифон баҳогузори намудаанд. Масъалаи мавриди назар бо ба гирифтани вазъи иҷтимоӣ ва шакли ҳукмронбудаи ҳоҷагидорӣ таҳқиқ шудааст. Дар асоси маводи таҳлилшуда муаллифи мақола ормони зебоишинохтии мардона ва занонаи тоҷиконро бо мушаххасоти аҳолии Ҳамвориҳо ва Қўҳистон таҳия кардааст.

Калидвожаҳо: *тоҷикон, аҳолии Ҳамвориҳо, сокинони Қўҳистон, симо, қадубаст, ормони зебӣ, сарчашмаи хатӣ, муаллифи тоинқилобӣ.*

THE AESTHETIC IDEAL OF TAJIKS (BASED ON THE WORKS OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN AUTHORS)

The article touches upon the issue of one of the components of the ethnographic study of the Tajik people - the external signs of the ethnic group and the identification of its inherent ideal of beauty. The problem being developed is related to the sphere of the history of the national costume. As a source, materials from written monuments of the late 19th - early 20th centuries were used, which contain the author's assessment of the appearance of the representatives of the Tajik people. The problem was developed taking into account the socio-economic state of society at that time and the dominant type of management. On the basis of the analyzed material, the author of the article compiled the ideals of male and female beauty of Tajiks with specification for the lowland and mountainous population.

Key words: *Tajiks, lowland population, highlanders, appearance, physique, ideal of beauty, written source, pre-revolutionary author.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Ҳакимова Замира Ғайратовна** – номзоди илмҳои таърих, муаллими калони кафедраи технологияи маснуоти нассочии Донишгоҳи технологияи Тоҷикистон. E-mail: zama_1984@list.ru.

Information about the author: **Khakimova Zamira Gayratovna** - Senior Lecturer, Department of Technology of Textile Products, Technological University of Tajikistan. E-mail: zama_1984@list.ru.

УДК – 90

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МАХМУДА ГАЗНАВИ С КАРАХАНИДАМИ (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)¹

ХУСЕНОВ Ф. Р.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

Тема дипломатических отношений Махмуда Газнави с караханидами затрагивалась многими исследователями. Но, данная тема получила наиболее подробный анализ академиком В. В. Бартольдом [2, 333-346]. Особо следует отметить его анализ встречи Махмуда Газнави и Юсуфа Кадырхана. Целью нашего исследования наряду с рассмотрением интересов сторон, сблизивших отношения двух государств или ставших причиной их вражды, являются также анализ процесса проведения переговоров, рассмотрение церемониала приёма послов и встреч государей.

Газнавиды имели особые отношения со своими соседями Караханидами. Как сообщает Байхаки, при газнавидских правителях – Махмуде и Масъуде, багдад-

¹ Статья написана на основе проекта «История таджикского народа» (III - начало XX вв.), государственный регистрационный номер 0121TJ1211.

ские халифы не имели прямого сношения с Караханидами. Почетные звания и подарки халиф посылал Караханидам при посредничестве Газнавидов [3, 385-386; 4, 276]. Газнавиды с самого начала прихода Караханидов к власти в Мавераннахре поддерживали с ними дипломатические отношения. Как происходили первые дипломатические контакты Газнавидов с Караханидами установить сложно. Автор конца XIII-начала XIV века Джамал ал-Карши приводит рассказ, услышанный им в Кошгаре от некоего ученого Камала ал-Милла ва-д-дина ал-Музаффари. Согласно рассказу, Махмуд Газнави на заре своего правления поссорился с Насром Илекханом, в результате чего две стороны двинули свои войска к границе, к реке Джайхун. Когда войска готовились к утренней битве, Наср Илекхан под покровом темноты переплыл Джайхун, переодевшись вошел в лагерь Махмуда Газнави и, представившись послом, удостоился приема Махмуда. Как отмечается, Илекхан войдя на прием, величественно приветствовал Махмуда, но не поклонился. Когда Махмуд попросил передать ему письмо Илекхана, тот настоял, чтобы все присутствующие оставили их наедине. Когда они остались одни, Илекхан признался, что он и есть хан, после чего Махмуд встал и обменялся с ним рукопожатием. Илекхан высказался против кровопролитной войны. Он признался, что исход завтрашней войны будет за Махмудом, но в результате будут убиты войны и сколько женщин и детей останутся вдовами и сиротами. Он спросил Махмуда, сможет ли он ответить за все перед Господом? Махмуд, упав перед ним в ниц, а затем поднявшись, спросил, как ему удостовериться в том, что он действительно является Илекханом. Илекхан ответил, что сейчас он покинет его, а завтра отправит к нему гонцов и сватов, что и было сделано в следующем дне. Согласно данному сообщению договор о родстве и браке был заключен в месяце мухарраме 390/ декабрь 999 года. Джамал ал-Карши, ссылаясь на слова хронистов, имён которых не называет, отмечает, что со стороны Махмуда к Илекхану в качестве посла был отправлен Абутайиб Сахл ибн Махмуд ас-Саълуки, которого сопровождал Туганджук. Этот посол привез Илекхану сестру Махмуда, которая была ему отдана. Таким образом, сторонами было достигнуто мирное решение возникшего конфликта [7, 25-28]. Сообщение Джамала ал-Карши выглядит несколько неправдоподобным. Сложно верить тому, что такой независимый правитель как Илекхан, к тому же один из потенциальных политических врагов Махмуда, имевший протяжённую общую границу с его владениями, мог осмелиться в одиночку прибыть на прием к грозному сопернику.

Утби, который был придворным историком Махмуда Газнави, об одном из первых посольств Газнавидов ко двору Караханидов сообщает в другом ключе. По его сообщению, Махмуд Газнави не в 999 году, а в 1001 г. отправил ко двору Насра Илекхана (999-1012) посольство во главе с шафеитским имамом Абутайибом Сахлом ибн Сулаймоном ас-Саълуки. В состав посольства был включен также и правитель Сарахса Тугонджук. Перед отправкой им вручили ценные подарки, которых они должны были передать караханидскому хану Насру. Согласно Утби, были отправлены следующие подарки: рубины, ценные ожерелья, стопка одежды и редкостная амбра, золотые сосуды, наполненные камфорным маслом, другие индийские товары: алойное дерево, клинки из высококачественного металла, наряженные боевые слоны, кони с золотой сбруей и др. [1, 176; 13, 6].

Посольство ас-Саълуки было дружелюбно принято Насром Илекханом в Узгенде. Караханидский хан в свою очередь отправил с ними Махмуду драгоценные подарки: чистое серебро, мускусные благовония, хуттальских коней, гулямов, ки-

тайских рабынь, белых соколов, черные меха, китайские драгоценности и прочие вещи [1, 176]. Сообщение Утби в общих чертах подтверждается также и Мухаммадом Касимом Хиндушахом [12, 73]. По итогам этого посольства Махмуд взял в жены дочь Насра, и границей между обоими государствами была установлена река Амударья [2, 334]. Т. е., утверждение Джамала ал-Карши, о том что в результате первого обмена посольствами сестра Махмуда была отдана Илекхану, не подтверждается современником событий – Утби.

В 1006 году Караханиды, нарушив договор, вторглись в Хорасан. Балх и Нишапур был занят их войсками. В это время Махмуд Газнави находился в походе в Мультане (Индия). Вернувшись, Махмуд Газнави вынудил Караханидов отступить в Мавераннахр. Вторая попытка Насра Иликхана завоевать Хорасан также не увенчалась успехом. В битве, произошедшей 4 января 1008 года недалеко от Балха, войска Караханидов потерпели сокрушительное поражение. После этой битвы прекратилось наступление Караханидов на Хорасан [2, 334-335; 1, 194-198; 8, 51]. Чаганиан и Хуттал оказались под властью Махмуда Газнави, где он в качестве своих наместников оставил представителей старых местных династий [14, 28].

Утби сообщает, что Махмуд Газнави после одного из своих походов в Индию возвратился с большой добычей. Прибыв в Газну, Махмуд дал аудиенцию послам иностранных государств и приказал, чтобы добычу, состоявшую из драгоценных камней, рубинов, изумрудов, алмазов и пр., разложили в центре дворца. Послы были поражены увиденным. Среди них находился также посол Туганхана, правителя Кашгара [1, 202-203]. Данное сообщение Утби дает после описания событий 1008 года. Но цель прибытия посла Туганхана и итог переговоров им не сообщаются. Наверное, Туганхан уже тогда имел враждебные отношения с главой Караханидов Мавераннахра, Насром Илекханом и, пользуясь удобным случаем, установил дружеские отношения с Махмудом. В. В. Бартольд указывал, что Туганханом был заключен союз против Насра Илекхана. Возможно, В. В. Бартольд в своих выводах исходил из вышеприведённого сообщения Утби о прибытии посла Туганхана в Газну. В результате между Караханидами разразился конфликт [2, 335].

Махмуд Газнави выступил в роли посредника между караханидскими ханами. Он в 1011-1012 гг. принял послов обоих государств у себя во дворце [2, 335]. Торжественная аудиенция караханидским послам была дана в Газне. Утби подробно описывает построение гвардии Махмуда во дворце и её блестящие одежды: «Это собрание прошло таким образом: 2 тысячи тюркских гулямов стояли в один ряд в раскрашенных одеждах, 500 гулямов из разных стран в румских одеждах и в поясах, украшенных драгоценными камнями, и с индийскими мечами в золотых ножнах, возложенных на плечо, присутствовали на его аудиенции. Сорок слонов в изящно украшенных пополах, оружием и с золототкаными головными повязками, украшенные червонным золотом и камнями, держали для защиты его собрания. Позади обоих рядов держали семьсот шайтанообразных слонов-великанов с румийскими попонами и массу войск – все в золоченых одеждах добровольцев и с шлемами на голове... Впереди султана, словно луна и солнце, стояли хаджибы с вытянутыми руками на рукоятках мечей, охраняющие вход к нему, у которых глаза и уши были сосредоточены на нем» [1, 220]. По словам Утби, послы, увидев дворец, пришли в изумление от его внушительного вида. Послы максимально возможно приблизившись к трону Махмуда, исполнили обязательное церемониальное поклонение. Затем они были посажены за стол с угощением.

Утби сообщает, что перед тронем султана имелись перила, и что каждое помещение дворца было наполнено одним из видов драгоценных камней, так что их блеск ослеплял глаза. Тот же Утби описывает порядок питья вина на этом пиру. Согласно его словам, вино разносили слуги и служанки дворца, они обходили гостей, наливая им из кувшина. Послы опьянели и в конце попросили у Махмуда позволения на отъезд. С учётом достигнутой цели султан дал им разрешение и проводил гостей. Согласно достигнутым соглашениям каждый из караханидских ханов должен был довольствоваться своими владениями [1, 220-221].

Новый виток конфронтации Махмуда Газнави с караханидами Мавераннахра пришелся уже на 1024 год. Махмуд Газнави с большими силами под предлогом того, что хочет освободить население Мавераннахра от тирании караханида Али-тегина, перешел Амударью и дошел до Самарканда [5, 108]. Н.Б. Нажотова в своей диссертации указывает и на то, что Али-тегин не пропускал послов Махмуда, отправлявшихся через Мавераннахр к хану Восточного Туркестана [14, 29]. Наверняка Махмуд Газнави действовал по заранее составленному плану с великим ханом Караханидов – Кадырханом, так как Али-тегин, который в 1017 году был смещён с поста наместника великого хана в Бухаре и отправлен в ссылку, бежав из ссылки с помощью сельджуков смог захватить власть в Мавераннахре [9, 151; 10, 104]. На сговор между Махмудом и Кадырханом указывает и киргизский исследователь О. Караев. Он приводит сведение Мирхонда о письме Кадырхана к Махмуду, в котором информирует его о том, что, если Али-тегин подчинит себе туранские государства, то после этого пойдёт войной на Иран. Поэтому предлагал бороться с Али-тегином совместными силами [11, 132-133].

Кадырхан, которого Гардези называет «главой всего Туркистана», узнав о том, что Махмуд перешел Амударью, двинулся из Кашгара в сторону Самарканда. Прибыв в Самарканд, Кадырхан отправил послов к Махмуду и известил о своем прибытии и желании увидеться с ним. Гардези рассказывает о церемониале, соблюдавшемся при встрече двух независимых государей. В ответ на посольства Кадырхана Махмуд назначил место для встречи; оба правителя прибыли туда с несколькими всадниками. Как не парадоксально, хотя встреча Махмуда Газнави и Юсуфа Кадырхана проходила в Мавераннахре, в стране, формально находившейся под властью Караханидов, и как заметим ниже, по итогам встречи Махмуд не имел претензий на Мавераннахр, но все же в роли принимающей стороны выступал именно Махмуд Газнави. Удивительно и то, что в раннесредневековом мусульманском Востоке непосредственная встреча двух независимых государей вообще была практически немыслима. Так описывает ход встречи правителей Гардези: «Увидев друг друга, оба сошли с коней. Эмир Махмуд, да благословит его аллах, еще раньше отдал казначею драгоценный камень, завернутый в платок, и теперь приказал ему вручить его Кадырхану. Кадырхан также принес с собой драгоценный камень, но вследствие овладевшего им страха и смущения забыл о нем. Расставшись с Махмудом, он вспомнил о камне и послал его со своим приближенным человеком, попросил извинения и вернулся. На другой день эмир Махмуд, да благословит его аллах, велел разбить большой шатер из вышитой парчи и приготовить угощения, и прислал посла к Кадырхану и пригласил его в гости. Когда пришел Кадырхан, Махмуд велел, как можно пышно украсить стол. Эмир Махмуд, да благословит его аллах, и Кадырхан поели за одним столом. После окончания обеда они перешли в «зал веселья»; зал был великолепно разукрашен редкими цветами, нежными плодами, драгоценными камнями, вышитыми золо-

том камнями, золочеными кубками, прекрасными зеркалами. Кадырхан был изумлен увиденным. Некоторое время они сидели; Кадырхан не пил вино, так как у царей Мавераннахра нет обычая пить вино, особенно, у царей тюрков. Некоторое время они слушали музыку, а потом встали. Эмир Махмуд велел принести достойные его подарки, а именно золотые и серебряные кубки, драгоценные камни, багдадские сосуды, хорошие одежды, драгоценное оружие, ценных коней с золотыми сбруями, усеянными дорогими камнями, десять слонов – самок с золотыми уздечками и палками, осыпанными драгоценными камнями; мулов из Бердаъа с золочёной сбруей, носилки для езды на верблюдах, с поясами, золотыми и серебряными палочками и колокольчиками, также носилки из вышитой парчи; дорогие ковры армянского изделия, коврики увесийские и пестрые; вышитые платки, табаристанские материи с клеймом, окрашенные в розовую краску; индийские мечи; камарийское алоэ, маккасирское сандаловое дерево, серую амбру; онагров-самок; шкуры берберских тигров; охотничьих собак, соколов и орлов, приученных к охоте на журавлей, антилоп и другую дичь. Он проводил Кадырхана с большими почестями, оказал ему много милости и извинился перед ним» [6, 406-409; 2, 344-346].

Вернувшись в свой лагерь, и осмотрев все эти редкости, драгоценности, оружие и богатство, Кадырхан пришел в изумление и не знал, чем оплатить ему за это. Он велел казначею открыть двери казны, вынул оттуда много денег и послал эмиру Махмуду вместе с произведениями Туркестана, а именно: хорошими конями с золотой сбруей, тюркскими рабами с золотыми поясами и колчанами, соколами и кречетами, мехами соболей, белок, горностаев и лисиц и т. п. [2, 346; 6, 409-410]. Если Гардизи детально описывает встречу Махмуда и Кадырхана, то Мухаммад Касим Хиндушах только в общих чертах сообщает об обмене драгоценными подарками между двумя правителями [12, 87]. По итогам встреч было решено общими силами отнять у Алитегина Мавераннахр и отдать её Ягантегину, второму сыну Кадырхана, который должен был взять в жены дочь Махмуда - Зейнаб. Кадырхан обязался выдать свою дочь за эмира Мухаммада, второго сына Махмуда [2, 346].

О. Караев отмечал, что решения и обязательства, принятые во время встречи не были выполнены. Махмуд Газнави не стал помогать Юсуфу Кадырхану в том, чтобы Мавераннахр был передан его сыну, хотя это и было оговорено [11, 135]. Конечно, Махмуд Газнави не хотел консолидации власти Караханидов, так в как противном случае мог получить врага гораздо сильнее в лице Кадырхана.

Изученные материалы дают основание сделать вывод, что став независимым правителем, Махмуд Газнави продолжил восточную манеру ведения дипломатических отношений. Он так же, как и прежние правители, старался оказать влияние на приезжавшие посольства величием дворцовых зданий и роскошными приёмами. Посольства обеих сторон по традиции приносили богатые дары. Махмуд Газнави не имел враждебных отношений с караханидами Восточного Туркестана, так как не имел с ними общую границу. Его больше всего волновали Караханиды Мавераннахра, являвшиеся северными соседями и намеревавшиеся захватить Хорасан, славившийся богатством природы и великолепными мастерами. Нужно дать должное Махмуду Газнави, что он, то с помощью военной силы, то с помощью дипломатии смог удержать проникновение кочевников в Хорасан. Он, не раз, пользуясь междоусобицами караханидских ханов, отводил их взгляд от Хорасана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абушшараф Носех ибни Зафари Чурфодиконӣ. Тарҷумаи Таърихи Яминӣ: муқаддима, таҳия, таҳшия, таълиқот, лугот ва феҳристи Н. И. Ғиёсов// -Хучанд: Ношир, 2013. -420 с.
2. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия: Сочинения. Том I// -М.: Издательство восточной литературы, 1963. -761 с.
3. Байхаки А. История Масъуда: издание 2-е, дополненное// -М.: Наука, 1969. -1009 с.
4. Бейхаки Абул-фазл. История Масъуда: вступительная статья, перевод и примечания А. К. Арендса/Ташкент: Изд. АН Узбекской ССР, 1962. -748 с.
5. Гафуров Б. Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история/2-я книга. -Душанбе: Ирфон, 1989. -480 с.
6. Гардезӣ А. Зайн-ул-ахбор (Таърихи Гардезӣ): бо тасҳеҳу таҳшия ва таълиқи Абулхайӣи Ҳабибӣ// -Техрон: Дунёи китоб, 1363. -733 с.
7. Джамал ал-Карши. Мулҳакат ас-Сурах. Перевод с арабского и примечания Саидова Абдукахо-ра. -Душанбе: Ирфон, 2006. -156 с.
8. История таджикского народа. Под общей редакции академика АН Р. М. Масова. Том III. -Душанбе: Дониш, 2013. -580 с.
9. Запорожец В. М. Роль тюрок-сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Во-стоке в XI – начале XIV века: дис. доктор. истор. наук. -Москва, 2017. -504 с.
10. Запорожец В. М. Сельджуки. -Москва: Воениздат, 2011. -295 с.
11. Караев О. История Караханидского каганата (IX-начало XIII вв.). -Фрунзе: Илим, 1983. -301 с.
12. Муҳаммад Қосими Ҳиндушоҳи Астарободӣ. Таърихи Фаришта аз оғоз то Бобур. -Исфажон. -440 с.
13. Муллоджанов С. Духовенство и его роль в социально-политической истории X-XI вв// Вест-ник Таджикского национального университета. -№3/2 (108), 2013. С. 3-7.
14. Наҷотова Н. Б. Газневидо-Сельджукидские отношения в XI-XII вв.: дис. канд. истор. наук. -Душанбе, 2011. -168 с.

МУНОСИБАТҲОИ ДИПЛОМАТИИ МАҲМУДИ ҒАЗНАВӢ БО ҚАРОХОНИЁН (ҶАНБАӢ САРҶАШМАШИНОСӢ ВА ТАЪРИХНИГОРӢ)

Дар мақола дар асоси маълумоти муаллифони асримиёнагӣ – Утбӣ, Гардезӣ, Ҷамол ал-Қаршӣ, Байҳақӣ ва дигар адабиёти таърихӣ, пеш аз ҳама таҳқиқоти В. В. Бартолд муносибатҳои дипло-матии Маҳмуди Ғазнавӣ бо хонҳои Қарохонӣ баррасӣ гардидааст. Аз тарафи муаллиф омилҳое, ки сабаби наздикшавии манфиатҳои ду давлат ё баръакс сабаби душмании онҳо гардидаанд, баррасӣ шудаанд. Раванди баргузории гуфтушунид, маросими қабули сафир ва вохӯрии ҳокимон таҳлил гардидаанд. Зикр мешавад, ки дар аҳди ҳокимони Ғазнавӣ – Маҳмуд ва Масъуд халифаҳои Бағдод бо Қарохониён муносибати бевоситаи дипломатӣ надоштанд ва алқоби ифтихорӣ ва тухфаҳои ба онон халифа ба воситаи Ғазнавиён ирсол мекард. Маҳмуди Ғазнавӣ бо Қарохониёни Туркистони Шарқӣ муносибатҳои душманона надошт, зеро ки бо онҳо дорои сарҳади умумӣ набуд. Муаллифи мақола истъдоди Маҳмуди Ғазнавиро эътироф менамояд, ки тавонистааст бо роҳи неру ва дипломатия воридшавии Қарохониёнро ба Хуросон боздорад.

Калидвожаҳо: муносибатҳои дипломатӣ, Маҳмуди Ғазнавӣ, Қарохониён, сафорат, тухфаҳо, қабули ботантана.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МАХМУДА ГАЗНАВИ С КАРАХАНИДАМИ (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

В статье на основе сведений раннесредневековых авторов – Утби, Гардези, Джамал ал-Карши, Байхаки и исторической литературы, прежде всего, исследований В.В. Бартольда, рассмотрены ди-пломатические отношения Махмуда Газнави с Караханидскими ханами. Автором рассмотрены причины сближившие интересы двух государств или становившие причиной их вражды. Анализи-ровано процесс проведения переговоров, проведение церемониала приёма послов и встреч госуда-рей. Констатируется, что при газнавидских правителях – Махмуде и Масъуде багдадские халифы не имели прямого сношения с Караханидами и почетные звания и подарки халиф посылал им при по-средничестве Газнавидов. Подчеркивается, что Махмуд Газнави не имел враждебных отношений с Караханидами Восточного Туркестана, так как не имел с ними общих границ. Автор статьи отдаёт

должное Махмуду Газнави, сумевшему с помощью силы и дипломатии удержать проникновение караханидов в Хорасан.

Ключевые слова: дипломатические отношения, Махмуд Газнави, караханиды, посольство, подарки, торжественная аудиенция.

MAHMUD GHAZNAVI'S DIPLOMATIC RELATIONS WITH QARAKHANIDS (SOURCE-HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS)

Designing on the premise of information belonging to the early medieval authors being Utbi, Gardezi, Jamol al-Karshi, Bayhaqi and historical literature, primarily the conducted research by V.V. Bartold the author of the article canvasses Mahmud Ghaznavi's diplomatic relations with Qarakhanid khans. The author considers the reasons that brought together interests of the two states or became their enmity cause. In his article the author analyzes the process of negotiations, receiving ambassadors ceremony and sovereigns meetings. It is stressed that under Ghaznavid rulers - Mahmud and Mas'ud the caliphs of Baghdad did not have direct relations with Qarakhanids and the caliph sent honorary titles and gifts to them through the mediation of Ghaznavids. An emphasis is laid upon the idea that Mahmud Ghaznavi did not have hostile relations with Qarakhanids of the Eastern Turkestan, since he did not have common borders with them. The author of the article gives the position that by virtue of force and diplomacy Mahmud Ghaznavi who managed to keep the penetration of Qarakhanids into Khorasan.

Key words: *diplomatic relations, Mahmud Ghaznavi, Qarakhanids, embassy, gifts, solemn audience.*

Сведение об авторе: Хусенов Фаррух Рахимович – к.и.н., соискатель отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Адрес: 735700, Республика Таджикистан, город Душанбе, ул. акад. Раджабовых, 9. E-mail: Farrukh_2522@mail.ru

Information about the author: Husenov Farrukh Rakhimovich - candidate of historical sciences, claimant for candidate degree of the department of ancient, medieval and modern history attached to the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish under the National Academy of Science. Address: 735700, Tajikistan Republic, Dushanbe-city, street. acad. Radjabov, 9. E-mail: farukh_2522@mail.ru

УДК - 902.7 (575.3)

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО КОСТЮМА ТАДЖИКОВ ГБАО КОНЦА XIX - XXI ВВ

ИБРОХИМОВ М. Ф., ЁГИБЕКОВА Б. Т.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

Народный костюм таджиков в целом, и каждая из его составляющих в частности занимают особое место в жизни народа и являются важным культурным явлением. Несмотря на то, что сегодня в городах и районах Таджикистана народными мастерами изготавливаются художественные изделия, к сожалению, развитие разных видов ремесел и промыслов находится пока на довольно низком уровне. К тому же, отдельные их области уже прекратили существование. Это означает, что назрела необходимость решать проблемы, связанные с их возрождением и дальнейшим развитием. Работа в этом направлении требует всемерной поддержки в обществе и научного исследования ситуации. Не случайно, в рамках инициативы Лидера нации, основателя мира и национального согласия, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона, объявившего 2019

- 2021 гг. «Годами развития села, туризма и народных промыслов», были образованы десятки ремесленных школ, которые успешно функционируют. Правительством республики созданы все условия для развития народных промыслов, что позволяет возродить богатое наследие таджикского народа совершенствовать ремесленные традиции.

В отечественной и зарубежной историографии традиционная одежда таджиков Горно-Бадахшанской автономной области (за исключением Дарвазского района) в сравнении с другими регионами Республики Таджикистан получила не меньшее отражение. Однако материал и результаты выполненных в этом направлении исследований зафиксированы лишь в нескольких разрозненных статьях, которые посвящены важным аспектам традиционной одежды. В связи с этим, история изучения народного костюма таджиков ГБАО является актуальной проблемой, так как она расширяет наши знания по разнообразию национальной одежды. Разработка данной проблематики позволяет глубже разобраться в особенностях костюма таджиков - жителей высокогорья.

В прошлом из-за ландшафтной расчлененности Бадахшан не имел устойчивых связей с равнинными районами. Ежегодно в холодный сезон эта территория месяцами оставалась в изоляции, дороги и тропы к отдельным долинам региона закрывались до девяти месяцев в году. Более того, разрывались связи между сопредельными долинами и даже соседними селениями. Естественно, такие условия не могли не повлиять на материальную культуру населения региона, своеобразие деталей одежды, способы их изготовления и применения. Вместе с тем, данное обстоятельство способствовало сохранению здесь национальных традиций прошлого. Этот аспект отчетливо указывает на актуальность выбранной темы исследования.

Системное изучение образа жизни населения Горного Бадахшана, как и Центральной Азии в целом, было начато после присоединения региона к России во второй половине XIX в. За дореволюционный, советский и постсоветский периоды по выбранной проблематике выполнен ряд исследований в основном исторического и этнографического характера. В них нашли отражение отдельные аспекты разрабатываемой темы.

К ним можно отнести, в первую очередь, публикации, посвященные этнографии Горного Бадахшана. Это отдельные труды А. А. Бобринского по Вахану и Ишкашиму [5], И. И. Зарубина по долине Бартанга [10], М. С. Андреева по долине Хуфа [2], Н. А. Кислякова [14] и Л. Ф. Моногаровой по Язгулему [15] и др. Как следует из названий трудов, в них можно обнаружить сведения, касающиеся особенностей одежды конкретных районов Горного Бадахшана. Исключение составляют некоторые труды Л. Ф. Моногаровой, в которых география изучения охватывает всю территорию ГБАО.

В этом аспекте большое значение имеют труды, в которых затрагиваются те или иные аспекты рассматриваемой проблемы: альбом А. А. Бобринского по орнаменту дарвазских вышивок и вязаний [6], трактат М. С. Андреева по орнаменту таджиков Верховьев Пянджа и памирских киргизов [1], статья И. И. Зарубина про обувь жителей долины Бартанга, статья Н. А. Кислякова о свадебных лицевых занавесках Дарваза [13], работа З. А. Широковой по традиционному костюму жителей Дарваза [19], статьи Л. Б. Бахтоваршоевой, посвященные кустарным тканям, традиционным платьям и поясной одежде жителей региона [3,4], книга П. Киматшоева и В. Алидодова по вязальному делу памирцев [12], статья Л. Н. Дод-

художественной по портновским традициям населения ГБАО [8], работа М. Ф. Иброхимова по традиционным тканям жителей этого региона [11], опубликованных статьях автора настоящего исследования, посвященных художественным особенностям памирского орнамента на примере ваханских шерстяных чулок и тюбетеек, а также традициям и инновациям в мужской и женской одежде жителей этого региона и др.

В годы независимости республики изданы отдельные книги и альбомы, непосредственно посвященные народному декоративно-прикладному искусству Горного Бадахшана. В них избранные образцы традиционной одежды рассматриваемого региона представлены в качестве выдающихся достижений ремесленничества. Примерами являются альбом, подготовленный в соавторстве Н. Э. Юнусовой и Л. Н. Додхудоевой «Народное искусство Памира» [21]. Особое значение имеют архивные документы М. А. Рузиева под названием «Искусство Памира», основанные на материалах его полевых исследований 1960 г. в Вахане [7] и др.

Отметим также диссертационное исследование С. П. Сайнакова, в котором история и этнография ГБАО изучена в основном на материалах архивных и письменных источников [17].

В то же время, права этнограф Л. Ф. Моногарова, которая в 1972 г писала, что сведения по отдельным аспектам национальной одежды таджиков ГБАО приводятся в трудах многих авторов, хотя по этой теме нет ни одного специального исследования [15].

Среди наиболее значимых работ она упоминает публикации этнографического характера А. А. Бобринского, И. И. Зарубина, М. С. Андреева, а также написанные ею лично. С того времени прошло полвека и, как показывает проведенный выше историографический обзор, за это время историография народного костюма таджиков ГБАО значительно пополнилась, что позволило нам провести данное исследование по проблемам изучения народного костюма таджиков ГБАО.

Итак, назрела необходимость изучения национальной одежды таджиков ГБАО, как носителя особых этнознаковых функций в отечественной и зарубежной этнографии конца XIX - XXI вв. Для достижения этой цели требуется решение целого комплекса задач. Во-первых, необходимо выявление вклада исследователей дореволюционного, советского и постсоветского периодов в разработку отдельных аспектов настоящей темы. Далее, следует изучить географические, природно-климатические и исторические факторы формирования состава, силуэта, покроя, декора и видового разнообразия традиционной одежды. Немаловажной задачей является составление общей характеристики одежды жителей ГБАО в ее основных чертах и выявление ее районных, половозрастных и социально-утилитарных особенностей на основе материалов архивов научных публикаций.

Кроме того, следует изучить традиционные приемы изготовления одежды таджиков ГБАО как самобытной отрасли народных промыслов. Следует глубоко изучить способы декора традиционной одежды и ее семантики, а также отраслевой терминологии по народной одежде региона, приведенной в публикациях экспертов.

Источниковедческая база исследования по настоящей теме базируется на изучении всего комплекса доступных источников, которые можно условно разделить на следующие виды:

- труды русских авторов (дневники путешествий, исследования, воспоминания чиновников и ученых, в которых содержатся отдельные сведения по дореволюционной одежде Горного Бадахшана. Эти сведения имеют большую ценность вне зависимости от их отношения к видам, форме, крою, декору или портновским решениям. Среди этих работ заслуживают особого внимания публикации Д. Путьты [16], А. А. Семёнова [18], А. П. Шишова [20] и др.

- труды западноевропейских авторов, посетивших Памир в дореволюционный период: публикации датского офицера Оле Олуфсена (1890 г.) [22], английского офицера Т. Э. Гордона (1874 г.) и др.;

- художественные источники (образцы одежды, запечатленные в старинных фотографиях, живописи, документальных и художественных фильмах и т.п.);

- подлинные образцы исторической одежды или так называемый «живой» материал, хранящийся в музейных фондах, частных реликвариях и у населения;

- полевые сведения - материал, собранный диссертантом в результате бесед с пожилыми жителями региона и выходцами оттуда.

Материалы исследования и выводы по ним показывают, что одним из ключевых факторов, способствовавших формированию традиционной одежды таджиков ГБАО, наряду с климатическими условиями региона, культурой и господствовавшей религией, послужила природная обособленность края, что обусловили отключенность региона от иноземных влияний в этнокультуре таджиков ГБАО. Это особенно подчеркнуто в трудах российских исследователей.

В традиционном костюме одежде дореволюционного женского населения ГБАО отразились особенности гендерного баланса, высокий статус женщины, что указано во многих публикациях путешественников конца XIX - начала XX вв.

Очевидно, природно-климатические условия региона и первостепенное значение в хозяйственной деятельности населения скотоводства способствовали широкому распространению здесь шерстяных изделий, что отмечено всеми учеными, занимавшихся историей костюма таджиков ГБАО.

Этнознаковые особенности народной одежды ГБАО ярко отразились в свадебном костюме, колорит которого основан на использовании трех цветов: белого, красного, зеленого. Преобладание этих цветов в праздничных костюмах, характерных и для других регионов проживания таджиков, указывает на общие истоки формирования и развития таджикского народа, что отмечено в ряде научных исследований.

Следует признать, что излюбленный прием декора национальных женских платьев - вышивка получила наибольшее развитие в Дарвазе, где таким способом орнаментировали основную часть изделия, применяли вышитые нашивки для декора разных деталей, а также пользовались узорной тесьмой. Помимо этого, здесь нашло применение тканая полоса с пришитыми серебряными бляшками по черному фону. Вышивка платья в Дарвазе достигла наибольшей степени совершенства. По богатству узора и степени его стилизации и семантики, дарвазская вышивка успешно конкурировала со знаменитым кулябским чаканом, что отмечено рядом экспертов конца XIX - начала XX вв.

В декоративных композициях одежды жителей ГБАО применялись разнообразные мотивы растительного, геометрического, зооморфного, предметного и астрального характеров. В отличие от орнамента жителей равнинных районов, где преобладают композиции растительного характера, здесь растительные и

геометрические мотивы использовались в равной мере, что было отмечено многими исследователями.

Можно наблюдать, что в декоре платьев и рубашек высокогорных районов ГБАО вышивка применялась только при оформлении отдельных деталей одежды (вертикального разреза у горловины, концов рукавов). Для украшения шерстяных платьев широко использовалась гладкая тесьма черного цвета. Одним из знаковых деталей традиционного мужского и женского костюма ГБАО является тубетейка с круглой тульей и плоской макушкой с характерным богатым вышитым узором, что отмечено в научной литературе. В женском праздничном костюме особое место занимает длинное нагрудное украшение с геометрическим узором разноцветного бисера, являющегося, по мнению экспертов, характерной его особенностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М. С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. - Ташкент: Типо-литография № 2. Казгиза, 1928. 21 сах.
2. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Сталинабад: АН Тадж. ССР, Ин-тут истории, археологии и этнографии. - 1953, 1958. - Вып. 1. 250 с. - Вып. 2. - 520 с.
3. Бахтоваршоева Л. Б. Набедренная одежда таджиков Горного Бадахшана//Этнография в Таджикистане: Сб. Статей. - Душанбе, 1989. С. 165-185.
4. Бахтоваршоева Л. Б. Платья традиционного покроя таджиков Памира//Памироведение: Сб. статей. - Душанбе, 1984. - Вып. 1. С. 145-152.
5. Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам // - М., 1908. - 150 с.
6. Бобринской А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). - М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1900. 47 с.
7. Додхудоева Л. Н. Народное искусство Вахана (полевые материалы профессора М. А. Рузиева) //Л. Н. Додхудоева//Труды международной научной конференции «Иранское языкознание 2020». Чтения памяти Б. Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения. - М., 2020. С. 354-378.
8. Додхудоева Л. Н. Памирский костюм с Крыши мира (англ.)//Дискавери. - Алматы, 2017. - № 1. С. 78-83.
9. Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга //И. И. Зарубин//Сборник МАЭ. - Т. 5, вып. 1. - Петроград, 1918. С. 97-148.
10. Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга//Сборник антропологии и этнографии. - Т. 3. - Петроград, 1916. - С. 89-92.
11. Иброхимов М. Ф. Текстильное производство в горных районах Таджикистана в конце XIX – начале XX в. //Вестник Таджикского национального университета. - № 3/3(87). - Душанбе, 2012. С. 23-25.
12. Киматшоев П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира//П. Киматшоев, В. Алидов. - 2-е изд. - Хорог, 2011. 28 с.
13. Кисляков Н. А. Свадебные лицевые занавески горных таджиков//Сборник Музея антропологии и этнографии. -Т. 15. -М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. -С. 291-316.
14. Кисляков Н. А. Язгулемцы (Этнографический очерк)//ИВГО, 1948. - Т. 80, вып. 4. С. 361-372.
15. Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев//Среднеазиатский этнографический сборник. - Т. 2. - М., 1959. С. 3-94.
16. Путята Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. //Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - СПб.: Военная типография, 1884. - С. 1-88.
17. Сайнаков С.П. Вклад дореволюционных русских исследователей в изучение этнографии Горного Бадахшана (Памира): Дис. канд ист. наук. - Душанбе, 2015. 209 с.
18. Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. -М., 1903. -131 с.
19. Широкова З. А. Одежда//Таджики Каратегина и Дарваза. - Душанбе, 1970. - Вып. 2. С. 116-202.
20. Шишов А. П. Таджики. Этнографическое исследование. - Алмааты, 2006. 392 с.

21. Юнусова Н. Э. Народное искусство Памира/Н. Э. Юнусова, Л. Н. Додхудоева (рус.- англ.), ред. Р. М. Масов. – Душанбе, 2009.

22. Ole Olufsen. Through the unknown Pamirs. The second Danish Pamir-Expedition (Lieutenants of the Danish army and chief of the expedition). With maps and numerous illustration. - London 1904. -281 с.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО КОСТЮМА ТАДЖИКОВ ГБАО КОНЦА XIX - XXI ВВ.

В статье отмечается, что в историографии Таджикистана и зарубежья традиционная одежда таджиков Горно-Бадахшанской автономной области в сравнении с другими регионами Республики Таджикистан получила отражение не в меньшей степени. Однако материал и результаты выполненных в этом направлении исследований зафиксированы лишь в нескольких разрозненных статьях, посвященных важным аспектам региональной одежды. В связи с этим, история изучения народного костюма таджиков ГБАО является актуальной проблемой, так как расширяет наши знания по разнообразию национальной одежды. Разработка данной проблематики позволяет глубже разобраться в особенностях костюма таджиков - жителей высокогорья.

Авторами выполнен краткий историографический обзор темы, указаны наиболее ценные исследования. Кроме того, излагаются авторские заключения по главным аспектам регионального этнического костюма.

Ключевые слова: *Таджикистан, Памир, материальная культура, традиционный костюм, портновское дело, национальный орнамент, историография, источниковедческая база.*

ЌАНБАҲОИ ТАЪРИХНИГОРӢ ВА САРЧАШМАШИНОСИИ ОМУӢЗИШИ ЛИБОСИ ТОҶИКОНИ ВМКБ - И ОХИРИ АСРИ XIX - АСРИ XXI

Дар мақола қайд карда мешавад, ки дар таърихнигории ватанӣ ва хориҷӣ либоси анъанавии тоҷикони Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон дар муқоиса бо дигар минтақаҳои Тоҷикистон ба андозаи баробар инъикос гардидааст. Аммо мавод ва натиҷаҳои таҳқиқоти дар ин самт иҷрошуда танҳо дар ҷанд мақолаи парешон, ки ба ҷанбаҳои муҳими либоси минтақавӣ бахшида шудаанд, зикр гардидаанду ҳалос.

Дар иртибот бо ин, таърихи омузиши либоси ҳақиқии тоҷикони ВМКБ масъалаи муҳим мебошад ва дониши моро оид ба анвои мухталифи либоси миллӣ васеъ мегардонад. Коркарди ин масъала имкон фароҳам меорад, ки вижагиҳои либоси тоҷикони баландкӯҳҳо амиқ омӯхта шаванд.

Муаллифон тафсири мухтасари сарчашмашиносии мавзӯро ба иҷро расонида, осори бештар арзишмандро таъкид кардаанд. Иловатан ҳулосаҳои ҳудро доир ба ҷанбаҳои гуногуни либоси миллӣ-минтақавӣ баён кардаанд.

Калидвожаҳо: *Тоҷикистон, Помир, фарҳанги моддӣ, либоси анъанавӣ, ҳунари чеварӣ, нақши миллӣ, таърихнигорӣ, заминаи сарчашмашиносӣ.*

HISTORIOGRAPHICAL AND SOURCE STUDY ASPECTS OF THE STUDY OF THE FOLK COSTUME OF TAJIKS IN GBAO AT THE END OF THE 19TH - 21ST CENTURIES

The article notes that in the historiography of Tajikistan and abroad, the traditional clothing of the Tajiks of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region, in comparison with other regions of the Republic of Tajikistan, is reflected to no lesser extent. However, the material and results of studies carried out in this direction are recorded only in a few scattered articles devoted to important aspects of regional clothing.

In this regard, the history of studying the folk costume of the Tajiks of GBAO is an urgent problem, as it expands our knowledge of the diversity of national clothes. The development of this issue allows a deeper understanding of the features of the costume of the Tajiks - the inhabitants of the highlands.

The authors made a brief historiographical review of the topic, indicated the most valuable research. In addition, the author's conclusions on the main aspects of the regional ethnic costume are presented.

Key words: *Tajikistan, Pamir, material culture, traditional costume, tailoring, national ornament, historiography, source base.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Иброҳимов Муродали Файзалиевич - ходими калони илмии шуъбаи таърихи санъати Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. E-mail: murodali_f@list.ru, тел. 2217247.

Ёғибекова Бека Турдибековна – унвонҷӯи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ.

About the authors: Yogibekova Beka Turdibekovna – Candidate of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan.

Ibrohimov Murodali Faizalievich - senior researcher at the Art History Department of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Historical Sciences. E-mail: murodali_f@list.ru, тел. 2217247.

УДК - 52 (575.3) (092)

САҲМИ АКАДЕМИК П. Б. БОБОҶОНОВ ДАР ЭҶЁ ВА РУШДИ ИЛМИ СИТОРАШИНОСИИ ТОҶИК

РАҲМАТОВА Р. Б.,

Донишгоҳи давлатии Кӯлоб ба номи Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ

Илми нучум ё ситорашиносӣ яке аз қадимтарин илмҳои табиатшиносӣ буда, дар бунёд ва рушду нумӯи он дар қатори олимони дигар қавму миллатҳо намо-яндагони барҷастаи илми тоҷик, аз қабилӣ Абдурахмон ас - Суфӣ, Абуалӣ ибни Сино, Абумахмуди Хуҷандӣ, Абурайҳон Берунӣ, ал-Хоразмӣ, Умари Хайём, Насируддини Тусӣ ва дигарон саҳми бориз доранд.

Идомаи ин анъанаи некро насле, ки дар даврони Шӯравӣ тарбия ёфта буданд, аз он ҷумла, Садриддин Айнӣ, Бобочон Ғафуров, Султон Умаров, Муҳаммад Осимӣ, Ақобир Адҳамов, Абдулҳамид Ҷӯраев, Зафар Усмонов идома дода, бо эҷодиёти пурмухтаво ва таҳқиқоти илмӣ пурсамари худ осори гаронбаҳоеро аз худ боқӣ гузоштаанд.

Яке аз шахсиятҳои шинохтаи миллати тоҷик, ки барои илми астрономия шуруъ аз даврони Шӯравӣ то ба имрӯз хизматҳои басо сазовор кардаасту баҳри рушди илми ҷаҳонӣ бо таҳқику таълифи асарҳои оламшумули хеш саҳми намоён гузоштааст, академик Пӯлод Бобочонович Бобочонов мебошад.

Пӯлод Бобочонович Бобочонов 15 октябри соли 1930 дар шаҳри бостонии Ўротеппа – (ҳоло Истаравшан) ба дунё омадааст. Ходими намоёни давлатӣ, астрофизик, академики Академияи илмҳои Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон (соли 1973), аъзо-корреспондент (соли 1966), доктори илмҳои физика ва математика (соли 1970), профессор (соли 1973) мебошад [2, 468].

Пӯлод Бобочонов соли 1949 Институти давлатии омӯзгорӣи шаҳри Хучандро бо дипломи аъло хатм карда, соли 1950 ба аспирантураи расадхонаи астрономии Сталинободи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон дохил шуда, соли 1951 дар Институти давлатии астрономии ба номи П. К. Штернберги назди Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М. В. Ломоносов таҳқиқотро идома додааст.

Пӯлод Бобочонов соли 1954 дар мавзӯи «Таҳқиқи суръати хоричшавии моддаҳо аз ядрои кометаҳо» дар Шурои диссертатсионӣ Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М. В. Ломоносов рисолаи номзадӣ ҳимоя намуда, сазовори унвони номзоди илмҳои физикаю математика гардид. Мавсуф рисолаи доктории

худро соли 1970 дар мавзуи «Таҳқиқи ҳодисаҳои метеорӣ дар асоси мушоҳидаҳои аксбардоришуда» дар Шурои диссертатсионии Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М. В. Ломоносов дифоъ намуд [22,12].

Солҳои 1954 -1958 ҳодими калони илмии Расадхонаи астрономӣ, солҳои 1958 - 1959 ва соли 1971 мудирӣ шуъбаи астрономияи метеории Институти астрофизикаи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, солҳои 1959-1971 ва солҳои 1992-2002 директори ҳамин институт буда, солҳои 1963-1967 тахти сарвари мавсуф Расадхонаи астрономии Ҳисори Академияи илмҳои Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон бунёд гардид [2, 469].

Аз соли 1971 то 1982 Пӯлод Бобочонов ректори Университети давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленин, ҳоло Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, солҳои 1980-1989 узви Президиуми Академияи илмҳои Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон ва солҳои 1986-1989 ноиби президенти Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон адои хизмат намудааст [2, 110].

Академик П. Б. Бобочонов, олими барҷастаи соҳаи омӯзиши ҷисмҳои хурди низоми Офтоб махсуб меёбад. Таҳқиқоти илмӣ мавсуф дар нашриҳои бонуфузи марказҳои илмӣ Иттиҳоди Шӯравӣ, давлатҳои узви Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил ва кишварҳои хориҷӣ нашр гардидаанд, ба омӯзиши тақсмоти моддаҳои шихобсанг дар фазои байни сайёраҳо ва зичии селҳои ҷисмҳои шихобсангӣ ба Замин афтада, табиати физикии ҳодисаҳои метеорӣ, ҳосиятҳои физикии қабатҳои болоии атмосфераи Замин, коркарди усулҳои нави таҳқиқ намудани шихобсангҳо, таҳаввули (эволютсия)-и селҳои метеоридӣ ва алоқамандии онҳо бо кометаҳо ва астероидҳо, коркард ва татбиқи усулҳои нави омӯзиши ҳодисаҳои метеорӣ ва ғайра бахшида шудаанд [3].

Дар адабиёти қаблӣ соҳаи кайҳоншиносии Шӯравӣ ва ҷаҳон дар кайҳон кашфи зиёда аз 400 шихобсанг ва 20 сели шихобсангиро ба номи олими тоҷик Пӯлод Бобочонов пайванд медонанд [2].

Айни замон таҳқиқоти осмони ситоразор ба воситаи киштиҳои байнисайёравии сунъӣ анҷом меёбад, ки дар он кулли таҳқиқоти анҷомдодаи ин олим тасдиқи худро низ ёфтаанд.

Бо пешниҳоди Академияи илмҳои Иттиҳоди Шӯравӣ солҳои 1968-1970 Пӯлод Бобочонов ҳамчун роҳбари эъзомияи (экспедитсияи) Иттиҳоди Шӯравӣ оид ба омӯхтани кайҳон ба давлати Сомалӣ, ки дар Африқои Шарқӣ воқеъ аст сафар кард ва тахти роҳбарии ӯ ҷойивазкунии изҳои шихобсангӣ дар экватор андозагирӣ шуданд. Дар ин давлат бо пешниҳод ва роҳбарии ин олими забардасти тоҷик пойгоҳ (стансия)-и омӯзиши кайҳон ба воситаи мушоҳидаҳои тасвирии радиофҳои маснӯи Замин созон ёфт. Ӯ дар асоси таҷрибаҳои андӯхтаи байналмилалӣ худ соли 1961, сола, ки аввалин маротиба инсон аз Иттиҳоди Шӯравӣ ба кайҳон парвоз намуда буд, пойгоҳро дар ватани худ Тоҷикистон бунёд гузошт [4].

Пӯлод Бобочонов барои татбиқи барномаҳои бузурги таҳқиқотии «Соли байналхалқии геофизикӣ», «Соли ҳамкории байналхалқӣ», «Соли байналхалқии офтоби ором» ҷалб шуда, параметрҳои физикаи минтақаи шихобсангиро дар қабатҳои болоии атмосфераи Замин бо ёрии мушоҳидаҳои тасвирӣ ва радиолокатсионӣ таҳқиқ кардааст.

Дар асоси таҳқиқоти илмӣ мавсуф масъалаи ҷудошавии шихобсангҳоро аз ядроии кометаҳо ба масъалаи ҷудошавии синхронҳо, галосҳо, думҳои аномалӣ аз ядроии кометаҳо таҳқиқ намуда, алоқамандии онҳоро муайян намудааст. Аз ҷумла, барои ин навъи ҳодисаҳои кометавӣ аз ҷониби ӯ қонуниятҳои вобастагии

байни чудошавии ҳиссачаҳо ва массаи онҳо муайян шудааст. Дар баробари ба даст овардани натиҷаҳои илмӣ ҳангоми омӯзиши суръати фавворазании шиҳобсангҳо аз ядроии кометаҳо ро нишон додааст, ки барои муайян намудани суръати аслии чудошавии шиҳобсангҳо аз ядроии кометаҳо таҳаввули мадорҳои кометаҳо ва шиҳобсангҳои аз таркиби ядроии онҳо чудошаванда бояд ба назар гирифта шавад.

Натиҷаҳои таҳқиқоти шиҳобсангҳо, ки таҳти роҳбарии П. Б. Бобочонов дар Тоҷикистон гузаронида мешуд, ба тамоми олимони ҷаҳон маълум буданд. Аз ҷумла, феҳристи мадорҳои шиҳобсангҳои дурахшон таҳти роҳбарӣ ва иштироки бевоситаи академик Пӯлод Бобочонов мураббаъ шуда, ба ҳазинаи ҷаҳонии Маркази метеории Лунд дар Шветсия дохил гаштааст.

Дар баробари таҳқиқи ҳолатҳои физико - химиявии шиҳобсангҳо ба П. Б. Бобочонов муяссар гардид, ки коркарди усули нави аксардорӣ ва спектрографии «Лаҳзавӣ»-и шиҳобсангҳо ро корбарӣ намояд. Ҳангоми истифода кардан аз ин усул аввалин маротиба дар ҷаҳон беш аз 3000 аксҳои лаҳзавии шиҳобсангҳо ба даст оварда шуд, ки ҷунин вазъ боиси тарзи сифатан нави омӯзиши табиати ҳодисаҳои шиҳобсангӣ, коркарди таснифот, муайян намудани андозаи пораҳои шиҳобсангҳо, таҷзияи ҷисмҳои шиҳобсангӣ ба пораҳои ҳаҷман азим-ҷусса, омӯзиши ҳаракат ва дараҷаи нурафшонии ҳар кадоми онҳо, муайян намудани бефосила тақсимшавии шиҳобсангҳо дар атмосфераи Замин ва муайян кардани андозаву массаи пораҳои аз онҳо ба вуҷуд омада гардид [3, 9-10].

Ҳангоми таҳқиқи таҳаввули мадорҳои ҷисмҳои хурди низоми Офтоб ва таҳлили натиҷаи доир ба селҳои шиҳобсангии то ба имрӯз дар ҷаҳон гирдовардашуда академик П. Б. Бобочонов ҷунин хулоса мебарорад, ки як қисми астероидҳои мадори Заминро раҳнакунанда, кометаҳои аз нурафшонӣ бозмонда маҳсуб меёбанд. Таҳти роҳбарии ӯ мушоҳидаи селҳои шиҳобсангӣ, аз ҷумла, селҳои шиҳобсангии Леонид пас аз муҳоҷирати як қисми мутахассисон аз ҷумҳури, П. Б. Бобочонов қисми асосии таҳқиқоти метеороиро дар Пажӯҳишгоҳи астрофизикаи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон бар дӯши худ гирифта, таваҷҷуҳи аввалиндараҷа ро ба масъалаи муҳимтарини замонавӣ таҳаввули мадорҳо ва табиати объектҳои назди Заминӣ, кометаҳо, астероидҳо ва шиҳобсангҳои ба Замин таҳдидкунанда равона месозад [3].

Маҳорати баланди касбӣ ва расадхонаҳои ба таври замонавӣ ҷиҳозонидашудаи пажӯҳишгоҳ ба ӯ имкон доданд, ки дар таҳқиқи объектҳои назди Замин ба комёбиҳои беназир ноил гардад. Аз ҷониби ӯ таҳқиқот дар бораи таҳаввули мадорҳои маҷмуаи Таурид (дорои кометаи кӯтоҳдаври Энке) гузаронида шуда, тағйирёбиҳои асрии элементҳои мадорҳои 37 астероидҳои мадории Заминро раҳнакунанда, дар зери таъсири ғалаёновари қувваи ҷозибаи сайёраҳои бузург дар муддати 8-10 ҳазор сол муайян карда шудаанд. Дар асоси назарияи тақомули селҳои шиҳобсангӣ, ки аз ҷониби худӣ ӯ кор карда баромада шудааст, академик П. Б. Бобочонов нахустин маротиба табиати якхела доштани 17 астероидҳои маҷмуаи Энке-Тауридии дорои 66 селҳои шиҳобсангиро муайян намудааст.

Самараи фаъолияти илмӣ - педагогӣ ва роҳбарии академик П. Б. Бобочонов шахсияти ўро дар қатори муҳаққиқон ва олимони барҷастаи ҷисмҳои хурди низоми Офтоб гузоштаанд. Ба натиҷаи пажӯҳишҳои ӯ мутахассисони варзидаи кишварҳои дунё баҳои баланд додаанд. Соли 1961 П. Б. Бобочонов узви Иттифоқи байналхалқии астрономӣ ва баъд аъзои ҷамъиятҳои гуногуни илмӣ байналхалқӣ интиҳоб гардид. Соли 1994 ўро узви Ҷамъияти астрономии

Шоҳаншоҳии Британияи Кабир интиҳоб намуданд. Ӯ якчанд маротиба узви Шурои комиссияи «Метеорҳо ва ҷангҳои байнисайёравӣ»-и Иттифоқи байналхалқии астрономӣ ва солҳои 1985-1988 Президенти ин Комиссия интиҳоб гардида аст [2].

Бояд таъakkур дод, ки хизматҳои шоёни П. Б. Бобоҷоновро кадрдонӣ намуда, соли 1998 бо қарори Иттиҳоди байналмилалӣ астрономӣ ба сайёраи хурди нав кашфшудаи рақами 7164 номи «Бобоҷонов» -ро ниҳоданд.

Хизматҳои барҷастаи олимро ба инобат гирифта, Ҳукумати Шӯравӣ ва Тоҷикистон ӯро ба Ордени «Байрақи Сурхи Меҳнат», ду ордени «Нишони Фахрӣ», соли 1977 бошад бо Ҷоизаи давлатӣ ба номи Абуалӣ ибни Сино ва соли 1994 бо унвони Корманди хизматнишондодаи Ҷумҳурии Тоҷикистон сарфароз гардониданд. Инчунин соли 2003 бо Ҷоизаи ба номи Султон Умарови Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, соли 2009 бошад барои хизматҳои сазовор дар соҳаи илми астрономия ва омода намудани кадрҳои илмӣ ба Пӯлод Бобоҷонов Ҷоизаи Бунёди байнидавлатӣ ҳамкориҳои гуманитарии Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил «Ситораи Иттиҳод» мушарраф гардид.

Пӯлод Бобоҷонов бо ду ордени «Нишони Фахрӣ», медалҳои ба номи С. И. Вавилов (соли 1977), «Ветерани меҳнат», ду ифтихорномаи Раёсати Шурои Олии Тоҷикистон кадр карда шудааст.

Академик Пӯлод Бобоҷонов дорандаи нишони «Аълочии маорифи халқ» (соли 1973) ва унвони Арбоби шоистаи илми Ҷумҳурии Тоҷикистон (соли 1994) низ мебошад [2].

Ҳамин тариқ, бояд зикр намуд, ки ҳаёт ва фаъолияти академик, шодравон Пӯлод Бобоҷонов ҳамчун як олим, шахсият ва ходими намоёни ҷамъиятӣ намунаи олии ибрат барои ҷавонони имрӯзаи Тоҷикистони соҳибистиклол, ҷиҳати ҷалби онҳо ба илмҳои табиатшиносӣ ва дақиқ мебошад.

АДАБИЁТ

- 1.Энциклопедияи советии тоҷик. - Душанбе, 1978. – Ҷилди 1. С.468-469.
- 2.Пулат Бабаджанович Бабаджанов//материалы к биобиблиографии ученых Таджикистана. Выпуск 95. Душанбе: Дониш, 2020.
- 3.Бабаджанов П. Б. Институт астрофизики Академии наук Таджикской ССР//БСЭ. -3-е изд. - М., 1970. - Т. 2. С. 360.
- 4.Бабаджанов П. Б. Астрономия в эпоху Саманидов/1100 –летие образования Государства Саманидов. – СПб, 1999. С.93 – 101.
- 5.Бабаджанов П. Б. Институту астрофизики – 60 лет//Бюллетень Института астрофизики АН РТ, № 82, 1995. С. 3 – 15.
- 6.Бабаджанов П. Б. Институту астрофизики АН Тадж. ССР – 50 лет. – Земля и Вселенная, 1983, №3. С. 49 - 54.
- 7.Бабаджанов П. Б. Метеоры и их наблюдения. – М.: Наука, 1987.
- 8.Бобоев Х. Дунёи нучум ва фарҳанги кайҳоншиносӣ. - Монография: Душанбе, Маориф 2010, 189 с.
- 9.Наврузов Г. Формирование научного центра в Таджикистане (1924 – 1950 гг.). – Д., Дониш, 1991.
- 10.Наука в Таджикском государственном национальном университете. – Вып. 24. – Д., ЭР-граф. – 2006.
- 11.Усмон Шокир, Тоҳирхӯҷаи Ҳочазод. Шайхоби рахшон. – Душанбе: «Дониш», 2010. 267 с.
- 12.Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. Ҳаёти шахсӣ. 1951-2011. Д., 2011. -213 с.

САҲМИ АКАДЕМИК П. Б. БОБОЧОНОВ ДАР ЭҶЁ ВА РУШДИ ИЛМИ СИТОРАШИНОСИИ ТОҶИК

Академики маъруф Пулод Бобочонов барои рушди илми астрономия шуруъ аз даврони Шӯравӣ то ба имрӯз хизматҳои басо сазовор кардаасту бо таҳқиқу таълифи асарҳои оламшумули ҳеш саҳми намоён гузоштааст.

Дар мақолаи мазкур оид ба дастовардҳои илмӣ ва ҳаёту фаъолияти ибратомӯзи академик Пулод Бобочонов дар соҳаи нучум (астрономия) муфасссал маълумоти таърихӣ оварда шудааст.

Маълум мешавад, ки фаъолияти илмии академик П. Б. Бобочонов соли 1950 ба сифати аспирант, дар расадхонаи астрономии Сталинобод, имрӯза (Душанбе)-и Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон то соли 1951 ва баъдтар дар Пажӯҳишгоҳи давлатии астрономии ба номи П. К. Штернберги Донишгоҳи давлатии Маскав ба номи М. В. Ломоносов оғоз гардидааст.

Перомунӣ самти кори таҳқиқотии П.Б. Бобочонов, ки соҳаи омӯзиши ҷисмҳои хурди системаи Офтоб маҳсуб меёбад, маълумот оварда шудаанд. Таҳқиқоти илмӣ ӯ дар нашрияҳои бонуфузи марказҳои пешбари илмӣ ИҶШС, давлатҳои аъзои ИДМ ва кишварҳои хориҷӣ нашр гардидаанд. Ба омӯзиши тақсими моддаҳои метеорӣ дар фазои байнисайёраҳо ва зичии селҳои ҷисмҳои метеории ба Замин афтанда, табиати физикии ҳодисаҳои метеорӣ, ҳосиятҳои физикии қабатҳои болоии атмосфераи Замин, коркарди усулҳои навӣ таҳқиқ намудани метеороҳ, таҳаввули селҳои метеоридӣ ва алоқамандии онҳо бо кометаҳо ва астероидҳо, коркард ва татбиқи усулҳои нави омӯзиши ҳодисаҳои метеорӣ ва ғайра ба таври саҳеҳ шарҳ дода шудаанд. Қайд карда шудааст, ки ҳамзамон академик П. Б. Бобочонов барои рушди илми астрономия, ҷалб ва роҳнамоӣ намудани хатмкардагони муассисаҳои олии касбӣ ба таҳқиқоти илмӣ, таъсиси марказҳои илмӣ ва роҳнамоии дигарҳо корҳои бузургеро анҷом додааст.

Калидвожаҳо: нучум, ситорашиносӣ, Пулод Бобочонов, таҳқиқот, пажӯҳиш, илм, марказҳои илмӣ - тадқиқотӣ, комета, метеорид, астероид, атмосфера, ситораҳо, ҳарорат, равшаннокӣ, сайёраҳои хурд, расадхонаҳо, мушоҳида.

АКАДЕМИК П. Б. БАБАДЖАНОВ И ЕГО ВКЛАД В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АСТРОНОМИИ В ТАДЖИКИСТАН

Академик Пулод Бабаджанович Бабаджанов – один из известных деятелей таджикского народа, внес большой вклад в астрономическую науку с советских времен по настоящее а также сыграл значительную роль в развитие мировой науки своими исследованиями и всеобъемлющими произведениями.

В данной статье о жизни, деятельности и научных достижениях академика П. Б. Бабаджанова приводятся исторические данные в области астрономии жизни и творчестве видного деятеля таджикской науки и культуры, краткий отчет о его деятельности в области астрономии. Научная деятельность П. Б. Бабаджанова началась в 1950 году в аспирантуре Сталинабадской астрономической обсерватории Академии наук Таджики ССР, где он обучался до 1951 года, а затем он начал работу в Государственном астрономическом институте им. К. Штерн-Берга Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

По направлению научно-исследовательских работ П. Бабаджанов специализировался на изучении малых тел Солнечной системы. Его исследования опубликованы в изданиях ведущих научных центров СССР, стран СНГ и дальнего зарубежья. Изучение распределения метеоритов в пространстве между планетами и плотности метеорных дождей, физической природы метеорных явлений, физических свойств атмосферы Земли, разработка методов изучения типов метеоров, эволюции метеоритов и метеорных ливней, ясно объяснено применение новых методов изучения метеорных явлений и т. д. Отмечается, что в то же время П. Б. Бабаджанов много сделал для развития астрономии, для привлечения и направления выпускников высших учебных заведений к научным исследованиям, для создания исследовательских центров и для руководства другими заданиями.

Ключевые слова: астрономия, наблюдение, П. Бабаджанов, исследования, наука, исследовательские центры, кометы, метеориты, астероиды, атмосфера, температура, светимость, обсерватория.

ACADEMIC P. B. BOBODZHONOV AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF TAJIKISTAN ASTRONOMY

Academician Pulod Bobodzhonovich Bobodzhonov, one of the famous figures of the Tajik people, has made a great contribution to astronomical science from Soviet times to the present, and also played a significant role in the development of world science with his research and writes his comprehensive works.

In this article on the life, activities and scientific achievements of academician P. B. Bobodzhonov gives historical data in the field of astronomy. The life and work of this great personality, a prominent figure in Tajik science and culture, a short report on his activities in the field of astronomy. It turns out that the scientific activity of P. B. Bobodzhonov worked as a graduate student in 1950 at the Stalinabad Astronomical Observatory of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan until 1951, and then at the State Astronomical Institute named after K. Stern-Berg Moscow State University named after M.V. Lomonosov began.

Also in the field of research, P. Bobodzhonov, specializing in the study of small bodies of the solar system. His research has been published in leading publications of leading scientific centers of the USSR, CIS countries and far abroad. Studying the distribution of meteorites in space between planets and the density of meteor rains, the physical nature of meteor phenomena, the physical properties of the Earth's atmosphere, developing methods for studying meteor types, the evolution of meteorites and meteor showers. the application of new methods for studying meteor events, etc., is clearly explained. It is noted that at the same time P. B. Bobodzhonov did a lot for the development of astronomy, to attract and direct graduates of higher educational institutions to scientific research, to create research centers and to lead others.

Key words: *astronomy, Babajanov P., research, science, research centers, comets, meteoroids, asteroids, atmosphere, temperature, observation, leit.*

Сведения об авторе: Рахматова Рахӣёнгул Бадаргаевна - Кулябский государственный университет имени А. Рудаки, соискатель кафедры «Теоретический и общей физики». Адрес: Республика Таджикистан, г. Куляб. Телефон: (+992) 988-84-86-98.

Information about the author: Rakhmatova Rakhiyongul Badargaevna - Kulyab State University named after A. Rudaki, applicant for the Department of Theoretical and general Physics. Address: Republic of Tajikistan, Kulyab. Phone: (+992) 988-84-86-98.

УДК - 902.7.(575.3)

ЭТНОКУЛЬТУРА ТАДЖИКОВ ВЕРХОВИЙ ЗАРАФШАНА В ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ДОКУМЕНТАХ ОТРЯДОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ М. Р. РАХИМОВА

Лариса ДОДХУДОЕВА,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

В 1948 г. сотрудники кабинета этнографии, а с 1951 г. сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана приступили к разработке фундаментальной темы «Сплошное этнографическое обследование Таджикистана», материалы которой должны были стать основой подробной этнографической карты и историко-этнографического атласа. В 1948-49 гг. решением этой проблемы была занята экспедиция в Кулябскую область под руководством А. К. Писарчик. Затем подобные изыскания осуществлялись в 1952-1957 гг. в Каратегине и Дарвазе, а в 1958-1966 г. - в Зарафшане (Матчинском, Айнинском и Пенджикентском районах) [7, 29].

Этнографические экспедиции в Зарафшан были организованы в 1958-1964 гг., 1967-1976 гг., 1971-1977 гг., 1979-1985 гг. еще и в связи с происходившим здесь процессом переселения жителей. [7, 110] Они обследовали почти все кишлаки Верховьев Зарафшана (кроме Ягноба). Этнографы собрали ценнейшие материалы по материальной и духовной культуре, истории, географии, топонимике, (земледелию, животноводству, садоводству, шелководству, кустарным промыслам и ремеслам, жилищу, одежде, пище, семейному быту, народной медицине, календарю, народным и религиозным праздникам и т.д. Полевые материалы нашли отражение в трудах М. Р. Рахимова, А. С. Давыдова, З. А. Широковой, М. А. Хамиджановой, О. М. Муродова и других [7, 117-119, 124-125, 132, 135, 149-150, 159-162, 164].

Руководителем зарафшанских отрядов в 1958, 1960, 1961 гг. был Махмаднаим Рахимович Рахимов (1922-1985). Он являлся профессиональным этнографом, который к концу 50-х гг. XX в. уже обрел достаточный опыт полевых исследований, участвуя в 1949 г. в Кулябской этнографической экспедиции, а в 1952-1954 гг. - в поездках в Каратегин и Дарваз. [8, 95-98] В 1955 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период» (руководители М. С. Андреев, А. К. Писарчик, Н. А. Кисляков) [8].

С. А. Давыдов и Р. М. Рахимов с информантом в село Шурмашк. 1960 г. № 57-205.

В собрании этнографического архива Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (ИИАЭ НАНТ) сохранились документы трех этнографических отрядов, которыми руководил М. Р. Рахимов. В первую поездку исследователи посетили деха Сангистон, Пакшиф, Рогиф, Тобуш, Мадрушкат, Ярм и Пастигав, Зосун, Рарз, Ревомутк, Рог, Палдорак, Худгифи боло. Вместе с текстовыми документами экспедиции 1958 г. сохранилась фотоколлекция № 39 (265 снимков из первоначальных 325), авторами которых были З. А. Широкова и частично М. А. Хамиджанова.

Документы данной экспедиции составляют машинописные переплетенные тексты дневников и отдельные тетради и блокноты, которые были заполнены участниками отряда во время полевых исследований на таджикском и русском языках [3]. Среди них имеются документы М. Рахимова, А. С. Давыдова, М. А. Хамиджановой, Дадабаевой З. А. Широковой, А. А. Буриева, А. Ганиева, а также отдельные отчеты начальника отряда М. Рахимова, С. Дадабаевой, А. Давыдова, З. А. Широковой.

Во время второй экспедиции под руководством М. Р. Рахимова в 1960 г. члены отряда провели полевые исследования в деха Анзоб, Такфон, Ремон, Шурмашк, Пормин, Джиджик, Саратог, Нарват, Хайронбед, Канте, Пиньён, Урметан, Пасруд, Маргузор, Дар-дар, Зеробод, Зиндакон, Габирут, Махшеват. Фотографом экспедиции была Л.И. Соловьева, иногда ей помогал при съемке М.Р. Рахимов. Их снимки вошли в фотоколлекцию № 57, которая состоит из 479 отпечатков.

В архиве сохранились также машинописные переплетенные тексты дневников и отдельные тетради и блокноты, которые были заполнены участниками отряда во время полевых исследований: М. Рахимова, Р. Кадырова, Г. И. Ишанкулова, А. С. Давыдова, З. А. Широковой, С. А. Давыдов, информант, М. Р. Рахимов в деха Шурмашк. Мардоновой, А. Каримовой, а также отчеты начальника отряда М. Рахимова, членов экспедиции Г. Ишанкулова, Р. Кадырова, З. А. Широковой [4].

Последняя поездка в Верховья Зарафшана, которой руководил М. Р. Рахимов, состоялась в 1961 г. Ее сотрудники вели полевые работы в деха Сартак, Панджруд, Мазори Шариф, Ёри, Никнат, Зимтут. З. А. Широкова, Л. И. Соловьева, А. С. Давыдов подготовили фотоколлекцию № 58(319 снимков).

Среди архивных документов полевых работ имеются машинописные переплетенные тексты дневников и отдельные тетради и блокноты, которые были заполнены участниками отряда во время полевых исследований: М. Рахимова, Р. Ш. Кадырова, Г. И. Ишанкулова, А. Каримова, А. С. Давыдова (вместе с машиноп. текст о Ленинабаде.), З. А. Широковой, А. Мардоновой, А. Каримовой [5].

Как свидетельствуют материалы экспедиций, отряды этнографов в 1958, 1960-61 гг. сумели охватить своими исследованиями достаточно широкую территорию Верхнего Зарафшана, большая часть селений которого еще не была изучена до их приезда. В целом эти архивные документы позволяют изучить хозяйство, формирование народного жилища, институт семьи, ее быт и культуру, традиционные ремесла и промыслы, ритуалы, обычаи, социализацию населения и многое другое. В процессе полевых работ осуществлялась практика этнографического коллекционирования и приобретались изделия ремесленников, предметов быта и культуры для отдела этнографии (в будущем этнографического музея им. М. С. Андреева Национальной академии наук Таджикистана).

Часть этих текстовых архивных материалов была введена самим М.Р. Рахимовым в научный оборот в статье «Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг.» [9]. Изданная в 1963 г., она была посвящена результатам полевых изысканий. По сути, она являлась первой и своего рода единственной тогда публикацией по региону, основанной на данном материале, до выхода в свет известной коллективной фундаментальной работы «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана» 1973 г. (авторы А. С. Давыдов, М. А. Хамиджанова и З. А. Широкова) [6].

Следует отметить, что в предисловии к данной монографии указано, что информация по жилищу, одежде были собраны во время полевых изысканий 1958-1966г. а в последующем использованы в диссертациях их участников: М. А. Хамиджановой в 1965 г., З. А. Широковой в 1971 г., А. С. Давыдовым в 1979 г.

Несмотря на ее небольшой объем статьи М. Р. Рахимова, в ней достаточно полно отражен материал данного региона. Будучи знатоком земледелия таджиков им отмечены главные различия сроков начала первой запашки *джуфтбаророн*, *дастбахор* в предверии праздника Навруз. Так, в деха Вору, Гуйтан, Зимтут и некоторых других горных селениях Зарафшана к ней приступали 15-го числа месяца *хут*, т.е. в начале марта, в отличие от других регионов, где полевые работы, как правило, начинались 22 марта [9, 54].

Маслобойка - обджувоз. Село Ёри.1961 г. № 58/ 249.

Большой интерес для исследователей представляет обширный визуальный материал экспедиций 1958, 1960-61 гг. под руководством М. Р. Рахимова. Он сохранен в фотоколлекциях №№39, 57 и 58 (всего 1063 фотографии). В них представлены различные образцы культовых и жилых строений Верхнего Зарафшана: мечети в деха Сангистон, Ревомутк, в деха Зеробод (№ 57-250-252), в деха Дардар (№ 57-273,275,276), в кварталах Маслукой и Лангар деха Урметан (№ 57-453, 463,464), а также мазары Хазрати Довуд в деха Рог (№ 39), на окраине Анзоба (№ 57-20,25,27, 29,30), Биби Робии в деха Дар-Дар (№3 57- 356).

Как известно, дымоход *мурй* занимает особое место в жилых помещениях Верхнего Зарафшана и имеет совершенно различные формы в разных его регионах. Экспедициями были зафиксированы такие дымоходы в виде трубы в деха Анзоб (№ 57-17), квадрата с трубой в деха Джиджик (№ 57-96, 103, 116), квадрата с несколькими треугольными отверстиями в деха Шурмашк (№ 57-191, 202, 204, 300, 301) и другими очертаниями в деха Сангистон (№ 39-23) и Мадрушкат (№ 39-245).

Впечатляют другие снимки, которые представляют огромную деревянную водяную маслобойку *обчувоз* в деа Ёри (№58-249, 251) с колодами *кунди чувоз*, пестом *дукорпо*, прессом и приводным механизмом. Следует отметить, что водяные маслобойки были редкостью не только в Северном Таджикистане, но и во всей Центральной Азии в конце XIX-начале XX в. [1, 24].

Особое место занимают в коллекции снимки очагов *оштонов* и печей для выпечки лепешек *тануров* в жилых домах деа Зиндакон, верхняя часть которых имеет рисунок стрельчатой арки (№ 57-323) и другие формы в деа Дар-Дар (№ 57-338), деа Джиджик (№ 57-116).

Школа резьбы по дереву Верхнего Зарафшана славилась всегда. Ее богатые традиции сохранились и во второй половине XX века. Среди них дверь мечети в деа Парз (№39-92), прекрасные колонны мечети в деа Негнат (№58-85), архитрав мехмонхоны в деа Худшери Боло (№ 30-251), айван дома в деа Пастигав (№ 39-330), панджара в деа Рогиф (№39-342), потолок с балками и вассой, оформленные геометрическими выборками (№39-82) в деа Колхозчиён и другие.

Помимо указанных выше многочисленных образцов колонн, дверей, панджара, в фотоколлекциях также много изображений изделий утилитарного назначения: светильник в мазаре на окраине деа Анзоб, который напоминает базу колонны (№57-25), блюдо *табақ* для замешивания теста, детская игрушка *гахвора* из деа Джиджик (№57-114, 183,184), детский автомобиль из дерева деа Пакшиф (№39-279).

Значительная часть фотографий представляет орнаментальную или же сюжетную роспись *накшу нигор* в культовых и жилых строениях, в арсенале которой сохранились, как традиционные мотивы, так и новая тематика. Как правило, в мазарах и мечетях васса всегда была расписана, тогда как балки чаще украшались резьбой. Расписывали как культовые, так и жилые помещения [2, 143-146]. Так, в деа Палдорак в то время еще сохранилась роспись потолка мечети *гулдор* (№ 39-226), роспись балок – в мазаре на окраине Анзоба (№ 57-27а). Мечеть в махалле Лангар деа Урметан была украшена растительными узорами, выдержками из Корана (арабский шрифт) и письменами на кириллице. В деа деа Дар-Дар. (№ 57-219, 220, 338, 340). Худгиф, Хидишахри боло (№39-245, 251, 253, 257, 258), в деа Махшеват (№ 57-436, 438, 439). на стенах айвана и в интерьерах домов представлены пышные кусты роз, сирени, различных полевых цветов куст, орден Победы и стих на арабском шрифте (№39-244). В жилых помещениях расписывались не только стены, но и шкафы-стенки *сандука*. Так, в жилом доме в деа Дар-Дар такой стеной шкаф оформлен достаточно пышно. (№ 57-217,218). [1, 143-146].

Члены этнографических отрядов особое внимание уделяли местным ремесленникам, которых часто фотографировали. В коллекции представлен плотник Эсон Шарипов из деа Парз, который выделяет балки для здания школы (№39-87), женщина за прядением шерстяной пряжи с веретеном *урчуком*, *чаллаком* (№39-101), вязальщица из деа Рог за изготовлением носков *чирабов* (№39-216), сапожник за работой в деа Зеробод (№57-245) и кузнец в деа Махшеват, который делает только подковы (№57-432), ткачиха из деа Зиндакон (№57-348) и др. Особый интерес представляет фото жителя деа Урметан. Опираясь двумя руками на палки, он ногами прессует шерсть кошму. (№ 57-375).

Валяние кошмы. Деха Урметан, 1960 г. № 57/375

Членами экспедиции был зафиксирован и процесс изготовления глины для очага мастерицей из деха Ёри (№58-242).

Ткачество, как известно, занимало важное место в женских ремеслах. Среди снимков можно найти большой тканый шерстяной мешок, украшенный полосами из деха Ёри (№58-164), палас, вытканый в деха Панджруд (№58-44). Среди тканых паласов отмечены полосатые гилемы в деха Зиндакон (№ 57-347,376), кошма из деха Урметан (№57-167).

В высокогорных селениях Зарафшана были распространены вышивка *гулдузи* и лоскутное шитье *гулбури* (*курок*). Среди фотографий коллекций немало вышитых изделий: несколько *руйджо* с узором пышного цветка-куста, который называют *гули шоҳон* или *гули шоҳ* из деха Ёри (№58-169а, б, 189а, б), с узором *гули лола*, *абай сангдон*, *кунгура* (№58-172). В одном из *руйчо* цветущий куст *гули шоҳон* украшает основное поле изделия, бордюр - большие розетки с *гули кўкнор*.

Молитвенные коврики *чойнамоэӣ* из деха Ёри интересны тем, что некоторые из них имеют узор следа лошади *наъли асп* (№58-180, 207), который часто встречается и в Худжанде, розетки с изображением цветов *лолача* (№58-183). Весьма характерны для вышивки Пенджикента и *чойнамоэӣ* для двоих молящихся *кушчойнамоз*. (№58-233,236), одни из них имеют узор *лаби бом* или *бош* (№58-233), другие – мотив *гули шоҳ* (№58-236), традиционна была композиция покрывал на колыбель *гаҳворапӯш*, о чем свидетельствует изделие из Пенджикента, имеющее название *гаранг* с узором *ироки* (№58-206,235). В фотоколлекциях достаточно много примеров вышивки женских платков и мужских *камарбандов*.

Лексикон местных мастериц был чрезвычайно богат и включал в себя разнообразные названия элементов орнамента. Как свидетельствуют материалы фотоколлекции №58, орнамент *мўрчадўзӣ* был очень распространен в Верховьях Зарафшана. Другой элемент *гули кармак лаби чўй* встречается на *камарбандах* деха Ёри, в которых вышита водная гладь в виде узких полос, а *гули кармак* представлен как извивающийся мотив s-образной формы (№58-186,187). Другой женский платок из этого же селения имеет узор колокола *нуска зангири* (№ 58-185).

Большое количество приведенных в коллекции образцов *гулбури* позволяет сделать вывод, что лоскутное шитье было ведущим видом женского ремесла. В коллекциях представлены различные названия техники *гулбури* в разных селениях: *чини куроқ* (№58-160).

Кӯшҷойнамоз с узором лаби бом, г. Пенджикент. 1961 г. №58/233. Справа З. А. Широкова. Курок (№58-160,161), ойна-курок, гулпарто, қазок (№58-163), тӯракурок (№58-162).

Широко были распространены лоскутные покрывала *кӯрпапӯш*, которые служили для покрытия спальных принадлежностей в нишах *ток*, как деха Зимтут (№58-10,315) и деха Панҷрӯд (№ 58-50,51,87). Причем в композиции могут чередоваться как полосы, так и квадраты, поставленные на угол (№58-10,315). Выполнялись в технике *гулбурӣ* и наволочки *болинпӯшӣ*, одна из которых из деха Панджруд была выполнена из лоскутных квадратов, украшенных равноконечными крестами внутри (№58-50).

В целом надо отметить, что архивные документы, подготовленные сотрудниками отрядов под руководством М. Р. Рахимова - малоизученное, но весьма богатое и разнообразное научное наследие по этнокультуре таджиков Верховьев Зарафшана. Его изучение и ввод в научный оборот обширного текстового материала и фоторесурсов необходимо продолжить.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Джураев М. С. Развитие мукомольного и маслодельного производства северных районов Таджикистана в конце XIX-начале XX веков. Автореф. канд. дис. -Душанбе, 2016.
- 2.Додхудоева Л. Живописный дизайн сельской архитектуры Верховьев Зарафшана XX в. (по материалам этнографического архива) //Муаррих, №1(29) 2022, С.143-146.
- 3.ИИАЭН НАНТ Этнографический архив. Полная опись дел сектора этнографии.1948-1963 гг. Зеравшанская экспедиция 1958 г. С. 24-25.
- 4.ИИАЭН НАНТ Этнографический архив. Полная опись дел сектора этнографии. 1948-1963 гг. Зеравшанская экспедиция 1960 г., с. 28.
- 5.ИИАЭН НАНТ Этнографический архив. Полная опись дел сектора этнографии. 1948-1963 гг. Зеравшанская экспедиция 1961 г. С. 29.
- 6.Материальная культура таджиков Верховьев Зеравшана/Ред. А. К. Писарчик, Н. Н. Ершов. - Душанбе, 1973.
- 7.Писарчик А. К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.). Подготовка текста к печати Н. Бабаева - Душанбе: ООИПЦ ОГРТ. 2002. -172 с.
- 8.Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период. Автореф. дисс//КСИЭ, 1955. Вып. 24. С. 75-85.
- 9.Рахимов М. Р. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг//Известия АН Тадж. ССР. Отд. Общ. наук. -№1(32). -Душанбе, 1963. С. 53-58.

ЭТНОКУЛЬТУРА ТАДЖИКОВ ВЕРХОВИЙ ЗАРАФШАНА В ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ДОКУМЕНТАХ ОТРЯДОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ М. Р. РАХИМОВА

Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана этнографические экспедиции в Зарафшан были организованы с целью выполнения фундаментальной темы «Сплошное этнографическое обследование Таджикистана, а также в связи 1958 - связи с происходившим

здесь процессом переселения жителей из горных районов. Известный таджикский этнограф М. Р. Рахимов руководил отрядами в 1958, 1960, 1961 гг., материалы и фототека которых сейчас находится в этнографическом архиве Национальной академии наук.

Экспедиции обследовали почти все кишлаки Верховьев Зарафшана (кроме Ягноба) и собрали ценнейшие материалы по материальной и духовной культуре, истории, географии, топонимике, (земледелию, животноводству, садоводству, шелководству, кустарным промыслам и ремеслам, жилищу, одежде, пище, семейному быту, народной медицине, календарю, народным и религиозным праздникам и т. д. Полевые материалы нашли отражение в трудах в трудах сотрудников экспедиций. Однако большая часть текстовых и фотоматериалов (1063 снимка) этнографических экспедиций под руководством М.Р. Рахимова остается до настоящего времени малоизвестной исследователям.

Ключевые слова: *Верховья Зарафшана, этнокультура, экспедиция, земледелие, ремесла, медицина, семья, быт, праздники.*

ЭТНОФАРХАНГИ ТОЧИКОНИ БОЛООБИ ЗАРАФШОН ДАР ХУЦАТҲОИ ЭКСПЕДИТСИОНӢ БО РОҲБАРИИ М. Р. РАҲИМОВ

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон бо мақсади иҷрои мавзуи фундаменталии «Таҳқиқоти доимии этнографии Тоҷикистон», инчунин ба муносибати соли 1958 аз ноҳияҳои кӯхистон кӯчондани сокинон ба заминҳои нав ба водии Зарафшонӣ собиқ ноҳияи Заҳматобод (ҳоло ноҳияи Айний) экспедитсияҳои мардумшиносӣ таъсис карда буд. Бо роҳбарии мардумшиносии шинохтаи тоҷик М. Р. Раҳимов солҳои 1958, 1960, 1961 маводи зиёди таҳқиқоти экспедитсионӣ чамъ оварда шуд, ки фотокитобхонаи онҳо ҳоло дар бойгонии Осорхонаи этнографии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ маҳфузанд.

Дар ҳамаи деҳаҳои болооби Зарафшонӣ (ба ғайр аз водии Ягноб) таҳқиқот гузаронида, оид ба фарҳанги моддию маънавӣ, таърих, ҷуғрофия, топонимика, (кишоварзӣ, қорводорӣ, боғу тоқпарварӣ, кирмақпарварӣ, ҳунармандӣ ва тарзҳои сохтани манзил, пӯшидани сару либос, ҳуҷроворӣ, рӯзгори оилавӣ, тибби халқӣ, тақвим, ҷашну маросимҳо ва инчунин идҳои мардумӣ ва динӣ) маводи ҷолиби таваҷҷуҳ чамъ оварда шуд. Маводи саҳроии чамъовардашуда дар эҷодиёти ходимони илмӣ экспедитсия бештар инъикос ёфтааст. Аммо аксари маводи экспедитсионӣ навишташуда ва фотография (1063 сурат), ки бо роҳбарии М. Раҳимов чамъ оварда шудааст, этнографияи мебошанд ва то ба ҳол барои таҳқиқотчиён пурра маълум нест.

Калидвожаҳо: *Зарафшон, этнофарҳанг, экспедитсия, кишоварзӣ, ҳунармандӣ, тиб, оила, зиндагӣ, идҳо.*

ETHNOCULTURE OF THE TAJIKS OF THE UPPER ZARAFSHAN IN THE EXPEDITIONAL DOCUMENTS OF THE TEAMS LED BY M. R. RAKHIMOV

Ethnographic expeditions to the Upper Zarafshan were organized by A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography. of the Tajikistan National Academy of Sciences according to the fundamental theme "Continuous ethnographic survey of Tajikistan", as well as in connection with the process of resettlement of residents from mountainous areas that took place here. The famous Tajik ethnographer M. R. Rakhimov led the ethnographic teams in 1958, 1960, 1961. The materials and photo resources of which are now in the ethnographic archive of the Tajikistan National Academy of Sciences.

The expeditions explored almost all the villages of the Upper Zarafshan (except for Yaghnob) and collected the most valuable materials on material and spiritual culture, history, geography, toponymy, agriculture, animal husbandry, horticulture, sericulture, handicrafts and trades, housing, clothing, food, family life, folk medicine, calendar, folk and religious holidays, etc. Field materials are reflected in the publications of the teams members. However, most of the textual and photographic materials (1063 images) of the ethnographic expeditions led by M. R. Rakhimov remains little known to researchers until now.

Key words: *Zarafshan, ethnoculture, expedition, agriculture, crafts, medicine, family, life, holidays.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Додхудоева Лариса - мудири шуъбаи мардумшиносӣ ва антропологияи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи илмҳои Тоҷикистон. Телефон: (+992) 918-61-95-84. Эл. почта lorasdodo@rambler.ru

Information about the author: *Dodkhudoeva Larisa* - Head of Ethnological and Anthropological department, A. Donish Institute of history, archaeology, ethnography, Tajikistan National Academy of sciences. Tel.: (+992) 918-61-95-84. E-mail- lorasdodo @rambler. Ru

М. Р. РАХИМОВ И М. А. ХАМИДЖАНОВА - ЗНАТОКИ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ

**ЮСУФБЕКОВА З., ШОВАЛИЕВА М.,
Институт истории, археологии и этнографии им А. Дониша**

Известно, что до 60-х годов XX в. этнографическим изучением Таджикистана в основном занимались русские учёные-этнографы, такие как И. И. Зарубин, М. С. Андреев, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, О. А. Сухарева, А. К. Писарчик и т. д. В 70-е годы меняется само отношение к этнографическим исследованиям, потому что изучение этнографии таджиков в рассматриваемый период становится одной из наиболее актуальных проблем отечественной исторической науки. В этот период под руководством русских учёных старшего поколения в этнографической науке становится весомым вклад таджикской научной молодёжи, которые точнее и полнее фиксируют жизнь, быт, обычаи, обряды и верования своего народа. Одними из таких учёных, в будущем знатоками таджикской этнографии, являлись М. Р. Рахимов – ученик известного этнографа, доктора исторических наук Н. А. Кислякова и М. А. Хамиджанова- ученица доктора исторических наук, известного этнографа Е. М. Пещеревой.

Рахимов Махманаим Рахимович родился 15 апреля 1922 года в селении Сафедорон Калаихумбского района Республики Таджикистан (в то время Таджикской ССР). После окончания школы в 1938 году начал работать учителем в кишлаке Сагырдаште - Калаихумби Боло. В декабре 1941 года был призван в ряды Красной Армии, участвовал в боях под Сталинградом, был тяжело ранен и после лечения в марте 1943 года был демобилизован. С апреля 1943 года преподавал русский язык в средней школе в к. Сафедорон. В 1947 году окончил Душанбинский педагогический институт им. Т. Г. Шевченко по специальности таджикская филология. Ближайшими его учителями в этом Институте были Носирджон Маъсуми и Боки Рахимзода.

В 1948 году он поступает в аспирантуру ТФАН СССР, где его научными руководителями были сначала М. С. Андреев, а после его смерти, с ноября 1948 года А. К. Писарчик, позднее Н. А. Кисляков. 16 июня 1951 г., после организации сектора этнографии Академии наук Таджикистана, М. Р. Рахимов был принят на работу в качестве научного сотрудника, наряду с Б. Х. Кармышевой, Н. Х. Нурджановым, Н. Н. Ершовым и З. А. Широковой. С 1951 г. он работал сначала младшим научным сотрудником сектора этнографии Института истории Академии наук Таджикской ССР, с 1955 года – старшим научным сотрудником данного отдела.

Сразу же по поступлению на работу в сектор этнографии Института истории Академии наук Таджикистана, М. Р. Рахимов активно начал участвовать во всех экспедициях, организованных данным Институтом для изучения различных аспектов и отраслей этнографической науки таджиков. М. Р. Рахимов был участником этнографических экспедиций: 1948-1949 гг. в Кулябскую область, 1952-1954 гг. - в Каратегин и Дарваз, 1958, 1960, 1961 гг. - в Верховья Зеравшана, 1968-1971 гг. - в Вахдат (Орджоникидзеобадский район).

Во время экспедиций он хорошо освоил методику сбора полевого этнографического материала. Собранный этнографический материал 1948-50-х гг. в Карате-

гине и Дарвазе впоследствии лёг в основу его кандидатской диссертации, которую он защитил в 1954 году. Н. А. Кисляков, научный руководитель данной диссертации, внимательно прочитав и проанализировав 370 печатных страниц этой работы, высоко оценил труд М. Р. Рахимова и написал положительную рецензию [1].

В дальнейшем на основе материалов диссертационной работы, была опубликована книга под названием «Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период», которая была посвящена исследованию основного занятия таджиков с древнейших времен - земледелия населения в прошлом глухих и труднодоступных районов горного Таджикистана, а именно района бассейна р. Хингоу [3,4]. Автор полагал, что такой выбор может обеспечить более полный и глубокий охват материала, достаточно характерного для земледелия таджиков всех южных и юго-восточных горных районов республики. В данной работе особый интерес представляет глава 5 «Земледельческие обычаи и обряды», где М. Р. Рахимов описывает различные процессы в земледелии, разнообразные сохранившиеся пережитки в них, обычаи и обряды, связанные с земледелием, которые непосредственно были взаимосвязаны с беспомощностью человека перед силами природы и окружающей среды. Тем не менее, как отмечает учёный, горные таджики обладали старинными навыками обработки земледельческого труда, имели богатый опыт своих предков по практической работе в этой области, которые впоследствии помогли им выработать новые методы обработки земли, и в то же время, использование в земледелии опыта предков помогло им выжить в трудных горных условиях.

По определению М. Р. Рахимова, «многие описанные здесь обычаи и обряды имеют древний, явно домусульманский характер, свидетельствующий об их самобытности, сохранившейся в течение многих минувших веков» [4]. Интерпретируя существование многих обычаев и обрядов, учёный предполагает, что этому способствовали бессилие населения перед явлениями природы и отсутствие у горных земледельцев достаточного запаса точных знаний, знаний о причинной связи явлений, и о законах природы, которые способствовали возникновению и устойчивому бытованию до революции ряда суеверий, например, веры в добрых и злых духов, оказывающих влияние на всю жизнь человека, в том числе и на его хозяйственную деятельность. Следствием этого явился ряд обрядов, соблюдавшихся при выполнении почти каждого трудового процесса и имеющих целью либо умиротворить духов и этим способствовать получению обильного урожая в трудных природных условиях горной страны, либо добиться желаемых результатов магическими средствами воздействия. В лучшем случае эти обряды не приносили никакой пользы, нередко же их соблюдение наносило прямой вред хозяйственной деятельности земледельца.

Следует оговорить, что сплошное этнографическое обследование Гармской области (Каратегина и Дарваза) было связано с массовым плановым переселением горных таджиков на равнины, на земли нового орошения в хлопкосеющие районы. В результате этого население Дарваза, и особенно Каратегина, в эти годы находилось в постоянном движении. Каждый год все новые и новые кишлаки переселялись вниз. Это диктовало этнографам необходимость срочного сбора материалов, поскольку Каратегин и Дарваз с прилегающими горными районами являлись одними из основных массивов компактного расселения таджиков в республике. Таким образом, сбор материала, включая выезды для проверки и допол-

нения собранного, продолжался здесь в течении 6 лет, до 1957 г. включительно. Результатом этих экспедиций были разделы, написанные М. Р. Рахимовым для первого выпуска книги «Таджики Каратегина и Дарваза» - «Сельское хозяйство» [5], и для третьего выпуска – «Рождение и воспитание ребенка» [6].

С 1963 года он работает зав.сектором научного атеизма Отдела философии АН Таджикской ССР, а с 1971 года – он доцент кафедры истории СССР Таджикского Государственного Университета им. В. И. Ленина (сейчас ТНУ). Вплоть до последних дней своей жизни он проработал в Таджикском Госуниверситете на кафедре древней и средневековой истории, подготовив многочисленные кадры историков и параллельно в отделе этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Республики Таджикистан. Время показывает, что М. Р. Рахимов являлся хорошим универсальным специалистом во всех областях этнографической науки: хозяйства, занятий, обычаев и обрядов, религиозных верований и представлений, а также семейной обрядности.

Другой, не менее известный таджикский этнограф, кандидат исторических наук Хамиджанова Мукаддама Ахмеджановна родилась 25 июля 1928 г. в г. Самарканде. В 1954 г. она окончила исторический факультет Таджикского Государственного университета им. В. И. Ленина. Её учителями в университете являлись Д. Е. Хайтун и Ю. А. Шибаева, затем А. К. Писарчик, Н. Н. Ершов и Е. М. Пещерева.

В 1954 г. поступила на работу в сектор этнографии Института истории АН Тадж. ССР. В 1966 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли» (Руководитель Е. М. Пещерева) [2;7; 8; 9:10; 11]. С 1971 г. по апрель 1985 года была заведующей отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР.

Она также была участником всех крупных этнографических экспедиций отдела этнографии по сплошному обследованию всех регионов Таджикистана: северной Таджикской экспедиции Института этнографии АН СССР и Института истории АН Тадж. ССР - в 1950 - 1951 гг.; Гармской этнографической экспедиции 1952 - 1957 гг. и в 1974 -1977 гг.; зоны затопления Нурекской ГЭС - 1963 -1964 гг.; верховьев Зеравшана - 1958 -1964 гг., 1967 -1976 гг. и 1979 -1985 гг.; места нового поселения ягнобцев и матчинцев - 1971 - 1977 гг. Во всех этих районах М. А. Хамиджанова собирала материал по всем отраслям этнографии, в том числе, материальной культуре (жилище, одежда, пища), сельскохозяйственным занятиям (Ягноб), по семейному быту и верованиям.

Следует отметить, что М. А. Хамиджанова принимала участие во многих международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, в частности, XXV конгрессе востоковедов в 1960 г. в Москве (без доклада); VII Международном конгрессе антропологов и этнографов в 1964 г. в Москве с докладом «Занятия и материальная культура горных таджиков - матчинцев, переселившихся на вновь орошаемые земли»; XII конгрессе исторических наук в 1970 г. в Москве (без доклада); Конференции по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX - XX вв. в Ашхабаде (26 сентября - 5 октября 1972 г.) с докладом «Прошлые и настоящее ягнобцев»; Индо - советском симпозиуме по традиционным Институтам в процессе модернизации общества в Индии (Уттараяна) в 1977 г. (заочно) и т. п. Также М. А. Хамиджанова принимала активное участие во многих всесоюз-

ных и республиканских отчетно - экспедиционных и других сессиях, конференциях.

Её биография похожа на биографию миллионов советских женщин. Ей было суждено быть одной из первых женщин местной национальности, выбравшей сложный и тернистый путь науки. Этнография рано стала привлекать ее внимание. Ее желание окрепло после сотрудничества с такими выдающимися учеными, как Е. Е. Пещерева, Б. Х. Кармышева и Н. Н. Ершов, под чьим руководством она приступила к научным изысканиям. Первоначально объектом исследования Мукаддам Ахмеджановны была проблема семьи, семейного быта и семейных отношений в Зеравшанской долине.

Затем она стала заниматься сбором и обработкой материалов по вопросам традиционного быта, материальной и духовной культуры других регионов Таджикистана [8;9]. Её монографии, статьи, заметки, сообщения являются уникальными. В них она объединила и подвергла научному анализу много разнообразного, интересного этнографического материала по Таджикистану, сумела сопоставить его с опубликованными данными других регионов Средней Азии.

Главная работа М. А. Хамиджановой «Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошённые земли» [8] являлась первой попыткой описания и этнографического изучения материальной культуры горцев-матчинцев Таджикистана, переселившихся на целинные земли Дальверзина, и влияния этого переселения на их быт и культуру.

В основу указанной работы легли этнографические материалы, собранные путём непосредственного наблюдения и полевых исследований, проведённых автором в 1958 г. (Старая Матча), 1960-1964 гг. (Новая Матча).

М. А. Хамиджанова отмечает, что «природные условия Старой Матчи как одного из высокогорных районов Таджикистана, мало благоприятствовали для развития земледелия, а местами и для скотоводства. Поэтому, руководством республики было принято решение переселить население самых высокогорных селений Матчи с гор на равнину, в частности, в Дальверзинскую степь. Далее автор подчёркивает, что это переселение произвело подлинную революцию в жизни горцев - матчинцев.

Автор указанной выше работы показывает, каким образом и в какой степени произошли изменения в материальной культуре, в том числе, в жилище, пище и одежде населения Матчи. Согласно материалам М. А. Хамиджановой в новых климатических условиях, на равнинных землях пришлось заново создавать жилища и все виды хозяйственных построек. Автор показывает характерную особенность жилища матчинцев после переселения, что являлось делением жилища на несколько комнат с чётко выраженными определенными функциями каждой из них, также с отделением кухни и хозяйственных построек от жилища с приусадебным участком. Указывая изменения в пище, М. А. Хамиджанова подчеркивает, что на новом месте сохранились в какой-то мере прежние виды пищи, одежды и обычаи и обряды, но в то же время и в этой сфере произошли огромные изменения. Например, еду стали готовить из мяса и жира с добавлением самых разнообразных продуктов, в частности из различных овощей, выращивать которые матчинцы научились только в Дальверзине. Появился также ряд новых блюд, готовить которые матчинцы научились у соседей.

Относительно изменений в одежде М. А. Хамиджанова отмечает, что с каждым годом все больше и больше входят в моду фасоны городской одежды, вытес-

няющие старые туникообразные покрои, которые сохранились только в одежде пожилых людей, изменившиеся также в лучшую сторону.

Интерпретируя произошедшие изменения автор подчёркивает, что переселение матчинцев на вновь орошаемые земли оправдало себя, так как за короткий срок произошел громадный сдвиг во всех сферах жизни и бытовой культуры этой группы горных таджиков.

Следует особо отметить, что М. А. Хамиджанова также участвовала в написании главы «Пища» в книге «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана», написанной сотрудниками отдела этнографии на основе материалов, собранных во время обследования 1958-1966 гг. в этой долине [9,138-181]. Глава «Пища» в этой книге полностью написана М. А. Хамиджановой на основе её собственных полевых материалов с привлечением литературных материалов, собранных её предшественниками в разные годы в этой долине, а также сопоставительного материала по другим регионам республики. Подытоживая своё исследование М. А. Хамиджанова отмечает, что в целом пища таджиков самых верхних зеравшанских селений сходна с пищей таджиков других горных районов республики, а нижних (Ёри, Пенджикент) - с пищей равнинных таджиков.

Автор отмечает, что большинство блюд зеравшанцев, как и у других горных таджиков, является наследием их предков – старых земледельцев и скотоводов. Таковы, например, все жидкие кушанья с приправами из дикорастущих трав, из овощей, а также с добавлением пахтанья. Сюда же можно добавить различные каши, большинство которых готовят из зерна (дроблённого, целого, жаренного), а в низовьях, где сеют рис, зерновые каши заменяются рисовыми.

Далее, подчёркивая значение хлеба, М. А. Хамиджанова отмечает, что главное место в питании таджиков Зеравшана занимает хлеб, в приготовлении которого сохранились такие примитивные способы, как выпечка в горячей золе (тайаловӣ), в котле (нони деғӣ), или на раскалённой каменной плите – нони тобағӣ.

Говоря о кушаньях из теста с мясом и луком, и с другими различными начинками (пельмени, пирожки), характерных для равнинных регионов, учёный отмечает, что в верховьях Зеравшана, кроме Пенджикента и его окрестностей и его боковых долин о подобных блюдах вообще не знали. В наши дни эти блюда стали проникать главным образом, в семьи интеллигенции, предпочтительно в верхних селениях, которые поддерживают тесные связи с городами. Интерпретируя пищу таджиков верховьев Зеравшана, М. А. Хамиджанова подчёркивает, что наряду с блюдами, заимствованными от своих соседей и от населения городов всё же в кухне зеравшанцев до настоящего времени сохранилось многое из старинной пищи. Только одни блюда продолжают часто готовить, а другие изредка – как ритуальные или же как диетические [9,180-181].

Мукаддам Ахмеджановна обладала великолепным административным талантом. Будучи заведующим отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша она смогла создать сплоченный творческий коллектив. Она являлась наставницей для современных этнографов Таджикистана в пору их юности и постоянно оказывала всестороннюю помощь молодым сотрудникам и была для них истинным наставником. Она считала важным процесс совершенствования знаний и каждый год отправляла молодых специалистов на стажировку, в аспирантуру в научные центры г. Москвы и Ленинграда. Когда М. Хамиджанова заведовала отделом этнографии, сотрудники работали весьма плодотворно.

творно. Ими была подготовлена и опубликована серия коллективных сборников и индивидуальных монографических исследований.

Кроме научной деятельности М. А. Хамиджанова занималась и педагогической работой. Она преподавала курс «Этнография народов мира» в Педагогическом институте им. К. Джуроева (ныне Педуниверситет им. С. Айни). Перед началом летних каникул она раздавала студентам вопросники по многим этнографическим темам, например, «Пища таджиков», «Рождение», «Свадьба» и т. д. В сентябре они должны были предоставить ей собранный полевой материал, который она сдавала в архив отдела этнографии. Данная информация, касающаяся всех регионов Таджикистана, оказала всем сотрудникам отдела определенную помощь при написании ими многих работ по указанным выше проблемам. Это был один из методов подготовки молодых этнографов Таджикистана, с помощью которого М. А. Хамиджанова стремилась привить любовь к науке.

В 1981 г. сотрудники отдела этнографии активно включились в работу по организации Музея этнографии, директором которого назначили М. Хамиджанову. Все сотрудники участие в реставрации экспонатов, их научном описании и систематизации. То есть следует отметить то, что она стояла у основ создания данного музея, приложив все усилия для того, чтобы восстановить Музей этнографии имени М. С. Андреева в таком виде, в каком он сейчас представлен. В настоящее время число экспонатов Музея этнографии составляет более 10.000 экспонатов, которые в своё время были собраны во время этнографических экспедиций М. С. Андреевым, А. К. Писарчик, Н. Н. Ершовым, З. А. Широковой, М. А. Хамиджановой, А. Мардоновой, Н. Бабаевой и другими этнографами.

Таким образом, этнографы М. А. Хамиджанова и М. Р. Рахимов являлись одними из первых этнографов –таджиков, внесших огромный вклад в изучение этнографической науки в Таджикистане. Они занимались как материальной, так и духовной культурой таджиков периода XX века, изучая также преобразования и изменения во всех сферах этнографической науки данного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив МАЭ РАН. Кунсткамера. СПб. Отзыв Н. А. Кислякова на работу М. Р. Рахимова. Ф. 29. Оп. 36.
2. Писарчик А. К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.). - Душанбе, 2003. 180 с.
3. Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна р.Хингоу в дореволюционный период. Автореф. дисс./КСИЭ, 1955. -Вып. 24. -С.75-85.
4. Таджики Каратегина и Дарваза, Вып 1, Сталинабад, 1966. -379 с.
5. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3, 1976. -239 с.
6. Хамиджанова М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Автореф. дисс. -Душанбе, 1965. 279 с.
7. Хамиджанова М. А. Изменения традиционно - бытового уклада жителей высокогорий Таджикистана после переселения в предгорья и на равнину//Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1989. - С.55-62.
8. Хамиджанова М. А. 80 лет//Ред. Л. Додхудоева. -Душанбе, 2008. -24 с.

М. Р. РАХИМОВ И М. А. ХАМИДЖАНОВА - ЗНАТОКИ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ

Известно, что до 60-х годов XX в. этнографическим изучением Таджикистана в основном занимались русские учёные-этнографы такие как И. И. Зарубин, М. С. Андреев, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, О. А. Сухарева, А. К. Писарчик и т. д. В 70-е годы меняется само отношение к этнографическим исследованиям, потому что изучение этнографии таджиков в рассматриваемый период становится одной из наиболее актуальных проблем отечественной исторической науки. В этот период под руководством русских учёных старшего поколения в этнографической науке становится

весомым вклад таджикской научной молодёжи, которые точнее и полнее фиксируют жизнь, быт, обычаи, обряды и верования своего народа. Одними из таких учёных, в будущем знатоками таджикской этнографии, являлись М. Р. Рахимов – ученик Н. А. Кислякова и М. А. Хамиджанова – ученица Е. М. Пешеревой.

Ключевые слова: *духовная культура, материальная культура, этнографическое изучение, актуальные исследования русские ученые, этнографы-таджики, обычаи и обряды.*

М. Р. РАХИМОВ ВА М. А. ҲОМИДҶОНОВА - ДОНИШМАНДОНИ ФАРҶАНГИ МАЪНАВӢ ВА МОДӢИ ТОҶИКОН

Маълум аст, ки то солҳои 60-уми асри XX ба омӯзиши этнографии мардуми Тоҷикистон асосан мардумшиносони рус И. И. Зарубин, М. С. Андреев, Н. А. Кисляков, Е. М. Пешерева, О. А. Сухарева, А. К. Писарчик ва дигарон машғул буданд. Дар солҳои 70-уми асри XX муносибат ба таҳқиқоти этнографӣ нисбатан тағйир ёфт, зеро омӯзиши этнографияи тоҷикон дар ин давра ба яке аз масоили муҳиммтарини илми таърихшиносии ватанӣ табдил гардид.

Дар ин давра бо роҳбарии олимони машҳури рус дар илми мардумшиносӣ саҳми ҷавонони болаёқати тоҷик назаррас гардид, ки ҳаёт, тарзи зиндагӣ, расму ойин, маросимҳо ва эътиқоди мардуми худро дурусттар ва пурратар инъикос менамоянд. Ба зумраи чунин олимони мутахассисони намоени илми мардумшиносӣ – М. Р. Раҳимов ва М. А. Ҳомидҷонова дохил мешуданд.

Калидвожаҳо: *фарҳанги маънавӣ, фарҳанги модӣ, этнографӣ, таҳқиқоти актуалӣ, олимони рус, этнографҳои тоҷик, расму ойинҳо.*

M. R. RAKHIMOV AND M. A. KHAMIDJANOVA - EXPERTS IN THE SPIRITUAL AND MATERIAL CULTURE OF THE TAJIKS

It is known that until the 60s of the XX century Ethnographic study of Tajikistan was mainly carried out by Russian ethnographers such as I.I. Zarubin, M.S. Andreev, N.A. Kislyakov, E.M. Pechereva, O.A. Sukhareva, A.K. Pisarchik, etc. In the 70s, the attitude to ethnographic research itself changed because the study of the ethnography of the Tajiks in the period under review became one of the most pressing problems of domestic historical science. During this period, under the guidance of Russian scientists of the older generation, the contribution of the Tajik young scientists became significant in ethnographic science, who more accurately and more fully record the life, way of life, customs, rites and beliefs of their people. Such well-known scientists, in the future good scientists in the field of Tajik ethnography, were M.R. Rakhimov - a student of N.A. Kislyakov and M. A. Khamidzhanova - a student of E. M. Pechereva.

Key words: *spiritual culture, material culture, ethnographic study, research, actual, Russian scientists, ethnographers-Tajiks, customs and rites.*

Маълумот дар бораи муаллифон: **Юсуфбекова Зинатмо** – номзоди илмҳои таърих, ходими пешбари илми Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Телефон: (3772) 221-37-42; (+992) 919037791; E-mail: Yusufbekova 50@mail.ru

Шовалиева Мумина Садыковна – номзоди илмҳои таърих, ходими пешбари илми Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон Телефон: (+3772) 221 37 42; (+992) 908 99 19 89; E-mail:mumina. 1957@mail.ru

Information about the authors: **Yusufbekova Zinatmo** - Ph.D. in Historical Sciences, Lead Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan,. Phone: 221 37 42; (+992) 919 03 77 91; E-mail:Yusufbekova50@mail.ru

Shovalieva Mumina Sadykovna - is a Ph.D. candidate in history and a leading researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: 221 37 42; (+992) 908 99 19 89; E-mail:mumina.1957@mail.ru

УДК 902.7(575.3)

ТИПЫ РУЧЕК КЕРАМИЧЕСКИХ ЛЕПНЫХ КОТЛОВ ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШОНА В V-VIII ВВ. Н. Э.

Пулотов А. Г.,
Национальный музей древностей Таджикистана

Согдийские археологические памятники, расположенные на территории верхней части Зарафшонской долины (Согдийская область, Республика Таджикистан), представляют собой города и села, в которых было обнаружено наибольшее количество керамических изделий, в том числе лепных. Материал, собранный по результатам недавних раскопок (с 1998 по 2021 год) на данных объектах, предоставил возможность изучить комплекс находок, в частности разновидности ручек лепных котлов из бытовых контекстов V – VIII вв. н. э. Типология ручек будет рассмотрена на основе материалов древнего Пенджикента с привлечением материалов из памятников верховья Зарафшона. По изучению лепной керамики, предназначенной для кухонного использования, особенно лепных котлов, их типологии и типологии ручек в должной степени разработана общепринятая методика в рамках классификации керамики Согда (по материалам городища древнего Пенджикента), которая отражается в основном в трудах И. Б. Бентович (1953, 1964), Б. И. Маршака (2012) и Н. Ф. Саввонида (1992). Однако за последние более двадцати лет было собрано значительное количество лепных керамических котлов, среди которых встречаются редкие типы ручек котлов, более внимательное изучение которых могло бы решить проблему общей типологии ручек котлов городов Согда в хронологических рамках V – VIII вв. н.э. в контексте материалов раннесредневековых памятников верховья Зарафшона. Поэтому в предлагаемой статье автор пытается отследить изменения в системе производства лепной керамики, особенно фокусируя свое внимание на разновидности ручек кухонных котлов в исследуемом регионе в течение раннесредневекового периода. Установив типологии ручек, автор постарается сосредоточиться не только на материалах Пенджикента (Панчакент), но и на других, хронологически и географически близких памятниках верховья Зарафшана. Б. И. Маршаком было отмечено, что в V - VIII вв., как и в XX в., лепная керамика не была распространена по всей Средней Азии. В долине Зарафшана ниже Пенджикента лепные котлы уже в первые века нашей эры изготавливались ремесленниками, а затем полностью сменились круговыми [5, 165].

На протяжении много веков гончарное дело, как ремесло и как домашний промысел, отвечало потребностям того или иного общества в разных историко-социальных ситуациях. В тех культурах, где есть оба вида гончарного производства, лепная керамика служит предпочтительно для приготовления пищи.

Одним из основных видов лепной керамики памятников верхнего Зарафшона являются котлы. Этот тип лепной керамики давно изучается археологами, но имеющиеся исследования носят в основном описательный характер. Сравнительный анализ лепных котлов Пенджикента предпринял Маршак [4; 5]. Он обратил внимание на сходство рукотворных типов посуды, их процентное соотношение в разрезе керамических комплексов Пенджикента и четко установил основные характеристики лепной керамики этого согдийского города.

Новые возможности позволяют исследовать этот вопрос с морфологической точки зрения, а также уточнить особенности лепных котлов для приготовления пищи в контексте материалов других археологических памятников Верхнего Зарафшона. Этот вид лепной керамики может помочь в изученных, сравнении и интерпретации других видов лепной керамики не только верхнего Зарафшона, но и остальной части раннесредневекового Согда.

В ходе археологических раскопок на городище древнего Пенджикента в 1950 годы И. Б. Бентович, занимаясь изучением и фиксации керамики данного городища, обратила внимание на две особенности ручек лепных котлов: форма и орнамент. По форме ручки подразделялись на три типа: *полукруглые (8)*¹; в виде *треугольного налета (11)* и *витые (2 и 10)* [1, 134]. Что касается орнамента, то автор так же выявила три типа: в виде *круглых вмятин пальцем (5)*; *косых насечек*, направленных в одну сторону (7); *насечек крест-накрест (1, 3, 12)* [1, 134]. Позже она в своей статье о пенджикентской керамике из слоев VII – VIII вв. рассматривает следующие типы ручек лепных котлов данного городища: **тип А)** ручки с насечками выходили украшенные косыми, перекрещивающимися насечками, имитирующими, очевидно, плетение (3, 5)², и *вертикальными насечками* (1, 4, 6, 8); **тип Б)** *плетеные из двух жгутиков* (2); **тип В)** *гладкие*, треугольные в сечении [2, рис. 32, 1-9].

Б. И. Маршак, обоснованно обратил внимание на типологии ручек лепных котлов, описывая все существенные признаки и разновидности ручек в нижних слоях V – VII вв. Пенджикента [5, 159-162; 4, 44-47]. Согласно его мнению, «более строгая классификация едва ли необходима, т. к. варьирование ручек очень велико и связи между более дробными группами окажутся не многим сильнее связей внутри групп» [5, 62]. Ученый также считает, что ручки лепных котлов отличаются по нескольким признакам (признакам 162-193), которые можно датировать более ранним слоем Пенджикентского городища (V – VI вв.) [4, 44-47. Рис 8-9].

На типологию ручек лепных котлов более позднего слоя древнего Пенджикента обратил внимание Н. Ф. Саввонида. У него из всего количества лепных котлов выделяются шесть типов ручек³. 1) ручки с насечками, снабженные у горловины под венчиками котлов; 2) ручки с круглыми насечками в виде вдавления пальцами, снабженные между плечами и горловинами котлов; 3) ручки с насечками в виде *плетеных ручек*; 4) *горизонтальные ручки с выступом*, снабженные между плечами и горловинами котлов; 5) *гладкие*, подковообразные, овальной формы в сечении, снабженные у горловины под венчиками котлов; 6) подковообразные, снабженные у плеч котлов [7, 113-114. Рис. 217].

На основе материала Пенджикентской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия) и Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, собранного в период 1998-2019 гг, ручки лепных котлов можно классифицировать на 9 типов [6].⁴

К первому типу относятся *ручки с насечками*. Этот тип ручек, которые располагаются под венчиком, у стенки горловины и верхней части плеча лепных котлов. Они круглой, полукруглой, овальной формы в сечении. Как правило, они ор-

¹ Данные нумерации по таблице И. Б. Бентович [1, 134. Табл. VIII].

² Данные нумерации по рисунку И. Б. Бентович [2, 190. рис. 32, 1-9].

³ Данные нумерации по рисунку Н. Ф. Саввонида [7, 113-114. Рис. 2017].

⁴ За исключение вертикальных или петлевидных ручек, которые, на наш взгляд, требуют отдельного рассмотрения.

наментировались насечками, нанесенными тонкой палочкой. Ручки первого типа бывают подковообразные, арочные и скобовидные (Рис.1. 1-3). Ручки этого типа лепились отдельно, затем были преклены к корпусу котлов. Такие ручки часто встречаются в поселениях раннего средневековья верховьев долины реки Зарафшона. Их число среди пенджикентских и санджаршахских материалов больше всего [7, 113; 3, 57-58]. Ручки этого типа настолько мало выступают наружу от стенки котла, что они едва ли могли одновременно выполнять функцию ручки и налепного орнамента. Вероятнее всего, они являлись орнаментированной ручкой.

Ко **второму типу** ручек относятся ручки без насечек. Данный тип ручки, также располагается под венчиком, у стенки горловины и верхней части плеча лепных котлов. Эти ручки овальной, круглой подтреугольной, подпрямоугольной в сечении. Они бывают дугообразные, подковообразные, арочные и скобовидные. Ручки данного типа лепились в обоих случаях: отдельно и слитно (Рис.1. 4-6).

Третий тип это сильно выступающие от корпуса ручки (Рис.1. 7-9): подтип 1) ручки в виде сильно выступающих налепов – выступление на 2 см; подтип 2) ручки в виде плоских накладок – выступление на 5 см;¹ подтип 3) ручки в виде плоских накладок с ямками от пальцев. Данный тип выступают от главного корпуса котла намного больше, чем двух предыдущих типов. Они располагаются в плечах котла или в переходах туловище к плечу.

Четвертый тип круглые в сечении, иногда уплощенные концы ручек с ямками от пальцев (Рис.1. 10-12). Аналог подобных металлических и керамических ручек обнаружен в материалах Гардани Хисора и Кума [9, 189. Таб. XVII. 8-10; Табл. XX. 3].

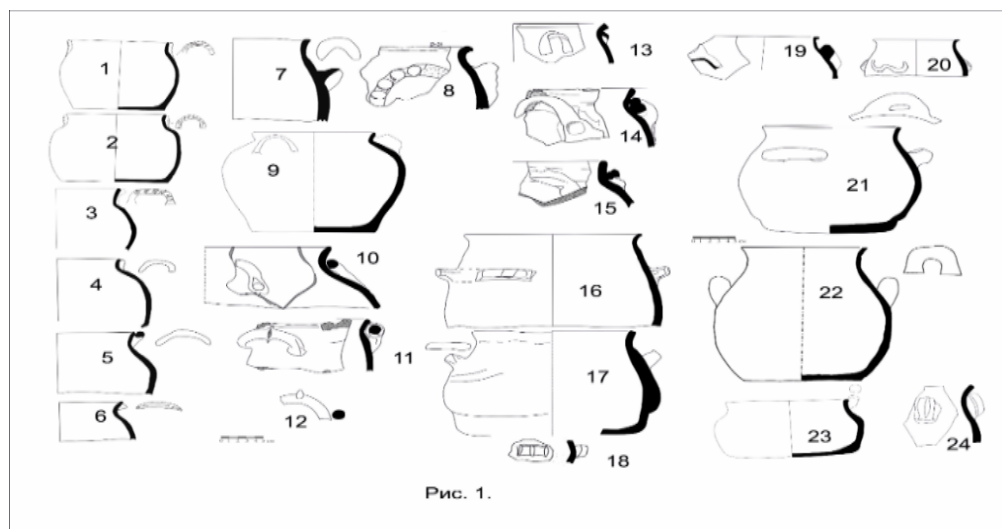

Рис. 1.

Рис. 1. Типы ручек керамических лепных котлов Пенджикента в V-VIII вв: 1-3 - ручки с насечками; 4-6 - ручки без насечек под венчиком; 7-9 - выступающие от корпуса ручки; 10-12 - круглые в сечении ручки; 13-15 - относятся ручки из двух переплетающихся стволов; 16-18 - горизонтальные, прямые ручки; 19 - дугообразные с «килем» сверху форму ручки; 20 - Волнистые – горизонтальные ручки; 21-22 - горизонтальные, прямые, овальные и круглые в сечении ручки; 23-24 - ручки редкой формы.

¹ Признак 170-171 по Б. И. Маршаку [4, 45. Рис. 8].

К **пятому типу** относятся ручки из двух переплетающихся стволов (Рис.1. 13-15). Аналогии таких ручек встречались в материалах Гардани-Хисора, Кума, Хисорака и Санджаршаха [9, 262. Табл. XX, 2, 4; 8, 63. Ил. 179].

Шестым типом ручек лепных котлов являются *горизонтальные, прямые ручки* (Рис.1. 16-18): подтип 1) *плоские прямые* ручки; подтип 2) *горизонтальные в виде «кулака»* (Рис.1. 18). Ручки такого типа помещены у туловища котлов или на переходе туловища к плечу. Часто нижние части котлов с такими ручками лепились в сосуде.

Ручки **седьмого типа** *дугообразные с «килем»* *вверху* и являются редкими для верхнезеравшанских памятников в раннем средневековье (Рис.1. 19).

Восьмой тип – *Волнистые и горизонтальные* ручки в корпусе котла (Рис.1. 20).

К девятому типу можно отнести горизонтальные ручки с удвоением основного элемента, признак 178 по Б. И. Маршаку [4, 45. Рис. 8] (Рис.1. 21-22). Также среди пенджикентских материалов встречаются ручки редкой формы – «ручки» в виде вылепного кружка диаметром ± 1 см (Рис.1. 23-24).

Таким образом, на основе рассмотрения типологии ручек городища древнего Пенджикента можно четко проследить эволюцию не только ручек лепных котлов, но и изменение форм и способ лепки котлов в памятниках раннего средневековья верховьев долины р. Зарафшон.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Бентович И. Б. Керамика Пенджикента//Материалы и исследования по археологии СССР. № 37: Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа. -Т. II: 1948-1950 гг. -М.; Л.: АН СССР, 1953. - С. 133-145.
- 2.Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.)//Материалы и исследования по археологии СССР. № 124: Труды Таджикской археологической экспедиции ИА АН СССР, ИИ им. А. Дониша АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа. -Т. IV: 1954-1959 гг//М.; -Л.: Наука, 1964. - С. 265-298.
- 3.Курбанов Ш. Ф. Локальное и региональное в керамике Санджар-шаха//Материалы Международной научной конференции, посвященной дню молодежи: «Проблемы образования современной молодежи»//Отв. ред М. К. Ансоров. -Пенджикент, 2015. - С. 56-59.
- 4.Маршак Б. И. Код для описания керамики Пенджикента V-VI вв//Статистико-комбинаторные методы в археологии//Под общей редакцией Б. А. Колчина и Я. А. Шера. - М.: 1970. - С. 25-52.
- 5.Маршак Б. И. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник: (К методике изучения керамических комплексов)//2012. - СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- 6.Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. 1999-2020. Выпуски I-XIV (отчеты о полевых раскопках в 1998-2019 гг). Под. ред. Б. И. Маршак, П. Б. Лурье. - СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- 7.Саввониди Н. Ф. Керамика Пенджикента VII - VIII вв., комплексы, типология и историческая интерпретация. Диссертация канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- 8.Смирнова Л.О. Керамика из раскопок городища Хисорак. (В сравнении с другими памятниками верховьев в Зеравшана)//Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. (Отчет о полевых работах экспедиции в 2013)//Под. ред П. Б. Лурье. - СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2014. С 60 – 113.
- 9.Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. (К проблеме становления феодализма). - Душанбе: Изд-во «Дониш», 1988. 288 с.

НАВЪҲОИ ДАСТАҲОИ ДЕГҲОИ ДАСТИСОЗИ САҒОЛИИ БОЛООБИ ВОДИИ ЗАРАҒШОН ДАР АСРҲОИ V – VIII - УМРО ДАСТРАС МЕКУНАД

Панҷакенти қадим ва ёдгориҳои бостоншиносии дигари болооби Зарафшон ҳамеша мадди назари бостоншиносон қарор гирифта буданд. Дар муддати зиёда аз 75 соли таҳқиқоти мунтазами бостоншиноӣ ба муҳаққикон муяссар гардид, ки ба бисёре аз масоили таърихи фарҳангии модии Кӯхистони Сугд равшанӣ андозанд. Махсусан, таҳқиқоти хунари кулолгарии болооби Зарафшон

борҳо мадди назари бостоншиносон қарор гирифта буд. Дар натиҷаи ҳафриёти бостоншиносӣ дар ёдгориҳои аввали асримиёнагии Панҷакенти қадим, Санҷаршоҳ, Гардани Ҳисору Қалъаи Хум ва Ҳисорак шумораи зиёди сафолпораҳо ба даст омадаанд, ки гурӯҳи зиёди онҳоро пораҳои сафолҳои дастисоз ташкил медиҳанд. Аммо то имрӯз доир ба зарфҳои сафолӣ дастисоз қорҳои таҳқиқотӣ анҷом дода нашудаанд. Дар давоми 20 соли охир аз ёдгориҳои Панҷакенти қадим, Санҷаршоҳ ва Гардани Ҳисор маводи зиёд ҷамъоварӣ гардид, ки ба шарофати он имкон пайдо шуд, то шаклбандии нави дастаҳои деғҳои дастисози сафолӣ муайян карда шавад. Натиҷаи таҳлили муқоисавии дастаҳои деғҳои дастисози сафолӣ аз ёдгориҳои зикршуда ва муайян намудани шаклбандии (типология) онҳо дар ин мақола инъикос ёфтааст.

Калидвожаҳо: Сафолҳои дастисоз, гурӯҳбандии дастаҳо, деғҳои дастисоз, Панҷакенти қадим, Қӯҳистони Суғд, аввали асрҳои миёна.

ТИПЫ РУЧЕК КЕРАМИЧЕСКИХ ЛЕПНЫХ КОТЛОВ ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШОНА В V-VIII ВВ. Н.Э.

Древний Пенджикент и другие археологические памятники верховья Зарафшона всегда были в центре внимания археологов. За более чем 75 лет регулярных археологических изысканий исследователям удалось пролить свет на многие вопросы истории материальной культуры Горного Согда. В частности, изучение гончарного искусства верховья Зарафшонской долины не раз оказывалось в центре внимания археологов. В результате археологических раскопок в раннесредневековых памятниках Древнего Пенджикента, Санджаршаха, поселения Гардани Хисор, поселения Кума и Хисорака было получено большое количество керамических фрагментов, большинство из которых представляют собой фрагменты лепной керамики. За последние более 20 лет был собран многочисленный материал из Древнего Пенджикента, Санджаршаха и Хисорака, благодаря которому удалось определить новую типологию ручек лепных котлов. Результаты сравнительного анализа ручек лепных котлов с указанных памятниках и определение их типологии отражены в данной статье.

Ключевые слова: Лепная керамика, типологии ручек, лепные котлы, древний Пенджикент, раннесредневековый горный Согд.

HANDLES TYPES OF HAND-MADE CERAMIC COOKING POTS OF THE UPPER ZARAFSHON VALLEY IN THE 5TH-8TH CENTURIES

Ancient Penjikent and other archeological sites of the upper part of the Zarafshon valley have always been the focus of attention of archaeologists. For more than 75 years of regular archaeological excavation, researchers have managed to shed light on many issues of the history of the material culture of the Mountainous Sogdian. In particular, the study of pottery upper part of the Zarafshon Valley has repeatedly been the focus of attention of archaeologists. As a result of archaeological excavations in the early medieval sites of Ancient Penjikent, Sanjar-shah, Gardani Hisor settlement, Kum and Hisorak, a large number of ceramic fragments were obtained, most of which are fragments of hand-made ceramics. Over the past 20 years, numerous material has been collected from Ancient Penjikent, Sanjar-shah and Hisorak, thanks to which it was possible to define a new typology of molded cauldron handles. The results of a comparative analysis of the stucco cauldron handles from the indicated monuments and the definition of their typology are reflected in this article.

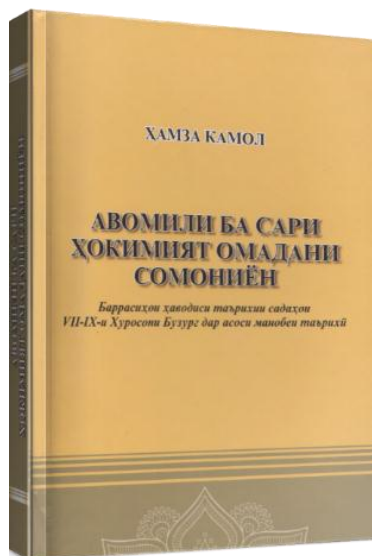
Key words: Hand-made ceramics, typologies of handles, hand-made cooking pots, ancient Penjikent, early medieval, mountainous Sogdiana, Zarafshon valley.

Сведения об авторе: Пулотов Абдурахмон Гиёсиддинович – научный сотрудник Национально-го музея древностей Таджикистана Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Телефон: (+992) 904352444. E-mail: pulodov-abdu89@mail.ru

Information about the author: Pulotov Abdurahmon Giyosiddinovich – Researcher of the National Museum of Antiquities of Tajikistan. A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography. National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 904352444. E-mail: pulodovabdu89@mail.ru

ТАҚРИЗ

ПАЖУҲИШЕ ДАР ШИНОХТИ ВОҚЕЪ ВА КОМИЛИ ҲАВОДИСИ ТАЪРИХИИ АСРҲОИ VII – IX-и ВАРОРӮДУ ХУРОСОН

Дар таърихнигории муосири тоҷик таҳқику баррасии масъалаҳои таърихи асримиёнаии халқи тоҷик ба нудрат сурат гирифта, воқеияти аксар ҳаводиси таърихӣ ҳатто барои ҷомеаи илмӣ мамлакат ҳамчунон номуайяну тира боқӣ мондаанд. Дар баъзе маворид теъдод аз ин ҳаводис аз дидгоҳи миллӣ ғалат ҳам арзёбӣ шудаанд. Аз ҷумла, дар бораи таърихи бузургтарин давлати асримиёнаии тоҷикон – Сомониён низ таҳқиқоти мутаъадиди илмӣ таърихшиносони тоҷик ва донишмандони хориҷӣ сурат гирифта, ҷанбаҳои мухталифи масъалаҳои марбути он мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд. Аммо дар хусуси заминаҳои таърихӣ ва авомили ба ҳукумат расидани ин хонадони тоҷик таҳқиқоти мураттаб ва густарда ба ҷуз аз китоби Ҳ. Н. Назаров «Авомили суъуд ва сукути давлати Сомониён» (Душанбе, 1998) то имрӯз вучуд надошт. Дар ин ҳол таълиф шудани китоби профессор Ҳамза Камол «Авомили ба сари ҳокимият омадани Сомониён» дар фазои илми

таърихнигории Тоҷикистон башоратест, ки онро бо камоли хушнудӣ бояд истикбол кард.

Дар таърихнигории тоҷик аввалин бор аст, ки ин мавзӯ ба таври комил таҳқику баррасӣ мешавад. Масъалагузории муаллиф дар навишт ва тадвини ин китоб муваффақона сурат гирифтааст. Дар ибтидо муаллиф ручӯе ба тавсифи таърихи сарзамини Хуросон то шурӯи забткориҳои аъроб дар Эронзамин карда, сипас ҳаводиси дар ибтидои густариши ислом, замони хулафои рошидин ва Умавиён дар ин сарзамин ба вуқӯ пайвастаро ба риштаи таҳқиқ мекашад. Ҳамзамон, дар асоси манобеи муътамад аз харобкориҳои, ки лашкариёни араб ба баҳонаи интишори дин бар сари мардумони ин минтақа оварданд, матолиби арзишманде зикр мешавад. Муаллиф бо як шеваи пур аз ифтихороти миллӣ аз озодазодагон будани мардуми Эронзамин, ба хусус, хуросониёно таъкид дошта, далелҳои собите аз муборизаҳои оштинопазири ин мардум алайҳи истисмору таҳқирҳои лашкариёни араб овардааст. Бо таъя ба ахбори манобеи муътамади таърихӣ тамоми муборизаҳои мусаллаҳонаеро, ки дар ин густардаи ҷуғрофӣ ба муқобили низоми қавмгароёнаи хулафои Умавӣ рух дода буданд, бисёр мӯшикофона мавриди баррасӣ ва таҳқиқ қарор додааст. Ҳамчунин, рӯйдоду ҳаводиси сиёсӣ ва иҷтимоӣ-иқтисодиро, ки авомили ҷалби шумори ҳар ҷи бештари ҷонибдорони роҳи мубориза ва озодии миллӣ мешуданд, таҳлилу баррасӣ карда, пайомадҳои онҳоро амиқан таҳлил мекунад. Дар пайи таҳқиқ, баррасӣ ва таҳлилу хулосабарориҳои муаллиф манзараи ягонаи мубориза алайҳи ҳукмронии аҷнабиёни ишғолгар дар Эронзамин тасвир шуда, пайомадҳои ин муборизаҳои мудовим, таъсири онҳо ба ҷойгоҳи иҷтимоии мардумони бумии ин сарзамин ва дар ниҳоят боиси вориди сахнаи сиёсии хилофат гаштани фарзандони шарафманди миллати мо дар пайи ин набардҳо рӯшану дақиқ муайян карда мешавад.

Бузургтарин дастоварди илмий муаллиф он аст, ки бори нахуст чунин таҳқиқоти густарда ва чунон фарогир дар хусуси авомили ба қудрат расидани Сомониён ва дар симои онҳо хонадонҳои қаблӣи эронитабор таълиф карда, ҳулосаи бисёр қобили таваҷҷуҳе ироа медорад, ки аз сукути давлати Сосонӣ то зуҳури Тоҳириён ду қарни сукути Эронзамин набудааст, балки он ду қарни муборизае будааст, ки дар ниҳоят ба эҳёи давлатдорӣи миллии сабаб гардид. Ин ҳулоса воқеан шоистаи таҳсин аст, мебояд ба муаллиф изҳори сипос кард.

Дастоварди дигари муаллиф дар асар зикри муборизаи фарҳангӣ алайҳи ғосибон аст. Тавре медонем, то ҳоло дар аксар осори дар ин бора нашршуда таваҷҷуҳ асосан сари муборизаҳои мусаллаҳона мешуд ва тамоми исёну ошӯбҳо ба муқобили истилогарон муфассал тавсиф мешуданд, аммо аз муборизони фарҳангии миллат алайҳи аҷнабиён ё бисёр кам гуфта мешуд, ё аслан зикре аз онҳо ба амал намеомад. Бад-ин сабаб, дастоварди дигаре, ки дар ин асар мушоҳада мешавад, зикри муборизаҳои фарҳангии фарзандони сарсупурдаи миллат ба муқобили аъроб аст. Муаллиф аз аҳаммият ва ҷойгоҳи бисёр лозим доштани ҷунбиши шуубия дар расидани хуросониён ба озодӣ ва истиқлол ба хубӣ сухан гуфтааст. Аз ҷумла, бори нахуст дар ташаккули забони форсӣ ҷойгоҳи қалӣи доштани ғатвои фарзанди шарафманди миллати тоҷик Абӯҳанифа Нуъмон ибни Собит, ки бо таҳаллуси Имоми Аъзам дар саросари ҷаҳони ислом машҳур аст, дар асари мазкур сухан гуфта мешавад. Ин нуқта воқеан дар тамоми осори то кунун нашршуда аслан мавриди таваҷҷуҳ қарор нагирифта, дар умум, аз зикри шарҳи ҳоли донишмандону мутафаккироне, ки ба масоили динӣ камтарин рабте доштанд, парҳез мешуд. Донишманди ватанпарвар Ҳамза Камол ин нуқтаро ҳам бисёр дуруст дарёфта ва метавон гуфт, ки навгонии ҷиддие дар таърих-нигорӣи миллии ворид кардааст. Яъне ҷойгоҳи муборизони фарҳангӣ алайҳи истилогарони сарзамини аҷдодӣ ба ҳеҷ ваҷҳ камтар аз муборизаи мусаллаҳона нест, балки ҳатто бузургтар аз он аст. Дар пайи таҳлилҳои бисёр амиқи муаллиф воқеан муассир афтодани муборизаи фарҳангии эронӣ баҳри даст ёфтан ба озодӣ ва истиқлоли сарзамини аҷдодӣ худ барои хонанда равшан мегардад. Аммо ба назари банда аз хидмати шуубиён тафсиلى бештар ҳам ироа доштан мумкин буд. Аз ҷумла, ҳадамоте, ки Ибни Муқаффаъ, Сухравардӣ, Ярҷуҳи Тахористонӣ ва дигарон дар тарвиҷи ғояҳои миллии дар муқобили қавмгароӣи аъроб кардаанд, заминаи аслии ташаккули ифтихороти миллии эронӣ (тоҷикон) гашт. Аксар бузургони ҷунбиши шуубия муҳолафат бо арзишҳои дини ислом надоштанд, балки онро пазируфтанд, анъаноти динӣ ва фарҳангии қаблӣи худро ҳам дар радифи он ҳифз карданд ва созандаи тамаддуни наво гаштанд, ки «тамаддуни исломӣ» ном гирифт, ҳатто аъроб дар бунёди ин тамаддун кам талош ё хидмате арзишманд кардаанд, зеро чунин тавону иқтидоре надоштанд. Ин тамаддуноро идомаи таърихӣ ва мантиқии тамаддуни эронӣ (ориёӣ) мебояд донист. Аз ин ҷо буд, ки эронӣ (тоҷикон) қавмгарой ва бартариҷуӣҳои аъробро нисбат ба худ напазируфтанд ва дар муқобили он истоданд, то он ки дар ниҳоят пирӯз гаштанд.

Дигар нуқтае, ки муаллиф ба он таваҷҷуҳ кардааст, хидматҳои хонадони Бармакиён ва Абумуслими Хуросонист. Маъмулан, дар китобҳои илмӣ то кунун нашршуда дар ин хусус матолиби камтар ва он ҳам ба ихтисор зикр мешуд. Дар воқеъ Абумуслим дар барандохтани ҳукумати Умавиён ва ба қудрат расондани Аббосиён нақши аввалиндараҷа дорад. Муаллиф аз ҳадамоти шоистаи Абумуслим дар тақвияти ҳукумати Аббосиён, баланд кардани мақоми иҷтимоӣи эронӣ

(точикон) дар хилофат ва қатли хоинонаи ӯ ба дасти хулафои Аббосӣ матолиби чолиберо зикр ва баррасӣ кардааст. Дар пайи кушта шудани Абумуслим даст ба ошӯбу исёнҳои сартосарӣ задани сокинони манотиқи мухталифи хилофат ҳам далели ҷойгоҳи ин ҷавонмарди ватанпарвари хуросонӣ буд. Ин ҷумлаи муаллиф шоистаи таҳсин аст, ки мегӯяд: «Бо хиёнат ба барандохтани бузургони Бармакӣ даст задани Ҳоруни Аббосӣ на танҳо назми умури хилофатро ба ҳам зад, балки бо ин амал кадрӯ манзалати хилофати араб аз миён рафт ва дар ибтидои садаи IX заминаҳоро барои рӯйи кор омадани ашрофзодагони дигари хуросонӣ мисли Тоҳириёро фароҳам сохт». Воқеан аз ҳаводиси таърихӣ возеҳан мушоҳада кардаем, ки пас аз ҳодисаи куштори Бармакиён хулафои Аббосӣ дигар тавони ҷилавгирӣ аз истиқлоли комили Хуросонро аз даст доданд ва ҳатто ба хатари сукути Бағдод ба дасти фарзанди боғурури сарзамини Сиистон Яъқуби Лайс мувоҷеҳ гаштанд. Минбаъд Аббосиён ночор шуданд соҳиби ҳукумат гаштани хонадонҳои эронӣ (точик)-ро дар сарзамини Хуросон бипазираанд.

Дар чанд маврид мушоҳада кардем, ки вожаҳои Хуросон ва Эрон бад-он гуна зикр мешаванд, ки гӯё ду сарзамине ҷудо аз ҳам бошанд, дар ҳоле ки Хуросон бахше аз Эрон буд ва ҳафт. Ин ҷо пешниҳод мекардам, ки барои фарқ кардан аз Ҷумҳурии Эрони имрӯзӣ аз Эрони таърихӣ вожаи Эронзамин истифода шавад, то ниёз ба ҷудогона овардан ё донишани Хуросон аз Эрон набошад.

Ҳамчунин дар ташаккул ва густариши забони форсӣ, ки боиси ваҳдати забонӣ ва миллии ниёғони мо дар он давра шуда, дар ниҳоят яке аз заминаҳои ташаккули миллати тоҷик гардида буд, нақши таърихии ислом (аз ҷумла, мазҳаби ҳанафӣ) илман собит аст, ки бо тафсилоти бештаре ба баррасӣ ва таҳқиқи он пардохтан мумкин буд. Зеро маҳз ҳамин омил буд, ки туркон бо расидан ба ҳукумат ҳам «ғайрат накарданд» ҷойгоҳи забони форсиро ба ҷолиш бикашанд ва баръакс тарвиҷи онро ҳамчун «забони ислом» вазифаи муқаддаси худ донишанд. Чунин муносибат боиси густариши забону адабиёти оламшумули мо гардида буд.

Дар ҳулосаи китоб муаллиф андешаҳои худро дар хусуси масоили баррасишуда иброз дошта, масъалаҳоро, ки вобаста ба мавзӯ то ин дам нисбатан норавшану тира буданд, мушаххас мекунад. Аз ҷумла, ин ду сабаби шикасти эрониро дар муқобили лашкари араб овардаи муаллиф бисёр воқеист: яқум, барои молу мансаб ҷонибдорӣ аз арабҳо ва дувум, душмании шадид бо ҳам, ки ҳатто меҳостанд барои барандохтани ҳамдигар аз арабҳо ёрӣ бигиранд. Аммо дар ниҳоят, муборизаҳои мудовим, исёну ошӯбҳои мунтазам ва хусусан муборизаи фарҳангии ниёғони мо дар муқобили ҳукмронӣ ва бартаричӯйҳои аъроб боиси эҳёи давлатдорӣ миллии ва шукуҳи ҳашамати таърихии Эронзамин гашт.

Дар маҷмӯъ, китоби донишманди хирадманду нуктасанҷи тоҷик, доктори илмҳои таърих, профессор Ҳамза Камол як бардошту шинохти воқеӣ ва комили илмӣ аз як давраи пуршукуҳи таърихи миллати тоҷик аст ва мо онро дастоварди навбатӣ ва хеле муҳим барои ҷомеаи илмӣ Тоҷикистон арзёбӣ мекунем.

Нурмуҳаммад АМИРШОҲӢ,
сармуҳаррири Сарредаксияи
илмӣ Энсиклопедияи миллии тоҷик,
номзади илмҳои таърих

ЖИЗНЬ ОТДАНА НАУКЕ

Икром Мухиддинович Мухитдинов (06.02.1933 - 7.09.2010) ученый, этнограф-таджиковед. Его жизненный путь тесно связан с историей развития и становления таджикской этнографической школы. Он родился 6 февраля 1933 г. в кишлаке Токчи колхоза им. В. И. Ленина Калининского сельского совета Коммунистического (бывшего Кургантюбинского) района Тадж ССР. в семье переселенцев из Дарваза, обосновавшихся на осваиваемых под хлопок землях. Всю свою сознательную жизнь он посвятил изучению духовной и материальной культуры таджиков. В самом расцвете своих творческих сил, его не стало. С ним ушла в прошлое и стала достоянием истории яркая страница развития этнографической науки, связанная с именами Семёнова А., Андреева М. С., Кислякова Н. А., Писарчик А. К., Пещеревой Е. М., Моногаровой Л. Ф., Давыдова А., Хамиджановой М., Широковой З. и др.

Ему повезло, именно эта плеяда знаменитых ученых формировала его как этнографа. Обширный научный вклад сделан Икромом Мухиддиновым в советскую таджикскую этнографическую науку. В своих исследованиях, он поднимал целый ряд проблем этнического развития народа и его этногенеза. По образованию Икром Мухиддинович был историком, он окончил в 1957 г. историко-филологический факультет Таджикского государственного университета и с этого же года стал работать в секторе этнографии Ин - та истории АН ТаджССР в должности ст. лаборанта, с 1958 г. - в должности мл. н. с., в 1973 г. - ст. н. с., с апреля 1985 г. - зав. сектором, а с июня 1986 г. - заведующим отдела этнографии. В 1990 г. перешел на работу в ТГУ.

В числе его учителей были крупнейшие ученые, которые еще со студенческих лет прививали ему особую любовь к традиционной культуре таджиков. Эти имена хорошо известны в Таджикистане, они первые прокладывали научные тропы в этнографическую науку. Среди них - Р. Л. Неменова. Д. Т. Таджиев, которые курировали его научные интересы в университете, Н. А. Кисляков был его научным руководителем в аспирантуре Института этнографии АН СССР, позднее стала доктор наук, профессор -Л. Ф. Моногарова. 15 февраля 1972 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX - нач. XX вв.» (Научный руководитель – Кисляков Н.А., научный консультант Л. Ф. Моногарова); 24 января 1985 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему: «Этнографические аспекты высокогорного земледелия Западного Памира и сопредельных областей (XIX - начало XX веков)». Все эти годы Икром Мухиддинович работал с великими этнографами-таджиковедами такими как Кисляков Н. А., Писарчик А. К., Б. Х. Кармышева, и конечно, Моногарова Лидией Федоровна. Он относится ко второму поколению этнографов в Таджикистане и к первому поколению таджикской этнографической школы. Главное направление всех исследований были вопросы хозяйственно-культурного типа – земледелие, традиционные жизненные обрядовые практики связанные с земледелием, материальной и духовной культурой таджиков всех регионов. Икром Мухиддинович очень хорошо был знаком с особенностями материальной и духовной культуры таджиков, поэтому он выбрал объектом своих исследований - земледелие высокогорного типа, считая, что у всех памирских таджиков - земледелие занимало ведущее место в хозяйстве.

Изучая земледелие памирских таджиков, он показал, что земледелие имеет глубокую историю, оно базируется на искусственном орошении, а так же, скотоводство с выгоном скота на литовки на высокогорные пастбища весной, летом и осенью. Причем, именно земледелие и все, что с ним связано (орудия труда, обычаи и обряды и многое другое), находилось в центре внимания исследователя. Помимо непосредственной работы с информантами в Ишкашима, Вахане и Шугнана он собирал материал из письменных источников и архивов.

Его работа «Земледелие Памирских таджиков Вахана и Ишкашима» исследует характерные черты высокогорной земледельческой культуры. В своей работе И. Мухитдинов разработал классификацию земледельческих орудий труда, сделав акцент на доисторическую земледельческую технику, так же он выявил ареалы бытования этих орудий труда, впервые разработал ряд типологий разных элементов земледелия на Западном Памире, составил карты-схемы оросительной сети высокогорного типа и способов орошения.

Этнографический материал свидетельствует о древних традициях орошаемого земледелия Западного Памира. Поля расположены то в горах на разных уровнях, то по окраинам кишлаков. Широкая разбросанность полей по склонам – одна из характерных черт возделываемых земель в Вахане и Ишкашима. По своей конфигурации поля весьма разнообразны: треугольные, круглые и даже извилистые. Применялись также способы орошения как валиковый и струйчато-бороздковый способ. Валиковый способ орошения применяется преимущественно на лессовых, аллювиальных почвах и на ровных полях. Назывался «*вырг*» (Вахан), «*варг*» (Ишкашим). Струйчато-бороздковый способ применялся для орошения каменистых и песчаных, лессовых и аллювиальных почв, а также полей, расположенных на склонах. Этот способ назывался «*джуйки*». Первый полив в Вахане был самым трудным. Он требовал особых приемов и внимания, чтобы земля не пострадала от эрозии. При втором поливе воду пускали от головного временного арыка до конца поля. Третий и последующий поливы до конца периода не отличались от второго. В процессе полива всегда участвовали два человека. Сплошной полив при валиковом способе орошения зерновых культур начинается в Ишкашима со второго полива, а в Вахане – с третьего. Также орошения в Вахане со всей ее сложностью очень продумана и сочетается с характером микрорельефа, особенно учитывается возможность эрозии на почве. Способы струйчато-бороздкового полива в Вахане и Ишкашима не отличаются друг от друга.

Приемы полива бахчевых культур характеризуются разнообразием. Лук поливают сплошным напуском воды. Одновременно, при поливе бахчевых на участки на длительное время пускают маленькие струи воды, чтобы корни растений получили больше влаги.

Согласно полевым материалам Икром Мухиддинович подчеркивает, что, несмотря на примитивную конструкцию, орудия находят применение даже в колхозном производстве в наши дни и представляют большой интерес для агроэтнографии. Эти орудия труда свидетельствуют о том, что они очень хорошо приспособлены в условиях высокогорного земледелия населением Вахана и Ишкашима, описание их типов и размеров, а также материалов, из которых эти орудия изготавливались.

Икром Мухиддинович выделяет главное орудие земледельцев Вахана и Ишкашима – это деревянное пахотное орудие среднеазиатского типа, «*сыпундр*» в Вахане, а в Ишкашима «*успер*». Оно изготавливается из цельного и изогнутого под

тупым углом куска ствола твердого дерева. Для сельскохозяйственных работ применяли кирку – чок, которая бывает двух видов лопаты, их привозили главным образом из Афганского Бадахшана, также употребляли деревянные лопаты. В конце XIX века стали распространяться русские железные лопаты фабричного производства. Использовались во время полива, чистки арыков, при закладке фундаментов и т.д. Орудия жатвы у памирских таджиков представляет большой интерес. Среди которых железные серпы с гладким лезвием, серпы из рога горного козла. Одни и те же серпы использовали при жатве травы, злаков, срезании ветвей кустарников и при заготовке хвороста. В конце XIX – начале XX вв., когда железо стали получать из России, местные кузнецы начали изготавливать серпы с большими лезвиями. Ими жали только бобовые и зерновые культуры.

Исследование ученого показало, что, на Западном Памире все зерновые культуры имеют много видов, например, пшеница одна имеет 48 видов. По данным информаторов, крестьяне сеяли только три вида пшеницы (красная пшеница, белая и скороспелая пшеница).

Система земледелия – один из основных показателей развития сельскохозяйственного хозяйства. На Западном Памире система земледелия (в том числе в Вахане и Ишкашине) – паровая. Паровая система земледелия имеет в этом районе древнюю традицию. В Вахане и Ишкашине, как и в долине р.Хингоу, практиковали два способа оставления земли под паром. В этих районах, как и в соседних районах Средней Азии и Афганистана, основным удобрением служил навоз домашних животных. Ценным удобрением считали и помет диких голубей. Удобрляли два-три раза: поздней осенью и весной – перед пахотой.

Икром Мухиддинович изучал не только земледелие горцев Западного Памира, но и садоводство, огородничество и бахчеводство Вахана и Ишкашима, которое было хорошим подспорьем для семьи. Население Западного Памира, в том числе ваханцы и ишкашимцы, старались принять все меры к тому, чтобы сохранить растения от стихийных природных бедствий и собрать урожай без потерь. Бессилие земледельцев перед природными явлениями, уничтожавшие их труд, подготовило почву для возникновения целого ряда магических обрядов и обычаев. Земледельческие обряды и обычаи издавна по традиции передавались из поколения в поколение в устной форме. В 1969 году экспедицией был обнаружен трактат земледельцев. В этом трактате говорится о том, что если крестьянин не выполняет правила трактата, то его труд и полученный урожай являются «скверными» и «не богоугодными» для его семьи. Знание «Рисоля» обязательно для каждого земледельца. В Вахане и Ишкашине функцию патрона земледелия приняло на себя исмаилитское духовенство. Только *халифа* или *пир* определяют «счастливый день» и время начала пахоты (проводимой в дни празднования Навруз). Существовали также и другие обряды, и обычаи земледельцев. И они свидетельствуют об этногенетических и давних исторических связях их с другими этническими группами и таджиками Дарваза, Каратегина и других остальных местностей Таджикистана. Это ярко проявляется в пережитках некоторых аграр-

ных культов, особенно в почитании патрона земледелия – Деда-земледельца, когда-то более ярких культов быка и воды и многих других обрядов.

В 70-х годах, Икрома Мухитдиновича пригласили в Москву в Институт этнографии АН СССР (ныне - Институт этнологии и антропологии РАН), принять участие в подготовке и публикации историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана. Основное внимание, при подготовке атласа, предполагалось уделить материальной культуре, в частности земледелию, скотоводству, средствам передвижения и др. Это была важная работа не только для московских этнографов, но и для таджикских тоже. Этнографы из Москвы и среднеазиатских республик приступили к сбору историко-этнографических данных. Совместно с московским этнографом профессором Л. Ф. Моногаровой он собирал полевые материалы на Западном Памире. К сожалению, по субъективным и объективным причинам атлас не вышел в свет. Собранный полевой материал, архивные данные, существующая литература позволили ему опубликовать ряд работ.

В его статьях и диссертациях подчеркивалось, что с древнейших времен хозяйственная деятельность человека на Западном Памире отражает специфику местных географических условий. Рельеф, растительность, почва и климат подчинены здесь вертикальной зональности, с которой связаны традиционные особенности хозяйства населения. Помимо непосредственной работы с информантами в Ишкашме, Вахане и Шугнана. И. Мухиддинов скрупулезно изучил систему традиционной ирригации на Западном Памире, что позволило ему составить ясное представление о распространении поливного земледелия и способах орошения, практикуемых населением этого региона с далекой древности. Исследователь подчеркивал, что в распространении как поливного, так и неполивного земледелия, а также в размещении сельскохозяйственных культур до начала массовой коллективизации (1936-1937 гг.) существенных изменений, по сравнению с XIX в., не происходило. Собранные им архивные материалы подтверждали сообщения его информантов.

Полевые материалы позволяли Икрому Мухиддинову по изучению традиционной ирригации выделить пять традиционных способов искусственного орошения: валиковый, струйчато-бороздковый, по полосам, напуск и шахматный. Причем каждый из них характеризовался весьма сложными техническими приемами распределения воды на поле при поливе. Данные способы орошения применялись на всех видах посевных площадях - расположенных на конусах выноса рек, на естественных и искусственных террасах, на ровной местности возле кишлака, на склонах ущелий. Применение того или иного способа орошения земледельцами Западного Памира зависело от структуры почвы, характера уклона полей, местных традиций и частично от возделываемых земледельческих культур.

Исследование И. Мухиддинова свидетельствуют о том, что местное население из зерновых предпочтение отдавало - пшенице. Рожь не сеяли в Вахане и Язгулеме, а в других местах она занимала третье (вместе с ячменем) или четвертое место среди злаковых. Он утверждает, что земледелия, показало систему питания таджиков Западного Памира, где ведущее место занимали продукты, как результат деятельности земле-

дельца, пшеница и ячмень. И. Мухиддинов подчеркнул, что не смотря на крайнее малоземелье система питания местного населения включала употребление бобовых и дикорастущих растений, фруктов, особенно плодов шелковицы, абрикосов, где это было возможно, а также овощей (лук, морковь, перец), бахчевых (тыквы, дыни, арбузы). Этим самым он подчеркнул особое трудолюбие местного населения, умение создать микроклимат для благополучного созидания в высокогорной части Таджикистана.

И. Мухиддинов кроме земледелия Западного Памира, работал над другими актуальными проблемами материальной и духовной культурой таджиков. Согласно представленным материалам, вызывает большой интерес, ранее не изучавшиеся этнографами традиционное жилище таджиков района Нурека. Особенностью поселений горных районов является то, что усадьбы не имели закрытых дворов, но дворы, которые находились на главных торговых путях были закрыты высокими дувалами. В последнем случае на улицу выходили глухие задние стены дворов. Совокупность материала позволила автору затронуть широкий круг вопросов, в числе, особо актуальных, проблемы формирования традиционного жилища таджиков Нурека. Икром Мухиддинович описывает различные типы построек, приводит сведения о народных поверьях и обрядах предворяющих и сопровождающих строительства дома. Статья вводит в научный оборот новый фактический материал. Классификация горного народного жилища таджиков, основана на особенностях конструкции, В. Л. Воронина выделяет «две группы: северную- с каминами с плоской кровлей и южную – курное жилье с бревенчатым куполом» Доктор исторических наук И. Мухиддинов в 1984 году в сборнике «Памироведение» опубликовал две статьи о населении Памира. В первой статье автор пишет об особенностях традиционного земледельческого хозяйства населения в XIX – начале XX вв. Во второй статье автор останавливается на описании народного земледельческого календаря памирских таджиков в XIX – начале XX вв.

И. Мухиддинов продолжает изучать обычаи и обряды, связанные со строительством жилищ у памирских таджиков в конце прошлого века и начале нового века. Приведенные материалы были собраны автором в 1965, 1968-1969г, 1972-1976 г. Эти материалы позволяют познакомиться с обычаями, обрядами исполняемыми во время строительных работ (возведение стен, кровли, изготовление очага и т.д.), а так же обряды и обычаи исполняемые в момент вселения в новый дом. В своей работе, автор констатирует этнографические факты и считает, что многие обычаи и обряды имеют магическое значение. Можно согласиться с Икромом Мухиддиновичем, что во всех магических действиях хозяев вновь построенного дома существуют не только пережитки анимистических верований, но и элементы зороастризма, которые впоследствии испытали влияние мусульманских религиозных верований, а в данном случае исмаилизма. Таким образом, зафиксированные И. М. Мухиддиновым древние верования говорят о том, что представления связанные с культом предков были переосмыслены под влиянием исмаилитской идеологии. Жилище, и несущие кровлю основные конструкции, в том числе и

опорные столбы-колонны, стали трансформироваться олицетворяя бога-творца и святого предка. Сегодня мы можем сказать, что данный материал – уникальный и он является ярким примером переосмысления древних народных анимистических верований и представлений с позиции исмаилизма.

В 1989 году была издана очередная работа И. Мухиддинова «Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX – начало XX вв)». Работа написана на основе материалов, собранных автором во время экспедиций на Западный Памир в 1965-1968 и командировок в 1969-70, 1972-74, 1976-78, 1980 годах. И. Мухиддиновым использован архивный материал крупного востоковеда, лингвиста и этнографа И. И. Зарубина, хранящийся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и доступные литературные источники.

И. Мухиддинов с большим профессиональным интересом написал книгу – «Рисоля земледельцев», которая посвящена обычаям и обрядам связанными с патронам земледелия – «Дедом-земледельцем». С древнейших времен хозяйственная деятельность памирских таджиков, живущих в высокогорных, в прошлом труднодоступных долинах Западного Памира, отражает специфику очень сложных экономических условий. Наряду с ирригационным земледелием, скотоводство являлось важным источником существования. Стремление обеспечить хороший урожай земледельческих культур и умножить поголовье скота, получить больше продуктов от земледелия и скотоводства наряду с развитием традиционных навыков ведения хозяйства, учитывающих специфику природной среды, обусловило возникновение магических обрядов, связанных с анимистическими верованиями. Многие из этих обрядов, возникших в глубокой древности, в той или иной степени отражают представления поздней религии – ислама. У памирских таджиков, как и других земледельческих народов Средней Азии, важное место в земледельческой обрядности занимают обычаи и обряды, связанные с патроном земледелия. Патроном – покровителем дехкан был *Бобои Дехқон* (Дед-земледелец). Он так же освещает вопросы «Культа небесных светил». Традиционные материалы позволили И. Мухиддинову выявить институт «Пиров» и «халифов» у населения Западного Памира. Ученый отмечает сакральное отношение памирских таджиков к Пирам и халифам, которые определяли «счастливей день» – время начала первой пахоты, ирригационных или других земледельческих работ, дни празднования Нового года («*Навруз*»). Традиционные астрономические знания таджиков Западного Памира позволяют определить местонахождение на небосводе созвездий, особенно Скорпиона – «*Ситораи Ақраб*», «*Ситораи нахс*» («Звезда неблагоприятия»). Эта информация играли важную роль для населения этой территории. Они обращали на это внимание при выходе из дома, или для начала любой из сельскохозяйственных работ, человек старался, чтоб его лицо не было направлено к этому созвездию. Если это случалось, то ожидали неблагоприятия, плохого урожая.

Культ светил – Солнца и Звезд – ярко прослеживается во влиянии на производственную деятельность, общественную и семейную жизнь людей. Икром Мухиддинович, приводит мнения таджиков Западного Памира, которые считают, что «все определялось положением звезд на небосводе. Время суток разделялось на мелкие периоды, в которые звезды (планеты) меняют свое местонахождение на небосводе, а их местоположение регламентирует жизнь людей: возможность или невозможность начинать ту или иную работу, совершать или не совершать бракосочетание, отправляться или нет в путешествие и т. д».

Особое место в работе занимает народный праздник Навруз. На Западном Памире, как и везде, сельскохозяйственные работы начинались с наступлением весны. Весь цикл сельскохозяйственных работ сопровождался определенными обычаями и обрядами.

Праздник Навруз, «*Шогунибахор*» (Весенний шогун) у памирских таджиков был пышным, веселым, с многочисленными магическими обрядами, дошедшими до наших дней из глубокой древности. На Западном Памире, где крайне мало пахотных земель, крестьяне с особым нетерпением ждали наступления Нового года, с которым связано начало всех сельскохозяйственных работ, так как у большинства семей зерна не хватало до нового урожая.

Начало нового сельскохозяйственного года в Вахане, Ишкашме, Гаронне и в долине Шахдары (Шугнан) совпадает с днем весеннего равноденствия – 20-22 марта, на который приходится Новый год – Навруз.

У всех памирских таджиков, населявших высокогорные долины Западного Памира в XIX – начале XX века, среди многих сельскохозяйственных обычаев и обрядов значительное место занимал комплекс обрядов, связанных с культом плодородия. Из них значительный интерес представляют пережитки культа воды.

Если весной долго не было дождя, совершали сначала магические действия, которые по обычаю не требовали больших расходов или участия всей общины. А если дождь шел непрерывно, люди уже предвидели угрозу камнепадов или селевых потоков, а также выхода воды из каналов, смыва почвы с полей, тогда вынимали из воды череп и зарывали его в том месте, где взяли.

Анализируя обычаи и обряды или обрядовые действия, Икром Мухиддинович приходит к выводу, что «основной целью было получение урожая и увеличение приплода скота». Самоотверженная работа Икрома Мухиддинова целенаправленно открывала всему миру духовное богатство таджиков не только Памира, но и Центральной Азии.

В 1992 году научный мир этнографов познакомился с монографией Л. Ф. Моногаровой и И. М. Мухиддинова – «Таджики» в 2 частях как материалы к серии «Народы содружества независимых государств». Монография представляет собой первый опыт всестороннего этнографического исследования современной семьи таджиков. Основу данного исследования составляют полевые материалы авторов, архивные, статистические данные, а так же массовый анкетный опрос таджикских семей в репрезентативно отобранных 12 кишлаках и 7 городах Та-

джикистана. В научный оборот введен уникальный этнографический материал, характеризующий структуру современной семьи таджиков, взаимоотношение внутри семьи между ее членами, а так же семейно-родственной группы (авлод), общественные отношения в рамках квартала, (гузар, махалля,) проявление этнокультурных процессов в семье. Большое внимание уделено анализу социальных функций, как в семейно-брачных отношениях, так и в элементах материальной культуры. Впервые в этнографической литературе по семье народов Средней Азии, по единой программе изучена современная семья таджиков сельской местности (часть 1 – авторы Л. Ф. Моногарова и И. М. Мухиддинов) и в городе (часть 2 – Л. Ф. Моногарова).

Семья таджиков всегда была в центре исследований ученых-этнографов, авторы считают, что в условиях современного общества, особое значение для совершенствования дальнейшего социально-экономического и культурного развития общества является семья, которая характеризуется своими этническими традициями, а так же этнической спецификой в личностных ориентациях связанных с особенностями межпоколенной трансмиссии как прогрессивных, так и негативных устоев. Сбор полевого этнографического материала проводился по единой программе.

Книга написана на основе оригинального, впервые вводимого в научный оборот полевого материала собранного авторами за время их экспедиций в 1980-1986гг. в южный Таджикистан в его юго – восточный этнокультурный регион: в Гиссар (4 кишлака Гиссарской долины), в Куляб (4 кишлака этой этнокультурной области. Общеизвестно, что больше этнографических особенностей сохраняется у сельских жителей по сравнению с городскими, но изучение только сельских семей в этнографическом плане не даст полного представления о современной таджикской семье. Изучение современной сельской семьи велось авторами как в районах с этнически однородным сельским населением, так и в районах урбанизированных с мозаичным населением.

Вторая часть этнографического исследования современной семьи таджиков – «современная городская семья таджиков» - основана преимущественно на полевых материалах Л. Ф. Моногаровой, собранные ею за время многократных экспедиционных выездов и командировок в города Таджикистана (Душанбе, Орджоникидзабад, Турсун-заде, Куляб, Ура-Тюбе, Исфара, и Хорог), в которых в соответствии с научно обоснованной выборкой изучалась городская семья таджиков в городах. Изучение современной семьи таджиков велось как принятыми в этнографии традиционными методами бесед с информаторами и непосредственно наблюдением так и с применением в 1992 году массового анкетного опроса в семьях таджиков (опрошено 746 ч. В сельской местности и 1700 в городах.

Малую семью подразделяет по типам: малую полную и не полную. Варианты малой полной – супружеская пара с детьми не состоящими в браке (или без них), т.е. нуклеарная; расширенная малая , состоящая из супружеской пары с детьми, не

состоящими в браке, и другими родственниками (по боковой или прямой линии). Не полная малая семья не имеет супружеской пары: один из родителей (вдовый или разведенный) не состоящими в браке детьми, братья и сестры живущие в одной семье и не состоящие в браке; дед или бабка с внуками, не состоящими в браке и т. д. В последнее время этнические традиции обуславливающие этнические особенности этноса, усваиваются в семье с раннего детства, а так же в современных семейно-родственных группах (каум, авлод), т. е. в патронимии. Роль семьи велика в передачи этнокультурных традиций формирующихся под их воздействием.

Подводя итоги всему сказанному, можно констатировать, что в области этнографического изучения Таджикистана имеются значительные достижения, которые особенно велики были в советскую эпоху. Мы имеем целый ряд исследований в области изучения отдельных элементов материальной культуры – одежды, жилища, приемов своеобразной земледельческой техники, различных отраслей народных ремесел; довольно подробно изучены пережитки различных патриархально-родовых укладов, бытовавших в Таджикистане до Октябрьской революции, и формы использования этих пережитков в процессе феодальной эксплуатации, изучены специфические особенности семейного общественного быта; собран значительный материал различным народным представлениям, народным знаниям. В этих статьях определены не только основные задачи советской этнографии, но дана и теоретическая разработка их, обоснована важность каждой из них, намечены пути их решения, а также проведен анализ проделанной в нашей стране работы и выявлены достижения и недостатки этнографических исследований. Благодаря советским и таджикским этнографам этнографическая наука шагнула далеко вперед, имея такие уникальные источники, накопленные громадные и разнообразие сведения о сложности и многообразии жизни, быта и культуры таджикского народа. Во всех работах Икрома Мухиддиновича имеется немало ценных выводов, наблюдений и сведений, эти труды до сих пор не потеряли своей ценности, успешно используются в настоящее время в повседневной практике для дальнейшего изучения этой необыкновенной традиции таджикского народа и развития этнографической науки.

Он принимал активное участие в конгрессах и сессиях: в научных конференциях ученых АН Тадж. ССР. Он имел международный авторитет ученого, его приглашали на международные симпозиумы, конференции, как серьезного специалиста, знатока материальной и духовной культуры одного из древнейшего этноса на территории Центральной Азии.

Икром Мухиддинович в жизни был очень скромным человеком, глубоко порядочным, добрым и отзывчивым другом, великим этнографом Таджикистана.

Зухра МАДАМИДЖАНОВА

БА ТАВАЧҶУҶИ МУАЛЛИФОН

Маҷаллаи «Муаррих» нашрияи илмӣ - назариявии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон буда, маводи соҳаи илмҳои таърихро дар бар мегирад ва тибқи «Қонун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори омма» ба нашр омода мешавад.

ҲАДАФҲОИ МАҶАЛЛАИ ИЛМИИ ТАҚРИЗШАВАНДАИ «МУАРРИХ»

-инъикоси саривактии натиҷаҳои фаъолияти тадқиқотии олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳамчунин олимони мамолики хориҷии наздику дур, аз рӯи соҳаҳои зерини илм: таърихшиносӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сиккашиносӣ, таърихи илм ва техника, таърихи муносибатҳои байналмиллалӣ ва сиёсати хориҷӣ, таърихи санъат, фарҳанг, фалсафа.

-инкишофи ҳамкориҳои байналхалқӣ дар соҳаҳои таърихшиносӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ;

-ба муҳаққиқон фароҳам сохтани имкони наشري натиҷаҳои ҷустуҷӯҳои илмӣ;

-инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори илмҳои таърихшиносӣ;

-ҷустуҷӯи донишҳои нав барои рушди иҷтимоии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва минтақаҳои он;

-тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмӣ таҳқиқотии олимони институт, инчунин олимони донишгоҳҳои дигар ва муассисаҳои соҳаи илму маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон.

ШАРТҲОИ НАШРИ МАҚОЛА ДАР МАҶАЛЛАИ «МУАРРИХ»

-ҳайати таҳририяи маҷалла мақолаҳои илмӣ, тақризҳо, тавзеҳҳои илмӣ қаблан дар нашрияҳои ҷопию электронӣ нашрнашударо барои баррасию ҷоп қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷаҳои дастовардҳои тадқиқоти бунёдии назариро амалӣ оид ба соҳаҳои дониш дар илми таърихшиносӣ дар бар гиранд;

-қарор дар бораи нашр ё радди ҷоп дар асоси муҳимият, навоарӣ ва аҳамияти илмӣ маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;

-муаллифон (ҳаммуаллифон) масъулияти саҳеҳии иттилооти илмӣ пешниҳодгардида ва ҳамаи маълумотро, ки мақола, тавзеҳ ва тақризхоро дар бар мегиранд, ба зиммадоранд;

-ҳамаи маводи ба идораи маҷалла воридгардида ҳатман дар сомонаи *antiplagiat.ru* мавриди тафтиш қарор мегиранд, сипас ҳайати таҳрир, муаллифон (ҳаммуаллифон)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақриз огоҳ мекунад;

-ҳамаи мақола, тавзеҳ ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонаи *antiplagiat.ru* бо мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби му-

- тахассисони пешбари соҳаҳои дахлдори илм ба тақризи дохили ирсол мегарданд;
- мақолаҳои ба тақризи дохили пешкашшуда бояд пурра тибқи талаботе, ки дар сомонии маҷалла: <http://istorik.tarena.tj> зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;
 - агар дар тақриз оид ба ислоҳу тақмили мақола тавсияҳои пешниҳод шуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқарриз (бе сабти ному насаби ӯ) барои тақмилу ислоҳи мавод ирсол мешавад;
 - муаллиф маводи тақмилдодаро ба идораи маҷалла мефиристад ва идора онро якҷоя бо ҷавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи тақрорӣ мефиристад;
 - ҳайати таҳририя ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани муҳтавои илмӣ он ҳақ дорад. Ҳамагонии имлоию техникӣ ва услубиро мусоҳаҳа бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллифон) ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳаммуаллифон) мувофиқа карда мешаванд;
 - нусхаи барои тақмил ба муаллиф (ҳаммуаллифон) фиристода бояд дар муҳлати муқарраргардида, баъди ворид сохтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои электронӣ ва ҷопӣ бояд ба идора баргардонда шавад;
 - мақолаҳои, ки ба ҷоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (ҳаммуаллифон) баргардонда намешаванд. Дар мавриди радди ҷопи мавод идораи маҷалла ба муаллиф (ҳаммуаллифон) раддияи асоснок ирсол мекунад;
 - тибқи дархости шӯроҳои коршиносии КОА назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон идораи маҷалла ба онҳо тақризхоро пешниҳод мекунад.

**ТАЛАБОТ БА ТАҲИЯИ МАҚОЛАҲО
(ТАВЗЕҲҲО, ТАҚРИЗҲО), КИ БА МАҶАЛЛАИ ИЛМИЮ НАЗАРИЯВИИ
«МУАРРИХ» -И ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСӢ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШИ АКАДЕМИЯИ
МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН БАРОИ ҶОП
ИРСОЛ МЕГАРДАНД:**

1. Барои ҷойгир кардан дар маҷалла мақола, тақриз ва тавзеҳҳои илмӣ тибқи ихтисосҳои илмӣ 5.6.1. Таърихи дохили; 5.6.2. Таърихи умумӣ; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология ва этнография; 5.6.5. Таърихнигорӣ, маъҳазшиносӣ ва усулҳои таҳқиқоти таърихӣ; 5.6.6. Таърихи илм ва технология; 5.6.7. Таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ; 5.6.8. Ҳуҷҷатшиносӣ, ҳуҷҷатгузорӣ, бойгонииносӣ (фарҳангшиносӣ), ки қаблан дар ҳаҷ ҷой ҷоп нашудаанд, қабул мегарданд.
2. Муаллифон ба идораи маҷалла ҳатман бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:
 - матни мақола ба забонҳои русӣ ва англисӣ (ба таври имконият бо тарҷумаи русӣ) ё забони тоҷикӣ, ки дар мактуби роҳнамо бо имзои ректор (ноиб ректор) ё роҳбари муассиса ва ё ин ки ташкилот ба шакли ҷопии он муаллиф (ҳаммуаллифон) имзо гузоштаанд;
 - тақризи доктор ё номзади илм, ки онро мудири шӯбаи кадрҳои ҷойи қори муқарриз муҳр ва имзо гузоштааст;
 - маълумотнома аз ҷойи таҳсил (барои аспирантҳою магистрантҳо);
 - шакли ҷопии ҳуҷҷатҳо ба идора ба суроғаи зерин ирсол мешавад: 734025,

шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33, Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, бинои асосӣ, ошёнаи 1, хучраи 21, телефон: (+992) 221-37-42.

-шакли электронии мақоларо ба почтаи электронии www.istorik.tarena.tj ирсол намоед. Телефон барои маълумот: (+992 37) 221-37-42; суроғи сомонӣ маҷалла: www.istorik.tarena.tj

ТИБҚИ ТАЛАБОТИ КОА НАЗДИ ПРЕЗИДЕНТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН МАҚОЛА БОЯД УНСУРҲОИ ЗЕРИНРО ДАР БАР ГИРАД:

-индекси УДК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

-индекси ББК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

-ному насаби пурраи муаллиф (ҳаммуаллифон) ба забонҳои русӣю англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

-унвони илмӣ, дараҷаи илмӣ муаллиф (ҳаммуаллифон), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯӣ), ки таҳқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои русӣю англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

-аспирантон, унвонҷӯён, омӯзгорон, докторантҳо номи муассисаи илмиро (магистрантҳо самти тайёриро) ба забонҳои русӣю англисӣ ё тоҷикию русӣю англисӣ зикр мекунанд;

-зикри мансаб, ҷойи кор, шаҳру мамлакат ба забонҳои русӣю англисӣ ё тоҷикию русӣю англисӣ;

-e-mail ва телефони робитаии муаллиф ва ё ҳаммуаллифон барои тамос;

-номи мақола бо забонҳои тоҷикию русӣю англисӣ бо ҳарфҳои калон, ҳуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman Tj 14, тароз дар марказ);

-фишурда ба забонҳои русӣ ва англисӣ ҳуруфи Times New Roman 14, аз 100 то 250 вожа бо сабти мақсаду вазифаи таҳқиқ, баёни мухтасари кор ва хулосаҳои асосие, ки навоариҳои илмӣ корро дар бар мегирад;

-калидвожаҳо ба забонҳои русӣю англисӣ оварда мешаванд, 5-7 калима ё ибора, ки ду ё се вожаро дарбар мегирад; ҳуруфи Times New Roman 14, тарҳаш - курсив, тароз дар бар, вожаҳо ё ибораҳои калидӣ бо вергул аз ҳам ҷудо карда мешаванд);

-мақола ҳатман бояд номгӯии адабиёти истифодашударо бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида дар бар гирад. Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо назардошти саҳифаи умумии сарчашмаи истифодашуда навишта мешавад. Ҳангоми навиштани рӯйхати мазкур тартиби ҳуруфи алифбо ва талаботи ГОСТ бояд ҳатман риоя карда шаванд;

-иқтибосҳо дар қавсайни квадратӣ бо қайди рақами адабиёт мутобиқи рӯйхати сарчашмаҳо ва саҳифаи он бояд ишора шаванд, масалан: [5,25] ё [5,25; 6,77];

Матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхаи ниҳой махсуб шуда, бояд пурра аз назари таҳрир гузаронида шавад ва аз ғалат пурра орӣ (тоза) бошад.

Мақолаҳое, ки ба идораи маҷалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол мегарданд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти салоҳият, бозғимодии асноди муҳтавои мақолот ба зиммаи муаллифон ва муқарризон вогузор карда мешавад.

Идораи маҷалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«Историк» научно - теоретический журнал Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана публикующий материалы серии исторических наук, издаётся согласно закону Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

ЦЕЛЬЮ И ЗАДАЧАМИ НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИК» ЯВЛЯЮТСЯ:

-оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья по следующим отраслям науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;

-развитие международного сотрудничества в сфере истории, археологии и этнографии;

-предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;

-освещение актуальных проблем и перспективных направлений исторических наук;

-поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;

-пропаганда достижений научно - исследовательской деятельности учёных Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также исследователей других ВУЗов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИК»:

-редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации ранее не опубликованные в печатных и электронных изданиях научные статьи, рецензии, научные обзоры, отзывы, содержащие научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям исторической науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;

-решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов;

-авторы (соавторы) несут всю полноту ответственности за достоверность представляемой научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях;

-все представленные в редакцию журнала материалы в обязательном порядке проходят проверку на сайте *antiplagiat.ru*, после чего редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о приёме материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования;

-поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии в случае положительного ответа после проверки на сайте *antiplagiat.ru* направляются на внут-

ренное рецензирование с целью их экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки;

- статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям, которые размещены на сайте журнала: *<http://istorik.tarena.tj>*

- если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала;

- доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний;

- редколлегия имеет право на редактирование статей без изменения её научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами);

- вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде;

- статьи, не принятые к опубликованию, автору (авторам) не возвращаются. В случае отказа от публикации материала редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ;

- редакция предоставляет рецензии по запросу экспертным советам ВАК при Президенте РФ.

ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ (ОБЗОРОВ, ОТЗЫВОВ, РЕЦЕНЗИЙ), ПРИСЫЛАЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ИСТОРИК» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А. ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 5.6.6. История науки и техники; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

-текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;

-рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;

-справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, главный корпус, 1-этаж, кабинет 21. Электронные версии по адресу электронной почты: *istorik.tarena.tj*. Телефон для справок:(+992 37) 221-37-42; адрес сайта журнала: *www.istorik.tarena.tj*

В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ВАК ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РТ, СТАТЬЯ ДОЛЖНА СОДЕРЖАТЬ:

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);

- индекс ББК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);

- фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;

-учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;

-аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты-направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;

-указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;

- e-mail и номер телефона автора или соавторов для связи;

-название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);

-аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);

-ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание - курсив, выравнивание по ширине);

-статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.

-ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.

Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Текст, присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются. За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

МУАРРИХ - маҷаллаи илмӣ - назариявӣ

Муассис: Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ
наояд. Барои мазмуни мавод ва маълумоти саҳеҳ муаллифони масъуланд. Истинод ба
сарчашма, муаллиф ва шумора ҳатмист.

Мусахҳеҳ: **Манзура ҲАСАНОВА**
Котиби масъул: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Мухаррири техники: **Мухбирҷон КЕНҶАЕВ**
Саҳифабанд ва ороишгар: **Турахӯҷаи ТОҲИРЗОДА**

Ба матбаа 21.04.2023 сол таҳвил шуд. Ба чопаш 22.06.2023 имзо шуд.
Андозаи 70x100^{1/8}. Коғази офсетӣ. Чопи офсетӣ. Ҷузъи чопӣ 11.
Адади нашр 100 нусха. Супориши № 61

Дар нашриёти ҚДММ «Ганҷи хирад» ба таъб расидааст.
734025, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 21. Тел: 227-71-01

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС: 77771

ИСТОРИК - научно - теоретический журнал

Учредитель: Институт истории, археологии и этнографии
им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной
или частичной перепечатке или воспроизведения любым способом ссылка на источник обяза-
тельна.

Корректор: **Манзура ҲАСАНОВА**
Ответственный секретарь: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Технический редактор: **Мухбирджон КЕНДЖАЕВ**
Дизайн и верстка: **Турахуджаи ТОҲИРЗОДА**

Сдано в типографию 22.04. 2023 г. Подписано в печать 22.06.2023 г.
Формат 70x100^{1/8}. Офсетная бумага. Офсетная печать. Печатный лист 11.
Тираж 100 экземпляров. Заказ № 61

Отпечатано в типографии ООО «Ганҷи хирад»
734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 21. Тел: 227-71-01